Грейс Келли

ПРИНЦЕССА МОНАКО

людям о людях

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Грейс Келли: женщина-мечта, женщина-легенда, женщина-сказка. Грейс (Grace) на английском – это и «грация», и «милость», и «достоинство», и даже обращение к герцогам (Your Grace – ваша светлость). Как тут не поверить в предопределение? Она безо всякой протекции стала звездой Голливуда, а потом взошла на трон Монако и словно мановением волшебной палочки превратила маленькое княжество в процветающее и богатое государство.

Как тут не поверить в волшебство? Вокруг нее создано столько мифов, что хватило бы на сотню голливудских актрис и европейских принцесс. Где же правда? Какой она была на самом деле? Наверное, это каждый должен решить сам. Благо, жизнь Грейс – открытая книга. Она никогда не отказывалась от своего прошлого и не скрывала ни хороших своих поступков, ни дурных.

- Грейс Келли. Принцесса Монако
  -
  - Глава I. Мифы и реальность идеальной американской семьи
    -
    - 1. Отец
    - 2. Мать
    - 3. Сестры и брат
    - 4. «Немецкая девочка»
  - Глава II. Воспитание «принцессы»
    - 5. Монастырь
    - 6. Мечты о сцене
    - 7. «Гадкий утенок»
    - 8. Пробуждение сексуальности
    - 9. Выбор пути — мечты и реальность
  - Глава III. В Нью-Йорке
    - 10. Учеба
    - 11. Вкус свободы
    - 12. Первые деньги
  - Глава IV. Вихрь любовных увлечений
    - 13. Алекс д'Арси
    - 14. Дон Ричардсон
    - 15. Театр или кино?
    - 16. Воля родителей
    - 17. Первые роли
    - 18. Клодиус Шарль Филипп

- 19. Мохаммед Реза Пехлеви
- Глава V. Карьера
  - 20. Телевидение
  - 21. В ожидании перемен
  - 22. «Ровно в полдень»
- Глава VI. Рождение звезды
  - 23. «Могамбо»
  - 24. Восходящая звезда
  - 25. В шаге от скандала
  - 26. «Окно во двор»
  - 27. Уильям Холден
- Глава VII. На вершине успеха
  - 28. «Деревенская девушка»
  - 29. Олег Кассини
  - 30. «Поймать вора»
  - 31. Помолвка с Олегом Кассини
  - 32. «Оскар»
- Глава VIII. Монако
  - 33. Передышка
  - 34. Принц и принцесса
  - 35. Невеста для принца
  - 36. Роман века
  - 37. Американская Золушка
  - 38. Свадьба века
  - 39. Княгиня Монако
  - 40. Последние годы

Грейс Келли. Принцесса Монако
сост. Е. Мишаненкова

Я вовсе не Золушка… Просто я всегда хотела чуда.

Женщина. Актриса. Принцесса. Загадка.

Грейс Келли досталось удивительно «говорящее имя». Грейс (Grace) на английском — это и «грация», и «милость», и «достоинство», и даже обращение к герцогам (Your Grace — ваша светлость). Как тут не поверить в предопределение?

За несколько лет до того, как Грейс воплотила мечту миллионов девушек, став женой настоящего принца, на экраны всего мира вышел диснеевский мультфильм «Золушка», героиня которого была похожа на нее как родная сестра. Как тут не поверить в сказку?

Она безо всякой протекции стала звездой Голливуда, а потом взошла на трон Монако и словно мановением волшебной палочки превратила захудалое нищее княжество в процветающее и богатое государство. Как тут не поверить в волшебство?

И это все она — Грейс Келли: женщина-мечта, женщина-легенда, женщина-сказка.

Вокруг нее создано столько мифов, что хватило бы на сотню голливудских актрис и европейских принцесс. В этих мифах она то Золушка, выбившаяся из служанок в принцессы, то голливудская звезда, снизошедшая до нищего принца. Ей приписывают то благородство и все мыслимые добродетели, то распутство и сотни любовников.

Где же правда? Какой она была на самом деле? Наверное, это каждый должен решить сам. Благо жизнь Грейс — открытая книга. Она никогда не отказывалась от своего прошлого и не скрывала ни хороших своих поступков, ни дурных.

Глава I. Мифы и реальность идеальной американской семьи

Ее отец был ирландцем, мать — немкой, а сама она — стопроцентной американкой. Но разве это могло кого-нибудь удивить в Соединенных Штатах?

Грейс Патриция Келли родилась 12 ноября 1929 года в Филадельфии в семье богатого промышленника, в прошлом трехкратного олимпийского чемпиона, Джека Келли и его красавицы-супруги Маргарет (в девичестве Майер), тренировавшей женскую команду по плаванию Пенсильванского университета.

Биографы и обычные сплетники создали такое количество легенд вокруг супругов Келли и их дочери, что теперь уже нелегко бывает отделить правду от вымысла. А когда это все-таки удается, то с удивлением понимаешь, что реальная история этой семьи настолько необычна и удивительна, что рядом с ней меркнут любые выдумки.

1. Отец

> Никогда не брать от жизни все, ничего не отдавая взамен. Все должно быть заработано благодаря упорному труду, настойчивости и честности.
>
> ***Девиз Джека Келли***

Впрочем, к созданию этих легенд в немалой степени приложил руку и сам Джек Келли. Не зря журналисты любят рассказывать о том, как он, десятый сын бедных ирландских эмигрантов, благодаря упорному труду и собственным талантам осуществил «американскую мечту» — много работал простым каменщиком и в конце концов стал миллионером.

С одной стороны, все это — чистая правда. С другой — откровенная ложь. Все зависит от того, как эту историю рассматривать. Да, родители Джека Келли на самом деле были бедными ирландскими эмигрантами — Джон Генри Келли и Мэри Анна Костелло приехали в Америку из Ирландии в поисках лучшей доли, он в 1869 году, а она в 1867. И у них действительно родилось десять детей, одним из которых был Джон Брендан Келли, появившийся на свет в 1889 году и обычно именуемый просто «Джек». Но вот дальше начинаются расхождения с официальной легендой.

Дело в том, что, несмотря на десяток детей, семья Джона Келли вовсе не бедствовала. Миллионером Джон не был, но благодаря хорошей деловой хватке и немалой доле удачи он сумел сколотить небольшое состояние на торговле страховками и помог двум своим сыновьям, Патрику и Чарльзу, основать собственный строительный бизнес. Именно в их фирме и начал свою трудовую деятельность будущий промышленник Джек Келли.

Спору нет, он не был белоручкой, не родился с «серебряной ложкой во рту» и на самом деле сразу после школы пошел работать каменщиком-подмастерьем. Но не от безысходности, а потому что считал этот путь более подходящим для себя, чем что-либо другое, и не где-нибудь у злобных хозяев-капиталистов, а у родных братьев, которые не особо его перегружали. А два других брата, Джордж и Уолтер, потом, когда он решил отделиться и открыть собственное дело, одолжили ему на это семь тысяч долларов — немалые по тем временам деньги.

Кстати, Джордж, ставший известным драматургом, впоследствии любил посмеиваться над несколько пафосной легендой Джека о том, как он выбился «из грязи в князи». Он

утверждал, что мозоли, о которых так любил говорить его младший брат, были вовсе не от тяжелого труда, а от того, что он все свободное время проводил на реке, занимаясь своей обожаемой греблей.

Гребля действительно занимала в жизни Джека огромное место, уж чего-чего, а этого он никогда не отрицал. Он вообще был отличным спортсменом — в 1916 году стал чемпионом США по академической гребле, но это не помешало ему добиться успехов и в других видах спорта. Во время Первой мировой войны он служил в армии (откуда потом демобилизовался в чине лейтенанта) и был известен как не знающий поражений боксер-тяжеловес. Но потом повредил лодыжку, и с боксом пришлось завязать… Но вот заниматься футболом ему это не помешало, и в 1919–1920 годах он в составе Холмсбургского спортивного клуба выигрывал Филадельфийский городской чемпионат по футболу.

Но футбол и бокс были лишь чем-то вроде развлечения или пробы сил. Главное место в жизни молодого Джека Келли занимала все-таки гребля. К 1920 году он был уже шестикратным чемпионом США и метил гораздо выше — его мечтой было померяться силами с самыми знаменитыми гребцами мира в Королевской регате Хенли.

Эта ежегодная регата проходит в британском городке Хенли с 1839 года на первой неделе июля, со среды до субботы. Поскольку основана она еще тогда, когда никто и слыхом не слыхивал ни о каких международных спортивных федерациях, правила у нее свои собственные, отличающиеся от других соревнований. Но она такая старая и престижная, что Международной федерации гребли приходится мириться с ее не всегда корректными правилами.

От одного такого правила и пострадал Джек Келли — он послал заявку на участие в регате, но британские снобы ответили ему отказом, сообщив, что простонародью, занимающемуся физическим трудом, запрещено участвовать в Королевской регате. Скорее всего, дело было не в происхождении инев том, что Джек работал каменщиком, а в обычной боязни конкуренции. Ведь и само это правило когда-то появилось именно для того, чтобы крепкие работяги не могли составлять конкуренцию юношам из хороших семей, занимающихся модной греблей в Оксфорде и Кембридже.

«Бриллиантовые весла» — награда, присуждаемая победителю Королевской регаты среди одиночников, так и осталась для Джека Келли недостижимой мечтой. Осуществит ее только его сын, Джек Келли-младший, которому англичане уже не найдут повода отказать. А пока, в 1920 году, оскорбленный

чемпион США решил взять реванш другим способом и обратил свой взор на Олимпийские игры, которые вскоре должны были состояться в Антверпене. Пусть он и не мог побороться за «Бриллиантовые весла», но зато мог сразиться с их обладателем — британский чемпион Джек Бересфорд тоже ехал на Олимпиаду.

Оба соперника прошли все отборочные этапы и наконец встретились в финале. Их короткая яростная гонка до сих пор считается одной из самых ярких и драматичных за всю историю гребного спорта. Келли оказался сильнее. И пусть сожаления о «Бриллиантовых веслах» его и не покинули, но из Бельгии он увез золотую медаль и чувство удовлетворения — победитель Королевской регаты оказался не небожителем, а простым смертным, которого тоже можно одолеть.

Семейная легенда Келли гласит, что после победы Джек упаковал свою кепку, в которой он выиграл золото, и отправил ее по почте английскому королю Георгу V с запиской: «Привет от каменщика». Королевская семья факт получения кепки, естественно, не подтверждала, но для того, чтобы легенда жила, это и не нужно. Главное — не опровергают, а значит, в нее можно продолжать верить.

Кстати, кроме этой принципиально важной медали Джек Келли получил на той же Олимпиаде еще одну и тоже золотую, которую он выиграл в гребле на двойках в паре с Полом Костелло. Этот успех они потом повторили на Олимпийских играх в Париже в 1924 году.

Однако спорт спортом, ноио бизнесе Джек Келли тоже никогда не забывал.

Тем более что в те времена олимпийские медали богатства не приносили. Но у него была отличная деловая хватка, а уж уверенность в себе после победы над Бересфордом и вовсе взлетела до небес. Так что он умел и нисколько не стеснялся использовать свою популярность как олимпийского чемпиона для того, чтобы получать выгодные контракты.

А известность его была немалой. Когда он вернулся со своей первой Олимпиады, его встречали больше ста тысяч жителей Филадельфии и приветствовали как национального героя. Его фотографии печатались в газетах. А сам он наряду с великим боксером Джеком Демпси считался символом физического совершенства, и газеты считали, что сравниться с ними может только знаменитый скакун Линкор. Да, сравнение на взгляд современного человека странное, но для американцев 20-х годов, помешанных на скачках, вполне понятное и очень даже лестное. Фигура Джека Келли и его обаятельная улыбка считались неподражаемыми, и ему прочили большую карьеру в Голливуде.

А кто-то из журналистов даже назвал его «наиболее гармонично сложенным американцем».

Но сам Джек в Голливуд совершенно не стремился. Он вообще относился к богемным профессиям с подозрением и пренебрежением, хотя два его брата и сестра выбрали именно такой путь. Сестра звалась Грейс, но она рано умерла, поэтому не оставила большого следа ни в искусстве, ни в жизни своих родных, тем не менее, вероятно, в честь нее Джек и назвал свою младшую дочь.

Что же касается братьев, то старший — Уолтер — был комедийным актером и сделал неплохую карьеру на сцене и в кино, пусть и несравнимую, конечно, с карьерой его блистательной племянницы. Он успешно играл на Бродвее, а в 30-е снялся в нескольких фильмах, самым известным из которых был «Судья из Виргинии» — экранизация популярной пьесы, с которой он до того четыре года гастролировал по всей стране. Насколько известной была эта роль, говорит хотя бы то, что он нередко представлялся новым знакомым как Уолтер «Судья» Келли.

В 1919 году Уолтер уже был достаточно успешным актером, поэтому именно он одолжил Джеку пять тысяч долларов на открытие бизнеса. Еще две тысячи дал другой брат — Джордж, который был всего на два года старше Джека и еще только-только начинал приобретать известность. Он поначалу тоже был актером, как Уолтер, играл в водевилях и одновременно понемногу сочинял небольшие пьесы, чтобы разнообразить свой репертуар. Это и оказалось его призванием: в 1923 году он написал свою первую полноценную пьесу, которая имела успех и вдохновила его на дальнейшую работу. В 1926 году он был уже знаменитым драматургом, а его пьеса «Жена Крейга» получила Пулитцеровскую премию как лучшая драма года.

Недоброжелатели называли Джорджа Келли «простым моралистом, использующим театр для упрощенного морализаторства», но как бы то ни было, он пользовался популярностью, его пьесы постоянно шли в театрах и экранизировались, причем некоторые даже не один раз. По «Жене Крейга» снято три фильма, причем в последнем, вышедшем уже в 1950 году, главную роль сыграла великая голливудская актриса Джоан Кроуфорд.

В начале 30-х Джордж Келли окончательно перебрался в Голливуд, где работал на кинокомпанию «Метро-Голдвин-Майер» — писал и редактировал сценарии.

Но в 20-е он жил в Филадельфии, по соседству с Джеком и был частым гостем в его доме. Вероятно, именно благодаря ему Грейс задумалась о том, чтобы стать актрисой. «Он самый

удивительный и тонко чувствующий человек из всех, кого я знала, — говорила она о нем, когда ей было семнадцать лет. — О чем бы ни заходил разговор, он всегда старается, чтобы вы поняли всю красоту и сокровенный смысл сказанного».

Впрочем, влияние Джорджа Келли на племянницу не ограничивалось тем, что он показал ей мир, где деньги можно зарабатывать не только строительством, как отец, но и словами, образами, игрой, лицедейством. Все-таки Джек при всей своей яркости и, как бы сейчас сказали, харизматичности особой утонченностью не отличался. Его жена тоже могла привить детям скорее аккуратность и практичность, чем какую-либо изысканность. Поэтому речь, походку, манеры да и весь свой сдержанно-аристократический стиль поведения Грейс Келли переняла не у родителей, а у дяди. Джордж учил племянника и племянниц правильно говорить, читал им стихи и вообще был для них тем образцом джентльмена, которого рады принять в любом хорошем доме.

Правда, был и в его «шкафу» свой «скелет», много лет замалчиваемый или старательно обходимый как его биографами, так тем более и биографами Грейс Келли. Джордж слыл женоненавистником — он никогда не был женат, даив любовных связях уличен не был. Обычно его называли закоренелым холостяком, хотя объяснение было гораздо проще — он был гомосексуалистом. Впрочем, ничего скандального за ним не водилось (если не считать скандальным сам факт такой сексуальной ориентации, за которую в те годы могли и в тюрьму посадить). Он прожил пятьдесят пять лет со своим другом Уильямом Уигли, официально числящимся у него дворецким. Семья этого, конечно, никогда не признавала, и Уигли не был даже приглашен на похороны Джорджа в 1974 году.

Но, каким бы ни было влияние «дядюшки Джорджа», царем и богом для Грейс Келли, как, впрочем, и для ее брата и сестер, был отец. Именно он был для них главным образцом для подражания. Когда Грейс, к тому времени уже давно принцессу Монако, спросили, не собирается ли она написать автобиографию, она скромно ответила, что нет, но, пожалуй, написала бы биографию отца, а свою добавила бы туда в качестве небольшого постскриптума.

Джек Келли безраздельно царил в трехэтажном каменном особняке № 3901 по Генри-авеню, построенном им для своей семьи в самом престижном квартале Филадельфии Ист-Фоллз. Ему нипочем были банковский кризис и Великая депрессия. Он не доверял банкам, поэтому почти ничего не потерял. В то время как его соседи один за другим разорялись, Джек мог позволить себе

держать шофера, секретаря, повара и нескольких горничных. А когда к власти пришел Рузвельт, в партии которого у Джека было немало друзей, его дела и вовсе пошли прекрасно. Он умел нравиться людям и умел использовать связи. Но при этом даже недоброжелатели не могли обвинить его в коррупции — он разбогател на правительственных заказах, но работы его компания всегда выполняла безукоризненно. Да и в благотворительности он активно участвовал и, будучи рьяным католиком, строил церкви по себестоимости, ничего на этом не зарабатывая.

Кстати, здесь стоит вспомнить любопытную деталь — биографию отца Грейс написать не успела, но в какой-то мере он уже был увековечен на бумаге и в кино. Джек Келли послужил прототипом бизнесмена Джорджа Китриджа в пьесе Филиппа Барри «Филадельфийская история». По этой пьесе в 1940 году был поставлен знаменитый фильм с таким же названием и множеством звезд в главных ролях. Ав 1956 году пьесу экранизировали еще раз уже в виде мюзикла под названием «Высшее общество», и главную женскую роль там исполняла Грейс Келли. Вот так своеобразно круг замкнулся — Грейс сыграла невесту персонажа, списанного с ее собственного отца.

Неудивительно, что такой идеальный гражданин — спортсмен, семьянин, бизнесмен и благотворитель — со временем стал еще и политиком. Его избрали в городской совет, и он даже стал лидером местного отделения демократической партии. Правда, стать мэром ему не удалось, Филадельфия всегда была республиканским городом, и демократам там было не на что надеяться. Но возможно, он не слишком к этому и стремился — для человека, который не собирается делать большую политическую карьеру, такая работа приносила больше хлопот, чем выгод.

К тому же была у Джека Келли одна слабость, которая сильно повредила бы ему, выбери он политическую карьеру. Дело в том, что он был большим любителем женщин. Он был хорош собой, его прекрасной фигурой восторгались даже газетчики — естественно, он очень нравился женщинам. И они ему тоже нравились. Еще одна их популярная семейная легенда гласит, что однажды Джек к какому-то празднику купил двадцать семь одинаковых косметических наборов и разослал их двадцати семи разным дамам.

Ну а жена… закрывала на это глаза, поскольку семью Джек бросать не собирался, деньгами не сорил, да и вообще у него как у главы семьи не было других недостатков. К тому же Маргарет Келли была не из тех женщин, которые безумно ревнуют мужей и

устраивают скандалы. Она требовала к себе уважения и получала его от супруга сполна. Ее никогда не раздирали бурные страсти. Вероятно, такое несходство характеров и сделало их такой крепкой, можно даже сказать, идеальной парой.

2. Мать

> …Она [Грейс] была милым и таким прелестным ребенком, что порой мне хотелось, чтобы она никогда не становилась взрослой — в ней всегда было нечто, отличающее ее от других. Пегги, Джон-младший и Лизэнн были экстравертами, Грейс была застенчивой и склонной к уединению.

Маргарет Келли

Маргарет Кэтрин Келли, в девичестве Майер, была такой же американкой в первом поколении, как и ее муж. Ее родители были немцами, и сама она родилась в Германии, в провинции Баден-Вюртемберг, в декабре 1898 года. Ее родители — Карл и Маргарет Майер — приехали в Филадельфию вскоре после рождения дочери. Она воспитывалась в немецкоязычной среде и первые несколько лет жизни говорила только по-немецки.

С Джеком Келли Маргарет впервые встретилась еще в 1913 году на соревнованиях по плаванию. Но тогда, конечно, она была еще слитком молода, чтобы у них мог завязаться серьезный роман. Да и Джек в то время был всего лишь каменщиком в строительной фирме своих братьев, так что содержать семью ему в любом случае было бы не по карману. И уж тем более такая серьезная и целеустремленная девушка, как Маргарет, не пошла бы замуж за парня без особых достижений и перспектив.

Совсем другое дело — олимпийский чемпион и владелец собственной, пусть пока и небольшой компании. Но и тогда Маргарет особо не торопилась. В отличие от Джека, она хотела получить образование и училась в Темпльском университете по специальности «преподаватель физического воспитания». Во время учебы она немного подрабатывала фотомоделью — ее холодная северная красота пользовалась спросом, и она вполне могла бы стать профессиональной манекенщицей. Но Маргарет никогда не относилась к этому занятию серьезно, видя в нем лишь способ заработать денег, пока у нее нет специальности или мужа.

В 1921 году она окончила университет, получила степень бакалавра, но замуж и тогда не заторопилась, а вместо этого устроилась на работу в медицинский колледж Пенсильванского университета — вести физкультуру у девушек. Кроме того, она стала первым в истории колледжа тренером женской спортивной команды. В Пенсильванском университете Маргарет Майер проработала всего три года, но ее там помнят до сих пор, ведь

она стояла у истоков женского спорта, достижениями которого университет теперь по праву гордится.

Под ее руководством была создана женская баскетбольная сборная, которая уже за первый год провела восемь успешных матчей с командами других университетов. На следующий год появились сборные еще по нескольким видам спорта, а потом Маргарет начала кампанию по сбору средств на строительство теннисного корта, чтобы у колледжа была еще и своя женская теннисная команда. Однако в 1924 году Маргарет покинула работу, поскольку наконец согласилась выйти замуж за Джека Келли. Кстати, Джек ведь был католик, а родители Маргарет и она сама, как большинство немцев из их мест, протестантами. Перед свадьбой она перешла в католичество, ведь она ничего не делала наполовину, но хорошей католичкой это ее не сделало, она никогда не упускала случая съязвить по поводу каких-нибудь церковных догм, казавшихся ей смешными или глупыми.

Дети Джека и Маргарет дружно вспоминали, что у их матери был железный характер и вообще она была женщиной властной, суровой и требовательной.

Сын даже потихоньку называл ее «моя прусская матушка», а знакомые, также потихоньку, — «леди-босс». Особой любовью детей она никогда не пользовалась, но они ее уважали и слушались, что ее вполне устраивало. Она строго требовала от всех выполнения их обязанностей и тщательно выполняла свои.

Первого ребенка Маргарет родила через год после свадьбы — в 1925 году. Это оказалась девочка, которая получила имя в честь матери — Маргарет Кэтрин. Впрочем, звали ее все Пегги, под таким именем она и фигурирует во всех книгах, посвященных биографии ее младшей сестры. Вслед за Пегги в 1927 году на свет появился Джон Брендан-младший, прозванный Келлом. И наконец, 12 ноября 1929 года родилась Грейс Патриция Келли. Почти четыре года она была младшим ребенком в семье, однако в 1933 году их семью ждало последнее пополнение — Элизабет Энн, которую в семье обычно именовали Лизанной.

Маргарет управляла семьей железной рукой, и все дети ей безоговорочно подчинялись, да и муж старался лишний раз не возражать, передав все домашние дела под ее руководство. Она умела сочетать полное соблюдение внешних приличий с жесткой экономией и извлечением выгоды из всего, чего только можно. Она сама стригла дочерей и одевала их в приличные и практичные платья, которые потом, по мере того как девочки росли, переходили от старших к младшим. С самого детства она учила их домоводству и всякому женскому рукоделию. Пегги впоследствии вспоминала, что они никогда не сидели без дела, в

руках всегда должно было быть какое-нибудь рукоделие. «С трех или четырех лет мы были обязаны работать спицами или крючком», — говорила она и добавляла, что это естественно для немецких девочек, а мать их именно так и воспитывала — как было принято в Германии.

К порядку дети приучались жесткими мерами — за мелкую провинность могли получить оплеуху, а за то, что, например, бросили одежду, а не повесили ее аккуратно в шкаф, их штрафовали, вычитая деньги из суммы, выдаваемой на карманные расходы.

Выйдя замуж, Маргарет покинула работу, но заниматься общественной деятельностью не перестала и временами привлекала к ней детей. Так, например, собирая пожертвования для колледжа, она устраивала благотворительные показы мод с участием своих дочерей и цирковые представления, где Пегги изображала жонглера, Келл — силача, а Грейс — канатную плясунью. Не участвовала лишь Лизанна, поскольку была еще слишком маленькой. Впрочем, у всех детей была отличная физическая подготовка, поэтому изображать циркачей им было несложно.

И Джек, и Маргарет были буквально одержимы спортом и уверены, что здоровый дух бывает только в здоровом теле. Поэтому они и сами были отличные спортсмены, и своих детей беспощадно тренировали. Типичный семейный уик-энд для них — это был не пикник или прогулка по парку, а многочасовая тренировка в спортзале или бассейне. Так что вряд ли кого-нибудь из их знакомых впоследствии удивило, что Келл стал гребцом, как отец, а Пегги и Лизанна — пловчихами.

С мужем у Маргарет чем дальше, тем меньше оставалось точек соприкосновения. Спорт — пожалуй, единственное, что нравилось им обоим. У Джека были бизнес, политика, женщины, а у нее? Первое время она полностью заняла себя заботами о доме и семье, но годы шли, налаженное хозяйство требовало все меньше времени, а дети вырастали и отправлялись в школу.

Видимо, это и привело к тому, что с 1935 года Маргарет стала активно сотрудничать с Филадельфийским медицинским колледжем. Для него она как раз и собирала пожертвования, помогала им в строительстве больницы, участвовала в организации работы с умственно отсталыми детьми. В признание ее заслуг одно из отделений больницы было названо ее именем, а ей присвоена почетная докторская степень.

3. Сестры и брат

Отец всегда любил старшую из нас. А потом еще мальчишку, единственного сына. А потом появилась я, а вслед за мной — моя младшая сестра. *Я* ужасно ее ревновала.

Семья Келли со стороны производила впечатление идеальной, особенно когда они все вместе, красивые, стройные и нарядные, приходили в церковь или на какое-нибудь мероприятие, привлекая к себе всеобщие взгляды. Но на самом деле как не были такими уж прекрасными отношения между Джеком и Маргарет, так и взаимоотношения детей с родителями и друг с другом тоже были далеки от идеала. Племянник Джека Келли, Чарльз, как-то сказал, что никто из Келли не может создать нормальную семью, потому что они умеют только подчинять. Возможно, это было и не совсем справедливо, но доля истины в его замечании была, и немалая.

Как это обычно бывает в семьях, где детей воспитывает суровая мать, а обаятельный отец занят своими делами и лишь иногда удостаивает отпрысков вниманием, Пегги, Келл, Грейс и Лизанна обожали отца, а мать только слушались. Джек Келли был для них кумиром, их солнцем, образцом для подражания и последней инстанцией в любых вопросах. Они постоянно соперничали за его любовь и изо всех сил старались привлечь его внимание.

Способы они для этого выбирали разные, но если смотреть в целом, то картина получается такая:

Пегги — любимица отца, единственная, кому не приходилось бороться за его любовь, он ее и так обожал.

Келл — единственный сын, наследник фамилии и продолжатель отцовского дела, именно он должен был воплотить в жизнь то, чего не удалось добиться самому Джеку Келли, и с самого детства он прикладывал к этому все усилия.

Грейс — самая слабенькая из детей, ребенок, которому всегда была нужна забота и защита.

Лизанна — младшенькая, и этим все сказано, ее баловали больше других, как обычно балуют младших.

Пожалуй, тяжелее всех приходилось Келлу — на нем с детства лежало тяжелое бремя продолжателя отцовского дела. Он прекрасно видел, что Пегги любят просто так, но знал, как отец на него надеется, и верил, что если ему удастся оправдать эти

надежды, то его полюбят не меньше, а может и больше, чем старшую сестру.

Джек Келли так и не забыл пережитого унижения, когда ему было отказано в участии в Королевской регате. И даже то, что ему удалось победить британского чемпиона на Олимпиаде, он считал недостаточным. «Бриллиантовые весла» так и остались для него несбыточной мечтой. Хотя… почему несбыточной? Еще можно сделать так, чтобы на них написали фамилию Келли, ведь у него есть сын, который вполне способен стать чемпионом!

Именно это Джек и внушал своему единственному сыну с самого детства. Келл рос с убеждением, что победа в Королевской регате — это его священная миссия, только осуществив, ее он станет достойным своего великого отца. Он тренировался чуть ли не с младенчества — сначала был у отца пассажиром, потом рулевым, потом греб с ним в паре и наконец перешел к одиночной гребле.

К счастью или несчастью, трудно сказать, но у Келла были все данные для того, чтобы стать гребцом — он был крепким, сильным и достаточно спокойным, чтобы раз за разом проходить одну и ту же монотонную дистанцию. Друзья и родственники вспоминали, что он целыми днями пропадал на реке, а когда погода была неподходящей, то продолжал тренировки дома, в своей комнате, где был установлен гребной станок. Он даже бросил футбол, который очень любил, потому что отец решил, что на поле он может получить травму, которая помешает его карьере гребца.

В те времена еще не было модных ныне психологических теорий, но многим друзьям и родственникам Джека Келли даже с точки зрения простого здравого смысла казалось, что он несколько перегибает в стремлении сделать из сына второго себя. Некоторые даже пытались сказать ему это, но все было бесполезно — он привык всегда добиваться своей цели и не обращать внимания на препятствия. И он добился — Келл дважды выиграл «Бриллиантовые весла»: в 1947 и 1949 годах.

А получил ли он то, что хотел — любовь и признание отца? В какой-то степени, вероятно, да, ведь Джек Келли был на самом деле счастлив, что сын осуществил его мечту. Вот только когда у Келла родилась дочь, отец (видимо, из самых лучших побуждений, желая утешить его, ведь он хотел сына) сказал: «Не бери в голову, сынок. Моей главной радостью в жизни всегда была Пегги».

Можно только догадываться, как себя в тот момент чувствовал Келл, всю жизнь положивший на алтарь отцовских амбиций и мечтаний.

Ну а что же сама любимица Джека Келли, его Пегги? Пожалуй, из всех детей именно она была на него больше всего похожа, не зря он так ее обожал. Она росла высокой, сильной, ловкой и очень спортивной. Со временем она стала прекрасной пловчихой. В отличие от брата и сестер, она почти ничего не унаследовала от матери ни в плане внешности, ни в плане характера и не поддалась ее немецкому воспитанию.

К тому же с ней у Джека Келли было связано одно из самых сентиментальных воспоминаний — как он с шестимесячной дочкой на руках гордо переступает порог своего нового большого дома. Тогда в его душе смешались гордость бизнесмена, которому удалось многого добиться, и отца, который сумел обеспечить своему ребенку достойную жизнь. Он очень часто вспоминал этот эпизод и каждый раз с нежностью смотрел на свою Пегги, которая подарила ему один из самых приятных моментов в его жизни.

Пегги была такой же, как ее отец: деловой, проницательной ив то же время острой на язык, бесшабашной и сумасбродной. Она считала себя настоящей ирландкой, поэтому правила для нее были не писаны. Но в то же время она была настоящей Келли и очень хорошо умела подчинять себе людей — Грейс испытала это на себе и в детстве, и уже будучи взрослой, когда именно Пегги приезжала от имени семьи присматривать за ней и контролировать ее поведение.

Самой младшей среди детей была Лизанна, и она была типичной младшенькой в семье — ей позволяли то, за что ее сестер и брата в свое время ругали, от нее меньше всех требовали, зато больше всех баловали. Когда она родилась, даже Грейс было уже почти четыре, а уж с Пегги ее и вовсе разделяло целых восемь лет. К тому времени родители почти забросили все эксперименты с воспитанием детей (не считая их приобщения к спорту, конечно) и позволили младшей дочери расти как ей вздумается. А для того чтобы участвовать в благотворительных мероприятиях матери, она была слишком мала, так что ей и их удалось в основном избежать.

При этом надо сказать, Лизанна не была девочкой-цветочком. По характеру она больше походила на упрямую Пегги, чем на покладистых Келла и Грейс. Она быстро росла, была физически крепкой и неохотно слушалась старших. Это очень расстраивало Грейс, которая сама была тихой послушной девочкой и всегда выполняла то, что ей приказывала Пегги, а теперь ждала того же от младшей сестры по отношению к себе.

Впрочем, если Лизанна ее не слушалась, то уж она Лизанну тем более — в будущем их детские взаимоотношения еще скажутся, и когда семье надо будет повлиять на Грейс, усилия

младшей сестры окажутся бесполезными, и родителям придется отправлять к ней Пегги.

4. «Немецкая девочка»

> В детстве я была ужасно застенчивой. Настолько застенчивой, что пыталась забиться куда-нибудь в угол, чтобы только не попадаться другим на глаза.

Грейс Келли в детстве была примерным ребенком, ее не тяготил материнский диктат, и она с легкостью стала той самой примерной «немецкой девочкой», какую Маргарет Келли пыталась воспитать из всех своих дочерей.

Было это послушание частью истинного характера Грейс или она таким образом старалась заслужить любовь матери — трудно сказать. Скорее всего, верно и то, и другое. С одной стороны, она на самом деле была послушной девочкой и оставалась таковой еще много-много лет. Даже став звездой и любимицей всего мира, она беспрекословно слушалась родителей, решавших, за кого она может выйти замуж, а за кого нет.

Но с другой стороны — Грейс с детства была очень наблюдательной, умной и несколько себе на уме. О своих отношениях с братом и сестрой она говорила: «Мы всегда соревновались между собой. Соревновались буквально за все, и особенно — за любовь». И конечно, она не могла не видеть, что Пегги — любимица отца, что Келл — его надежда и что Лизанну балуют потому, что та самая маленькая. Значит, и ей надо было найти что-нибудь, за что ее будут любить и баловать.

Возможно, будь Грейс такой же бойкой, как Пегги, она попробовала бы превзойти сестер в спортивных достижениях — родители это уважали и, несомненно, заметили бы. Но она была слишком тихой, замкнутой и отстраненной, чтобы открыто привлекать к себе внимание. Да и спорт она не очень любила, а в основном делала вид, чтобы не разочаровать родителей.

В итоге она выбрала окольный путь. Джек и Маргарет Келли и сами не заметили, как Грейс стала для них самой слабенькой и хрупкой из их детей. Она держалась позади всех, то и дело разбивала коленки, была страшно неуклюжей и постоянно шмыгала носом. Поэтому ее все жалели, не нагружали лишний раз, беспокоились о ней, и вскоре ей стало доставаться больше забот и лакомств, чем даже младшенькой Лизанне. На что уж Маргарет была «прусской матушкой», но и она обращалась с Грейс мягче, чем с остальными детьми, жалея своего маленького неуклюжего «гадкого утенка».

«Мне всегда хотелось оберегать Грейс, — рассказывала она

впоследствии, вспоминая детские годы своей знаменитой дочери. — Наверное, она привлекала мужчин к себе тем же самым, чем и меня. Каждый мужчина, который знал ее, начиная с пятнадцати лет, хотел взять ее под крыло».

Впрочем, такое прозрение пришло не только к ней — Лизанна выражалась еще более прямо и жестко: «Даже добившись успеха, в расцвете красоты Грейс обладала редким даром делать так, чтобы окружающие возились с ней. Все искренне верили, что она нуждается в помощи, хотя на самом деле это ей совершенно не было нужно. Ей вообще не требовалось никакой помощи.

Просто она производила такое впечатление».

Что ж, скорее всего Маргарет и Лизанна были правы в своей оценке. Грейс научилась быть беспомощной, чтобы ее больше любили, и ей это очень пригодилось в жизни.

Да и не только это. Воспитание, полученное Грейс, и вся атмосфера, в которой она провела детские годы, научили ее многим полезным в жизни вещам. Например, тому, что как бы ты ни чувствовал себя на самом деле и какую бы ты жизнь ни вел, надо производить впечатление человека уверенного в себе, спокойного и респектабельного. Именно так всегда выглядели ее родители, и никому из посторонних людей и в голову не пришло бы, что Джек постоянно крутит романы, а Маргарет об этом знает. Такой же будет и Грейс — воплощенная респектабельность, благородная леди среди скандальных голливудских актрисулек. С виду, конечно, но для репутации только это и требуется.

Постоянная борьба за внимание жесткой требовательной матери и обаятельного самоуверенного отца научила Грейс другому важному умению — быть такой, какой ее хотят видеть. Для матери она была послушной «немецкой девочкой», для отца — его хрупкой очаровательной «принцессой».

Эта ее способность подобно хамелеону подстраиваться под любое окружение и становиться такой, какой ее желают видеть именно здесь и именно сейчас, впоследствии поражала и восхищала как режиссеров, так и журналистов. Она не играла роли, она жила в них, верила в тот образ, который изображала — не важно, на сцене, на съемочной площадке это происходило или в жизни. «Мне всегда нравилась жизнь понарошку», — говорила она. Ее мастерство перевоплощения достигло небывалых высот: несмотря на ее яркую запоминающуюся внешность, люди нередко не узнавали ее при новой встрече, настолько другим человеком она могла выглядеть.

Знаменитая холодноватая отстраненность Грейс Келли тоже родом из детства. Тут сказались и чопорное материнское воспитание, и влияние дядюшки Джорджа, который всегда

держался особняком и производил впечатление настоящего аристократа. Но в основном дело в одиночестве. Будущая актриса росла в большой семье, но с детства была очень одинока, как бывают одиноки не слишком любимые дети эгоистичных родителей, к тому же сильно отличающиеся от своих братьев и сестер.

«Она в семье своей родной казалась девочкой чужой…» Лучше гения не скажешь — написанные за сто лет до рождения Грейс пушкинские строки так точно и метко характеризуют ее детство, словно о ней и написаны.

Действительно, Грейс была чужой в собственной семье, и это признавали и сами ее родственники, особенно когда много лет спустя оглядывались на ее детские годы. Бывшие друзья и приятели вспоминали, что в отличие от общительных сестер она любила быть одна, и самым лучшим обществом для нее были куклы. Она не только наряжала их, как другие девочки, но разыгрывала с ними целые спектакли, которые совершенно не стремилась показывать ни родным, ни друзьям.

Более того, она даже разговаривала с куклами на каком-то ею самой придуманном языке, который больше никто не понимал. А раз не понимал, то и не мог проникнуть в мир ее фантазий, тщательно оберегаемый от посторонних. то есть от всех, кроме нее самой.

До какой степени она погружалась в выдуманный мир, становится ясно из семейной легенды о том, как однажды своенравная Лизанна за что-то разозлилась на сестру и заперла ее в чулане, где та как раз играла со своими куклами. Спустя несколько часов кто-то заметил, что Грейс давно не видно, ее начали искать и обнаружили, что она продолжает играть с куклами, а главное — даже не заметила, что ее запирали и что несколько часов она провела в одиночестве.

Много лет спустя, когда Грейс была уже принцессой Монако, все та же неугомонная Лизанна обнаружила в ее дворце ящик. сее детскими куклами. Теми самыми, с которыми она играла в детстве. Грейс не только сохранила их, но и привезла с собой через Атлантический океан, чтобы они были с ней в ее новом доме. Что поделать, она и в новой семье тоже была «девочкой чужой».

Глава II. Воспитание «принцессы»

5. Монастырь

Я — не экстраверт, но и не отношусь к людям недоброжелательным. Мне не свойственны повышенная эмоциональность и чрезмерная общительность, но не люблю читать о себе, что я — бесчувственная и необщительная. *Я* не считаю себя такой.

Осенью 1934 года родители решили, что пора Грейс получать образование, и отдали ее в Академию Успения Пресвятой Богородицы в приходе церкви Святой Бригитты. Под этим пышным названием скрывалась солидная католическая школа с хорошей репутацией — самое подходящее место для дочери ревностного католика Джека Келли.

Именно там развились и закрепились как лучшие, так и худшие черты характера будущей великой актрисы. И это хорошо заметно уже хотя бы по тому, что сестры-монахини запомнили ее тихой, послушной и религиозной девочкой, стремящейся к благодати, а одноклассницы — чертенком в юбке, участвовавшим во всех проказах и тайком дымившим запретной сигареткой на заднем дворе школы.

Академия Успения Пресвятой Богородицы была элитным учебным заведением, что, несомненно, тоже повлияло на решение Джека Келли отдать туда свою дочь. Он всегда мечтал стать своим в аристократической среде. Там учились около сотни девочек, а присматривали за ними два десятка монахинь. Обучение было организовано на европейский манер, что было необычно не только для Филадельфии, но и для всех Соединенных Штатов. Там не приветствовалось американское упрощение языка, все учителя говорили с оксфордским или кембриджским акцентом, и девочки выходили оттуда с умением говорить и писать как настоящие леди.

Все было подчинено воспитанию дисциплины, хороших манер и благонравия. Сестры следили за тем, как девочки ходят, носят одежду, держат столовые приборы, как разговаривают друг с другом. «Возбранялось даже малейшее проявление грубости, — рассказывала журналистам мать Доротея, бывшая одной из наставниц в те времена, когда там училась Грейс. — Мы пытались донести до наших питомиц, что все мы частицы тела Христова, а поэтому неуважение и грубость друг к другу — это проявление неуважения к самому Христу. Мы постоянно подчеркивали это».

К тому же в монастырской школе, как это ни парадоксально,

можно было узнать о мире и о людях из других стран куда больше, чем в любой другой американской школе. Католичество — религия всемирная, не знающая границ, поэтому в Академии Успения Пресвятой Богородицы даже выходил журнал, рассказывающий о международных новостях. Конечно, все они были связаны с ситуацией вокруг других школ ордена, но поскольку те были разбросаны по всему миру, на них не могли не отражаться международные события. В то время как большая часть американцев была уверена, что надвигающаяся война их не касается, ученицы монастырской школы уже знали, что она касается каждого человека. Чем ближе была война, тем больше детей из европейских стран приезжали учиться к ним, а точнее — бежали из своих стран и искали убежища в Соединенных Штатах, под крылом знакомого ордена.

В числе прочих, кстати, были и дочери барона фон Траппа, бежавшие вместе с отцом и мачехой из Австрии от преследования нацистов. Впоследствии их мачеха, Мария фон Трапп, написала книгу об истории их семьи, по которой были поставлены несколько фильмов и всемирно знаменитый мюзикл «Звуки музыки».

Большинство людей, услышав словосочетание «монастырская школа», сразу представляют себе мрачное заведение казарменного типа, где в несчастных детей жестоко вбивают религиозность и послушание. И конечно, ореол такого мученичества добавил бы образу Грейс Келли дополнительные краски. Но как бы ни были этим разочарованы любители сенсаций и драм, Академия Успения Пресвятой Богородицы не была ни казармой, ни тюрьмой. Может быть, дети, привыкшие к полной свободе, и чувствовали себя там не слишком уютно, но в целом дисциплина там была не жестче, чем в других закрытых школах, а воспитывать монахини предпочитали молитвами и внушениями, а не розгами или карцером.

Бывшие ученицы вспоминали, что их наставницы вообще были немного не от мира сего — они то и дело отлучались на молитвы и с детским восторгом разыгрывали с ученицами сцены из Священного Писания. Жизнь после смерти для них была чем-то несомненным, и относились они к ней по-бытовому практично — всем ученицам раздавали книжечки, в которые те должны были записывать вопросы, которые хотят задать Богу. Чтобы не забыть.

Пожалуй, в Академии Грейс чувствовала себя даже комфортнее, чем дома. Сестры-монахини, как положено истинным христианкам, искренне любили своих воспитанниц. К тому же они были полностью лишены эгоизма, отличавшего Джека и Маргарет Келли. В школе Грейс наконец-то смогла

почувствовать себя не чужой, а вполне нужной и любимой. Ну а подчиняться правилам ей было нетрудно — она с легкостью приспосабливалась под любые условия и даже начинала получать от них удовольствие. Тем более что внешняя сторона для нее часто была важнее, чем внутренняя, но уж чем-чем, а красотой и торжественностью внешней стороны обрядов католицизм всегда умел поразить.

Грейс искренне приходила в восторг от красивых церемоний и от того, с какими просветленными лицами сестры-монахини их совершали. Она видела их искренность, их веру, так контрастирующую с обстановкой лицемерия, к которой она привыкла в родном доме, и обожала их все больше. Академия Успения Пресвятой Богородицы осталась в ее памяти как счастливый и невинный мир, где она играла в прятки, ела вкусные пирожки и чувствовала себя не «гадким утенком», а счастливым и любимым ребенком.

Отец забрал ее оттуда после восьмого класса, поскольку его пирожки и прятки как раз не интересовали — его куда больше волновало то, что в школе недостаточно хорошо преподают физкультуру. Но Грейс никогда не теряла связи с монахинями — она писала им письма, поздравляла с Рождеством, просила совета, причем не только пока была подростком, но и потом, став взрослой самостоятельной женщиной.

Училась она не так чтобы очень хорошо — способности к наукам у нее были довольно скромные, но мать Доротея вспоминала о ней с одобрением, как о вежливой, любознательной и со всех сторон положительной девочке: «Она обращалась к старшим предельно вежливо, словно была лично заинтересована в истине, а вовсе не для того, чтобы поймать кого-то на неточности. Она всегда была настроена весьма доброжелательно».

Можно сказать, что результат обучения в Академии был для Грейс Келли скорее воспитательный, чем образовательный. Знания не особо задерживались в ее голове, а вот хорошие манеры, привитые монахинями, остались навсегда. Плюс к тому из школы она вышла с твердой уверенностью в правильности католицизма. Родители у нее не были особо религиозными, особенно, конечно, мать, бывшая протестантка. Отец тоже был скорее формальным католиком, чем искренне верующим (что не мешало ему ревностно соблюдать обряды и требовать того же от всех членов семьи). Для Грейс же двойственность католицизма, позволявшего сколько угодно грешить, если после этого искренне раскаешься, оказалась поистине близка. Это была ее религия, ее мировоззрение, которое могло успокоить разгоравшийся в ее душе конфликт между желанием жить как ей нравится и не менее

сильным желанием угодить людям, которые ей дороги.

Монахини вспоминали, как пылко она исповедовалась в типичных детских грешках непослушания и мелкой лжи. А одноклассницы — как она с удовольствием проказничала, хихикала во время благословения, втихую курила за школой. Причем и там, и там она была совершенно искренней, такой уж двойственный был у нее характер. Таким же он и остался — именно эта двойственность поражала в дальнейшем почти всех, кому удавалось поближе с ней познакомиться и увидеть не только внешний образ блистательной и холодной звезды, но и то, что за ним скрывалось.

6. Мечты о сцене

Я вспоминаю свое первое выступление на сцене как нечто приятное. Приятно было чувствовать отклик аудитории.

Фантазировать Грейс любила с детства — ее сестры вспоминали, что еще будучи маленькой она любила рассматривать журналы, выбирала самые красивые картинки и говорила, что вот так будет выглядеть ее дом, вот так — ее муж, вот так — ее дети, ее яхта, ее свадебное платье и т. д. Тогда они посмеивались над ее фантазиями, но Грейс это мало заботило, она уходила в выдуманный мир и была там счастлива, что бы об этом ни думали окружающие.

Зимой 1940–1941 года она побывала на представлении русского балета и пришла в восторг — это было что-то волшебное и сказочное, словно ожившая фантазия. Грейс впервые поняла, что фантазии, которые крутятся где-то в голове, но которые невозможно реализовать на практике, можно выразить другим способом — через искусство. Она тут же занялась танцами и брала уроки до тех пор, пока к ее огромному разочарованию ей не объяснили, что балерины из нее не получится, потому что она слишком высокого роста. Пришлось переключиться на бальные танцы, хотя Грейс понимала — это уже не совсем то, что ей нужно.

Однако недолгие занятия балетом помогли ей серьезнее взглянуть на другое, более раннее увлечение. В Академии Успения Пресвятой Богородицы были очень популярны традиционные католические представления, разыгрываемые по различным праздникам. Грейс всегда участвовала в них с большим удовольствием, играла сначала ангелочков и пастушков, а со временем поднялась до главных ролей, в том числе и до самой престижной — Девы Марии.

Грейс очень нравилось чувствовать себя на сцене другим человеком — там она уже не была неуклюжей, застенчивой и не слишком популярной девочкой, а почти на самом деле ощущала себя тем героем, которого изображала. Но в школе развернуться было особо негде, круг представлений там был довольно ограниченный, и Грейс обратила взор на небольшую любительскую труппу «Лицедеи старой школы».

Это был период массового увлечения театром, и подобных трупп в Филадельфии было довольно много. В их состав входили

в основном энтузиасты, организовывавшие спектакли на собственные средства и ради собственного удовольствия, поэтому Джек Келли не увидел ничего страшного в том, что его дочь тоже хочет в этом участвовать. Тем более что в труппу «Лицедеи старой школы» входили в основном жители района Ист-Фоллз, то есть соседи семьи Келли.

«Он просто пристально посмотрел на меня из-за письменного стола, — рассказывала Грейс о реакции отца на ее заявление, что она хочет быть актрисой, — а затем произнес: “Ну ладно, Грейси, если ты этого хочешь.” Вот так и получилось, что в 1941 году Грейс Келли дебютировала на сцене старой школы, приспособленной самодеятельной труппой под любительский театр, в спектакле «Не корми зверей».

Ей было двенадцать лет, но по воспоминаниям членов труппы, она сразу поразила их своим профессионализмом, трудолюбием и пунктуальностью. Она играла лучше всех, никогда не опаздывала, а когда театру что-либо требовалось, старалась любым способом это достать. В основном это касалось костюмов, для которых она перетаскала в театр половину материнского гардероба.

К четырнадцати годам Грейс была уже звездой этого маленького театра и ведущей актрисой труппы. Она играла Питера Пэна, Катарину в «Укрощении строптивой», ставила блистательные танцевальные номера. Ей прочили большую сценическую карьеру, и не только участники труппы «Лицедеи старой школы». К тому времени Грейс перевели в другую школу, и новые одноклассники, делая шутливые предсказания будущим выпускникам, написали в ее дневнике: «Будущая звезда радио и кино».

7. «Гадкий утенок»

Я была такая неприметная, что меня приходилось снова и снова представлять одним и тем же людям, прежде чем меня наконец начинали узнавать. *Я* не производила ровно никакого впечатления.

Когда Грейс было почти четырнадцать, отец, как уже было сказано, перевел ее из Академии Успения Пресвятой Богородицы, программа которой перестала его устраивать, в другую школу. Теперь он выбрал старую и уважаемую частную школу для девочек из высшего общества — Стивенс Скул в Джермантауне. По тамошней легенде, ее основательница потеряла жениха в войне между Севером и Югом, упала без чувств с лестницы, стала инвалидом и всю оставшуюся жизнь посвятила воспитанию благородных девиц. В школе сохранилась даже та самая лестница, которую показывали гостям, рассказывая эту историю.

В этой школе учили тоже больше не знаниям, а хорошим манерам, только теперь уже с упором на то, что выпускницы со временем выйдут замуж за представителей аристократии и будут руководить большим домом. Их обучали тонкостям этикета и изящным манерам, ну а арифметика и прочие науки… в школе полагали, что настоящей леди они не слишком нужны, и глубоких знаний с девушек не требовали.

Грейс в то время мало напоминала блистательную принцессу Монако и звезду киноэкрана, которой ей предстояло стать. По воспоминаниям знакомых, она любила сладости, поэтому была довольно толстенькой, быстро вытянулась в длину и из-за этого стала очень неуклюжей, а вот грудь у нее никак не росла. Одноклассницы рассказывали, что она страшно комплексовала итои дело массировала грудь, надеясь, что это поможет ей быстрее расти.

Маргарет Келли вспоминала, что в то время ее дочь была классическим «гадким утенком»: «Был такой период между четырнадцатью и шестнадцатью годами, когда внешне она ровно ничего из себя не представляла: вечно хихикающая девчонка с писклявым, слегка гнусавым голоском. У нее всегда были проблемы с носом. От этого ее голос звучал как-то по-особенному. А так как она любила покушать, то это не преминуло сказаться на ее весе. Кроме того, Грейс страдала близорукостью и вынуждена была носить очки».

Но время шло, и «гадкий утенок» на глазах у всех постепенно

превращался в прекрасного лебедя. К шестнадцати годам Грейс повзрослела достаточно, чтобы избавиться от подростковой неуклюжести, похудеть и обзавестись весьма привлекательными формами. Все остальное довершила наследственность.

Все дети Джона и Маргарет получили от родителей крепкое здоровье и правильные черты лица. Благодаря этому у них была отличная кожа, ровные крепкие зубы, стройные фигуры и красивые скульптурные лица. Любой из них с легкостью мог бы позировать для пропагандистских плакатов, являя собой пример идеального гражданина, строящего для своей страны светлое будущее.

Но безусловно, Грейс выделялась даже на фоне собственных братьев и сестер. Кроме правильности черт ей досталась еще утонченность, которой не хватало остальным членам ее семьи. Благодаря этому она выглядела не просто как крепкая здоровая американская девушка (что можно было сказать о ее сестрах), а как настоящая аристократка. Не зря всю последующую жизнь вокруг нее то и дело возникали легенды об ее знатных предках. Единственное, что выдавало ее неаристократическое происхождение — это крупные руки, доставшиеся ей от многих поколений простых тружеников, зарабатывавших на жизнь тяжелым физическим трудом. Но когда Грейс стала знаменитой актрисой, она научилась не акцентировать внимание на этом единственном недостатке своей внешности.

В юности же на ее недостаточно изящные руки мало кто обращал внимание, не в таком уж аристократическом кругу она вращалась, чтобы там кому-нибудь было дело до подобной мелочи. Куда больше ее сверстников интересовала ее прекрасная фигура и нежная, словно светящаяся изнутри, кожа. Привлекательности Грейс добавляла и ее великолепная осанка — тут помогли занятия танцами и уверенная манера держаться, которую она приобрела на сцене.

К тому же она, перейдя в новую школу, быстро научилась использовать все ресурсы, какие у нее были благодаря деньгам семьи Келли, чтобы привлекать к себе внимание. «Она была из немногих девушек, у которых были собственные машины, — вспоминала ее школьная подруга Джейн. — С откидным верхом. У Грейс был, если не ошибаюсь, «Плимут» голубого цвета, который носился — аж дух захватывало. Каждый день мы ездили на хоккейные тренировки.» Судя по рассказам Джейн и других одноклассников, Грейс обожала быструю езду и обычно мчалась так, что подруги едва не визжали от страха. И эта привычка осталась у нее до конца жизни.

Грейс любила веселые шумные компании, всегда рада была

развлечься, посмеяться, потанцевать. Обычно они с подругами по субботам собирались в баре, где пили молочные коктейли — что-то более крепкое им было еще не по возрасту, а закон нарушать они не стремились. После бара они шли в кинотеатр, где Грейс, как вспоминали ее приятели, всегда готова была всплакнуть над сентиментальной сценой. Ее любимым актером был Алан Лэдд, звезда фильмов-нуар, а любимой актрисой — Ингрид Бергман, холодная и прекрасная «главная девственница Голливуда», с которой через какие-то несколько лет критики будут сравнивать восходящую звезду Грейс Келли.

8. Пробуждение сексуальности

> …Отношения между родителями и детьми стали более либеральными, более открытыми и свободными в наши дни. Один из позитивных факторов этого я вижу в том, что люди могут более открыто говорить о вещах, которые обычно старательно скрывались в прошлом. Процесс взросления никогда не был легким, не так ли?

Естественно, как только Грейс стала взрослеть и превращаться из неуклюжей толстушки в стройную красавицу, она резко начала нравиться мальчикам. А веселый нрав, бесшабашность и, конечно, машина с откидным верхом делали ее еще более привлекательной в их глазах. К шестнадцати годам у нее уже отбоя не было от кавалеров.

Первым ее серьезным увлечением стал Чарльз Харпер Дэвис, учившийся в элитной школе «Пенн Чартер Скул» в одном классе с ее братом Келлом. Отец Харпера Дэвиса был местным дилером фирмы «Бьюик», так что более подходящего парня вроде бы и найти было нельзя. Яркий, популярный, богатый — он был мечтой любой местной девушки и отличной кандидатурой в женихи. но не для дочери Джека Келли.

Он всегда строго контролировал все романы своих дочерей, и даже для своей любимицы Пегги не сделал исключения, когда она начала встречаться с неподходящим по его мнению молодым человеком. Что уж говорить о Грейс!

Джек Келли терпеть не мог отца Харпера Дэвиса, и к тому же не желал отдавать дочь за протестанта, а он прекрасно видел, что этот роман того и гляди завершится свадьбой. В 1944 году Харпер Дэвис окончил школу и собрался на войну, поэтому они с Грейс вполне могли пожениться, никого не спрашивая. Или не пожениться, а и того хуже — многие девушки перед уходом своих парней на войну все-таки уступали им, хотя в те годы девственность была не пустым звуком и добрачный секс мог сильно повредить репутации девушки. Как бы то ни было, Джек Келли в один прекрасный момент решил, что пора положить конец отношениям Грейс с Харпером Дэвисом, и потребовал, чтобы они расстались.

Грейс, конечно, расстроилась, но Джульетты из нее не получилось — возражать отцу она ни за что бы не решилась. Поэтому когда Харпер Дэвис явился в следующий раз, он получил недвусмысленную отставку.

Но видимо, это расставание все-таки далось Грейс нелегко, потому что после отъезда бывшего возлюбленного она, как говорится, «пустилась во все тяжкие». Она больше не стала заводить себе постоянного кавалера и строить с ним какие-то совместные планы на будущее. Теперь ее ухажеры менялись едва ли не каждую неделю, не оставляя больше шрамов в ее душе. Тем более что ее отца это вполне устраивало. «Ты можешь назначать ей свидания сколько твоей душе угодно, — прямо заявил Джек Келли одному из поклонников дочери, показавшемуся ему излишне рьяным. — Но не думай при этом, что ты на ней женишься». Судьбу своих отпрысков он собирался устроить сам, ну а пока не мешал им развлекаться. Лишь бы не шли против его воли.

И Грейс развлекалась. Причем так активно, что скоро стала считаться девушкой, с которой можно себе многое позволить. Подразумевался под этим петтинг — ручные ласки. А поскольку юноши, разумеется, хвастались своими «подвигами» в спортивных раздевалках, все были в курсе, какая девушка до чего позволят доходить. Кто-то давал погладить ногу над чулком, кто-то залезть под блузку, а кто-то, как Грейс, и нечто большее. До секса дело, конечно, не доходило, что впоследствии подтверждали и сами ее бывшие кавалеры, но все остальное она, по меткому выражению одного из них, «прошла от и до».

Сама Грейс к этим школьным шалостям относилась не слишком серьезно и спустя много лет, уже будучи княгиней, даже позволяла себе пошутить, когда вспоминала юные годы. Например, об автомобиле одного из своих постоянных парней, Чарли Фиша, она сказала: «Надеюсь, он наконец-таки нашел последнее успокоение на свалке. Подумать только, какие только истории могло бы порассказать его заднее сиденье!»

Правда, при всей своей раскованности она никогда не считалась доступной — своим кавалерам она позволяла многое, но ведь этим кавалером еще надо было стать. А она достаточно придирчиво относилась к выбору парней и ни за что бы не села в машину с первым встречным или тем, кто ей не слишком нравился.

«Она была довольно немногословна, — рассказывал один из ее бывших ухажеров писательнице Евен Робинс, первому биографу Грейс Келли. — Вместо того чтобы воображать и беспрестанно трещать только о себе самой, как это часто бывает у девушек-подростков, Грейс внимательно относилась к своим кавалерам. И каждый из них начинал чувствовать себя едва ли не королем». Другой подтверждал это и добавлял: «Если вам хотелось посидеть, она тоже садилась. Если вам хотелось

танцевать, она танцевала. А если вы приглашали ее с собой на вечеринку, она ни за что не стала бы вешаться на шею другому парню. Она была вашей девушкой и оставалась ею».

9. Выбор пути — мечты и реальность

> Желание стать танцовщицей было сильнее, чем желание стать актрисой. *Я* пыталась поступить в Беннингтон, потому что у них была великолепная программа обучения всем видам танцев. Там преподавала Марта Грэхем и другие замечательные педагоги. *Я* была в списке кандидатов, но не прошла по конкурсу.

К тому времени, как Грейс окончила школу, она уже была той «снежной королевой», которую скоро предстояло узнать всему миру. В кругу друзей она могла пошутить, похохотать, но на людях держалась с царственной холодностью, которая была, с одной стороны, результатом воспитания и привитых ей хороших манер, а с другой — следствием природной застенчивости, заставлявшей ее неуверенно чувствовать себя среди незнакомых людей.

Но как бы царственно она ни выглядела, все же она не была аристократкой, и вскоре после окончания школы ей напомнили, что она — всего лишь дочка разбогатевшего каменщика. Дело в том, что была у Грейс одна мечта, обычная в общем-то для юных девушек. Она хотела попасть на бал филадельфийской Ассамблеи. Это был самый старый и знаменитый в США бал, проводившийся еще с 1748 года, там собирался весь цвет общества, и все девушки города мечтали там побывать.

В любом другом городе США она непременно бы попала на бал. Но не в Филадельфии. Пожалуй, во всей стране не было другого такого сборища высокомерных снобов, ничуть не демократичнее тех, что когда-то не пустили Джека Келли на Королевскую регату. И хотя в Америке вроде бы была демократия, но для филадельфийского общества мало было быть олимпийским чемпионом и миллионером — каменщик для них всегда оставался каменщиком. И его дочери не место среди аристократических дебютанток. Так что Грейс Келли указали ее место, поселив в ее сердце ту же обиду, которая сжигала душу ее отца.

Но мечты мечтами, а надо было решать, куда поступать после окончания школы. Родители ей в этом были не помощники — их в тот момент интересовал только Келл, который как раз готовился к Королевской регате. Год назад он занял только второе место и рухнул на финише почти замертво, но сейчас был

практически уверен в победе. Вот-вот должна была сбыться многолетняя мечта Джека Келли, и ни до чего другого сейчас ни ему, ни Маргарет не было дела.

В июне семья Келли в полном составе отправилась в Англию, чтобы увидеть заветный триумф. Келл оправдал возложенные на него надежды — 5 июля 1947 года он обошел всех и, финишировав первым, получил-таки заветные «Бриллиантовые весла».

И только после триумфального возвращения в Филадельфию и торжественного обеда, данного в честь Келла мэром, Джек и Маргарет вспомнили, что у них вообще-то есть еще и семнадцатилетняя дочь, которую надо куда-нибудь пристроить.

Сама Грейс хотела поступить в женский колледж Беннингтон, где очень хорошо преподавали танцы. Но туда было не так-то просто попасть — нужно было получить высокий балл по математике, а способности Грейс к точным наукам были не слишком велики. Да и в школе ее больше учили хорошим манерам, чем наукам.

Маргарет предложила проехаться по всем близлежащим женским колледжам и посмотреть, какой из них подойдет. Но это было бессмысленно — набор уже закончился, и, похоже, Грейс предстояло провести год дома.

Однако в дело вмешалась случайность. В Нью-Йорке они остановились у приятельницы Маргарет, Мэри Мэджи, которая и сама была актрисой, и дочь свою отправила учиться в Американскую академию драматического искусства. И тогда Грейс задала ей вопрос, который наверняка уже не раз приходил ей в голову, но который она вряд ли решилась бы озвучить, если бы сама судьба не подталкивала ее. «Как вы думаете, — спросила она, — могу ли я попасть в Американскую академию драматического искусства?»

И она, и Маргарет хорошо понимали, что отец будет против. Но Грейс ухватилась за эфемерную надежду, а ее мать, видимо, решила, что лучше вернуться хоть с каким-нибудь результатом, чем вообще с пустыми руками. И они попросили Мэри Мэджи организовать Грейс прослушивание.

Та согласилась и обратилась к администратору Академии. Но тот ответил: «Миссис Мэджи, я не могу принять ее. Набор закончен. У меня нет ни одного свободного места, мы забиты под самую завязку». На что она, по ее словам, ответила, что все понимает, но просит сделать исключение, ведь это любимая племянница самого Джорджа Келли. Это и решило дело — Джордж был уже очень знаменит, и в Американской академии драматического искусства у него было много почитателей. Грейс

вручили роль, которую ей надо было подготовить, и пригласили на прослушивание.

В регистрационном журнале сохранилась запись, что Грейс Патриция Келли впервые предстала перед комиссией 20 августа 1947 года. Ее вес был сто двадцать шесть фунтов, рост — пять футов и шесть с половиной дюймов, цвет волос — «блондинка», пропорции — «хорошие», национальность — американка ирландского происхождения. И приписка в конце: «Племянница Джорджа Келли». Комиссия благосклонно отнеслась к Грейс, сочла ее вполне многообещающей, и после прослушивания она была зачислена в Академию.

Оставалось уговорить Джека Келли отпустить дочь в Нью-Йорк. К ее любительской игре на сцене он относился снисходительно, но уважения к актерской профессии не питал. Поэтому, услышав, куда поступила Грейс, он сразу же сказал «нет».

Но Маргарет на этот раз была на стороне дочери и стала уговаривать мужа отпустить ее учиться. В конце концов, тот сдался, согласившись, что нет смысла сидеть целый год без дела. К тому же он был уверен, что всегда робеющая в незнакомом обществе Грейс очень скоро сама бросит Академию и вернется домой. Как плохо он все-таки ее знал…

Перед отъездом успело произойти еще одно событие. Грейс все-таки лишилась девственности. «Я даже не поняла, как это произошло, — вспоминала она потом. — Я заехала к одной подруге, чтобы прокатиться вместе с нею, но той не оказалось дома. На улице шел дождь, а муж подруги сказал, что ее не будет до самого вечера. Я осталась, чтобы поболтать с ним, и так уж получилось, что мы с ним оказались в одной постели. Я даже не успела сообразить, почему и как».

Не то что бы это было так важно — рано или поздно это все равно должно было произойти, особенно с такой темпераментной девушкой, как она, которой предстояло жить в огромном, полном соблазнов городе. Но показательно то, что Грейс решилась на этот шаг до отъезда из дома, словно не желая оставлять незавершенные дела. Этот случайный роман с человеком, с которым она с тех пор больше никогда не встречалась, стал для нее некой финальной точкой. Детство закончилось, она покинула родной дом и отправилась покорять Нью-Йорк, чувствуя себя совершенно взрослой.

Глава III. В Нью-Йорке

10. Учеба

Когда я переехала в Нью-Йорк. твердо решив стать актрисой, у меня не было никаких иллюзий относительно того, сколько для этого потребуется времени и через что мне предстоит пройти.

В России существует очень распространенное заблуждение, что в США нет профессиональных актеров, а все звезды — бывшие бармены и официантки. На самом деле высокий процент самоучек говорит лишь о том, что в Америке не обязательно иметь актерское образование, чтобы попробовать себя на сцене или в кино. Но актерская школа там существует, и подавляющее большинство артистов либо учились в специальных учебных заведениях, либо занимались на курсах у кого-нибудь из опытных мастеров.

Примерно такая же картина была и в 40-50-е годы. Кто-то занимался на актерских курсах, параллельно подрабатывая (как Мэрилин Монро, например), а кто-то получал профессиональное образование, а уже потом выходил на сцену — как Грейс Келли.

Американская академия драматического искусства в то время была, пожалуй, самым крупным и престижным актерским учебным заведением в США. Из ее стен вышли Кэтрин Хэпберн, Лорен Бэккол, Керк Дуглас и много других знаменитых американских актеров. Преподавали там настоящие мастера, и обучение шло очень серьезное — ставили голос, пластику, учили актерскому мастерству, показывали технические приемы и т. д. Но при этом говорили прямо, что это все лишь наработка навыков, по-настоящему можно научиться играть, лишь выйдя на сцену.

Первой серьезной проблемой для Грейс стал голос. Точнее — акцент. К акценту в американском кино и сейчас предъявляются очень высокие требования. Иностранец, даже будь он самым талантливым артистом в мире, не может сделать карьеру в США, если не научится абсолютно чисто говорить по-английски. Ему так и придется всю жизнь играть второстепенные роли французских соблазнителей и русских шпионов. Так было на заре звукового кино, так осталось и по сей день.

Но и американцам, которые вроде бы с детства говорили на том языке, что нужно, тоже приходилось нелегко, особенно в те времена, когда телевидения еще не было, и поэтому местечковые диалекты были куда заметнее, чем сейчас. Все молодые актеры

знали, что если не избавишься от техасского акцента, будешь всю жизнь играть ковбоев, а будешь заглатывать звуки — так и просидишь на комических ролях деревенщин-провинциалов.

Таки Грейс Келли сразу же услышала, что если она не избавится от филадельфийской гнусавости, не видать ей серьезных ролей. Чтобы заинтересовать потенциальных работодателей, она к такой аристократической внешности должна была приобрести и соответствующий выговор.

Ну что же, чего-чего, а работоспособности Грейс было не занимать, ее она унаследовала от обоих родителей. Она рьяно взялась за учебу и, не жалея сил, стала заниматься вырабатыванием правильной дикции и понижением диапазона своего излишне высокого голоса. Кроме того, ей надо было научиться правильно произносить согласные и выработать четкое произношение, без заглатывания окончаний. К тому же Грейс была перфекционисткой, поэтому не удовольствовалась занятиями в Академии, а стала еще брать частные уроки у оперного тенора Марио Фьорелло, который научил ее специальным упражнениям, делающим голос более грудным и звучным.

Результат этих занятий не заставил себя ждать — когда через пару месяцев Грейс приехала в гости к родным, ее произношение произвело настоящий фурор. От местного говора не осталось и следа, она говорила в точности как благородные английские леди. Впрочем, у ее друзей это временами вызвало хихиканье — уж очень высокопарно звучало ее аристократическое произношение в обычных бытовых условиях. Оно прекрасно смотрелось на светском приеме, но никак не на молодежной вечеринке. Но Грейс не смущалась, а на подначки приятелей с вызовом отвечала, что такое произношение — ее обязанность, часть ее будущей профессии.

В остальном, поселившись в Нью-Йорке, Грейс мало изменилась. Она довольно быстро приобрела много хороших приятелей, с которыми могла шутить, участвовать во всяких шалостях и вообще стала среди них совершенно своей.

Ну а малознакомые люди ее чаще недолюбливали. Ее холодная красота в сочетании со сдержанностью, идеальными манерами и замкнутостью создавали ей репутацию надменной одиночки и «задаваки».

Одна из однокурсниц впоследствии, вспоминая об учебе вместе с Грейс, сравнивала ее с манекенщицей: «Приходит, делает, что от нее требуют, и, не проронив ни слова, снова уходит. Некоторые из студентов буквально молились на нее из-за ее красоты и какой-то изысканной отстраненности. Никогда не

забуду, как она одевалась для балетного класса. Мы все приходили на занятия в пачках, и Грейс была просто чудо. Она была прекрасна! Но мне всегда казалось, что она немного холодновата».

На самом деле причина такого поведения была, конечно, не в надменности — этого в характере Грейс никогда не было. Просто она была довольно застенчива, не очень уверена в себе и прятала эту неуверенность под маской аристократической сдержанности, часто принимаемой за высокомерие.

Впрочем, был у такого образа и свой плюс — нахальные вертопрахи, так и кружившие вокруг студенток Академии, очень редко решались приставать к столь холодной и надменной девушке, предпочитая добычу, выглядящую более доступной.

В Нью-Йорке Грейс жила в респектабельном пансионе «Барбизонская гостиница для женщин», находившемся в самом центре Манхэттена. Таково было требование Джека Келли, который с трудом отпустил дочь туда, где он уже не мог за ней присматривать. «Барбизонская гостиница для женщин» показалась ему достойным и надежным пристанищем для порядочной девушки. Чтобы попасть туда, надо было предоставить три рекомендации от достойных людей, жили там только девушки, а мужчины не могли проходить дальше гостиной на первом этаже.

Но прекрасная репутация респектабельного пансиона на деле ничего не гарантировала. Да, мужчинам туда вход был запрещен, но во всем остальном девушкам предоставлялась такая свобода, что другие студентки, которым приходилось жить на частных квартирах под присмотром ханжей-домохозяек, очень им завидовали. В «Барбизонской гостинице для женщин» никто не следил, во сколько какая девушка уходит и приходит и даже где она проводит ночь.

11. Вкус свободы

Благодаря удачному сочетанию перерывов между фотосъемками и выбору мест, где они проводились, я могла содержать себя довольно хорошо. Но мне приходилось ездить на метро, как и всем остальным девушкам, и питаться в аптекарских магазинах, где кроме лекарств продавались мороженое и кофе.

А Грейс, вырвавшись из-под отцовского присмотра, даром времени не теряла. Она хотела насладиться жизнью в полной мере. Тем более что на свою спокойную холодную мать она была похожа лишь внешне, а темперамент унаследовала от отца, который всю жизнь был крайне неравнодушен к противоположному полу и не любил отказывать себе в плотских удовольствиях.

В общем, Грейс начала крутить романы, и отнюдь не платонические.

Первой ее любовью в Нью-Йорке стал Херби Миллер, с которым она вместе училась в Американской академии драматического искусства. Красивый, обаятельный, талантливый и безумно влюбленный, он был идеальной кандидатурой для первого серьезного романа юной девушки, только-только освободившейся из-под родительской опеки. У него оказались те же проблемы, что и у нее — заметный акцент, который мог бы помешать его дальнейшей карьере. Вот так и получилось, что они стали вместе ходить на занятия по дикции, потом вместе упражняться, а потом.

Впрочем, что было потом, точно никто на самом деле не знает. Херби Миллер оказался единственным настоящим джентльменом из всех возлюбленных Грейс Келли, и даже когда она стала звездой, отказался рассказывать журналистам интимные подробности их отношений. Он, конечно, не скрывал, что у них был роман, и охотно делился воспоминаниями о том, как они обнимались в укромном уголке «Барбизонской гостиницы для женщин», но в отличие от других ее любовников не стремился описывать, какой она была в постели.

«Скажем так, она была моей возлюбленной, — сдержанно рассказывал он. — Мы познакомились еще в сущности будучи детьми. Мне известно одно — ее жизнелюбие и склонность к романтическим увлечениям. Она была очень увлекающейся натурой, не какая-нибудь там холодная статуя из гранита или

мрамора, а наоборот — полная тому противоположность. Она излучала какое-то особое тепло, эта земная и любящая веселье девушка».

Они оба понимали, что ничего серьезного из их романа не получится, видимо, чувствовали, что связывает их даже не любовь, а просто опьянение молодостью и свободой. Поэтому они не строили планов на будущее, и Грейс даже не стала знакомить Херби со своими родителями, зная, что те любого ее кавалера рассматривают только с одной точки зрения — как потенциального жениха.

Правда, с ее сестрами он все же пару раз виделся и был поражен тем, как сильно Грейс благоговела перед старшей сестрой, а главное — тем, что она считала ту гораздо красивее себя. «Пегги была ее кумиром, — вспоминал Херби Миллер. — Я ей говорил: «Да брось ты, Грейси. Ты же намного красивей», — а она отвечала: «Да нет же!» Совершенно непонятно, с какой стати, но Грейс страдала в этом отношении комплексом неполноценности».

Херби, конечно, не знал, что в доме Келли не принято было сомневаться в совершенстве Пегги. Она была прекрасна, и точка, а вот у всех остальных могли быть недостатки. Вот Грейс их в себе и находила.

Она была все время недовольна собой, все время в поисках собственной личности. И приятели, и поклонники, вспоминали, что она постоянно меняла образ. «Как-то вечером, — вспоминал Дик Куне, один из ее тогдашних ухажеров, — Грейс появилась в ужасно элегантном черном платье и с высокой прической. Она казалась величественной и загадочной. В следующий раз к вам на свиданье являлась фермерская дочка в коленкоровой юбке и блузке. В третий же раз она появлялась в твидовом костюме, словно какая-нибудь воспитанница частной школы — образцово-показательная барышня. И все зависело от ее настроения. Создавалось впечатление, словно она примеряет различные маски».

Это было счастливое время для Грейс. Они с Херби Миллером, а иногда и с большой компанией других студентов ходили в Музей современного искусства на демонстрацию европейских кинокартин, гуляли по вечернему Нью-Йорку, устраивали всякие шутливые выходки на грани хулиганства. Например, после просмотра нового фильма Фреда Астора они отправились танцевать на ступенях собора Святого Патрика. А случалось — бегали в кинотеатр прямо в пижамах, шокируя случайных свидетелей.

В одном из писем домой Грейс прямо заявляла, что Нью-Йорк

— это город ее мечты. И на тот момент это действительно было так.

12. Первые деньги

> *Я* перестаралась с искренностью; любой, посмотрев мою рекламу сигарет «Old Gold», переключился бы на «Camel».
>
> ***О своем рекламном ролике на телевидении***

Но от Джека Келли Грейс унаследовала не только бурный темперамент и упорство, а от Маргарет — не только белокурые волосы и правильные черты лица. В наследство от обоих родителей она получила еще практичность и стремление к независимости. И эти черты ее характера проявились довольно скоро.

Началось все с того, что Херби Миллер, подрабатывавший манекенщиком, взял ее с собой к одному из фотографов. Тот сразу обратил внимание на прекрасную холодную блондинку, которая должна была быть идеальна в статике, и предложил ее сфотографировать на пробу — что получится.

Проба оказалась настолько удачной, что в течение года Грейс украсила собой обложки нескольких журналов и даже стала лицом сигарет «Олд Голд». Причем для этого ей даже почти не пришлось прикладывать усилий — она была настолько фотогенична, что прекрасно получалась в любом ракурсе. О таких лицах говорят, что «камера их любит». К тому же ей было не привыкать позировать — Джек Келли всегда был человеком публичным, и его семью не раз снимали для местной прессы и политических плакатов. Да и Маргарет с ее благотворительными показами мод приучила дочерей не тушеваться перед объективами.

Впрочем, несмотря на то что ее лицо идеально получалось на фотографиях, в профессиональные модели Грейс не годилась. Те должны были выглядеть немного умирающими с голоду, а у нее был слишком цветущий вид, и худеть до скелетоподобного состояния она вовсе не хотела. К актрисам предъявлялись другие требования, героини фильмов в то время были весьма сексапильными и пышушими здоровьем, а Грейс хотела быть именно актрисой, тогда как модельный бизнес был для нее лишь способом зарабатывания денег.

Одна из подруг подсказала ей хороший вариант — не сосредотачиваться на глянцевых журналах, а предложить свое портфолио рекламным агентствам. Там платили меньше, зато им как раз требовались не тощие модели, а разные вариации

«девушки из соседнего дома», которая могла бы рекламировать товары широкого потребления.

Как и следовало ожидать, Грейс с ее фотогеничностью оказалась очень востребованной и вскоре рекламировала буквально все — от кремов до средств против клопов. Ее родственники и однокурсники впоследствии вспоминали, что было время, когда от Грейс просто некуда было деваться — включить телевизор, а там она с каким-нибудь пылесосом, пройдешься по городу, а на рекламных щитах опять она, теперь уже с зубной пастой.

Бралась она и за рекламу нижнего белья, но хотя платили очень хорошо, занималась она этим недолго — пока не съездила домой и не поговорила с монахинями, у которых когда-то училась в Академии Успения Пресвятой Богородицы. Тене стали читать ей долгую мораль, а посоветовали подумать и самой понять, почему порядочная девушка не должна этим заниматься. Грейс очень уважала их мнение, но кроме того, обдумав все, как ей и советовали, поняла, что это невинное на первый взгляд занятие может навсегда испортить ей репутацию. Больше она нижнее белье не рекламировала.

Платили за съемки от семи с половиной до двадцати пяти долларов в час (чтобы понять, сколько это сейчас, надо умножать примерно на двадцать). А «Олд Голд», лицом которого она была одно время, выплачивал две тысячи долларов за один съемочный блок — то есть около сорока тысяч на нынешние деньги. Это был очень хороший заработок, начинающие актрисы на киностудиях получали столько за полгода.

При этом приятели Грейс вспоминали, что она очень не любила расплачиваться в такси, никогда не покупала одежду и обувь из новых дорогих коллекций и не ходила по дорогим ресторанам. Куда же она тратила деньги? Очень просто — отправляла родителям. Но не для того, чтобы им помочь (миллионер Джек Келли в материальной помощи не нуждался), а для того, чтобы возместить им затраты на ее обучение и содержание. Грейс хотела твердо знать, что она сама себя обеспечивает. Она не желала быть никому обязанной, и родителям в первую очередь.

«Она за все платила из собственного кармана, — рассказывала впоследствии Пегги. — За проживание. За обучение. Мама с отцом ни разу не послали ей ни цента». А одна из нью-йоркских подруг Грейс вспоминала: «Ей хотелось самостоятельности. Ей хотелось самой обеспечивать себя, чтобы потом вся слава не досталась целиком ее отцу».

Да, Грейс была горда. Она слишком долго была самым

слабым и незаметным ребенком в семье. И теперь ей хотелось выделиться, показать, что она не Келл, которого полностью «сделал» отец, и не Пегги, которой родители после замужества купили дом. Она — Грейс, и она сама себя сделает богатой и знаменитой, без чьей-либо помощи!

Глава IV. Вихрь любовных увлечений

13. Алекс д'Арси

> Джентльмен — это мужчина, который всегда выглядит таким вежливым, каким он бывает лишь изредка.

Подходил к концу первый год обучения Грейс в Американской академии драматического искусства, а вместе с ним и роман с Херби Миллером. Как бы тот ни был влюблен, но настал такой момент, когда ему пришлось заметить, что Грейс начинает к нему охладевать: «К ней частенько наведывались парни. *Я* же почему-то считал, что она любит только меня. А затем возле академии начинал околачиваться какой-нибудь тип. «Кто это такой?» — спрашивал я ее, а она отмалчивалась: «Да так, один знакомый. Он совсем свихнулся из-за меня». И начинала хохотать, словно это и впрямь для нее сущие пустяки, словно она делает этому несчастному одолжение. *Я* никогда над этим серьезно не задумывался. Наверное, я был слишком наивен».

Вокруг Грейс и правда все время крутились много поклонников, но, пожалуй, до появления Алекса д'Арси Херби мог быть более-менее спокоен — она еще с Филадельфии привыкла к тому, что можно пообниматься сегодня с одним, завтра с другим, для нее это и в самом деле ничего серьезного не значило. Но в 1948 году на какой-то вечеринке она познакомилась с Алексом д'Арси, и это все изменило.

Начался их короткий страстный роман просто и стремительно. Алекс пригласил Грейс пообедать, и она согласилась. В ресторане его встретили как почетного гостя, ведь он был настоящей звездой. Грейс это впечатлило, но не более — звездный статус спутника ей льстил, но корыстных устремлений у нее не было. Она тогда как раз заключила новый контракт, от которого была в полном восторге. Ее обязанностью было демонстрировать шляпки, что в иерархии рекламного бизнеса стояло гораздо выше, чем пылесосы и зубные пасты. Грейс очень радовал этот маленький карьерный рост, и она даже не подумала сказать новому знакомому, что собирается стать актрисой.

А ведь Алекс д'Арси мог оказать ей протекцию — в то время он был очень известным актером, чье имя ставили наравне с именами Кэри Гранта и Кларка Гейбла. В США его хорошо помнят, хотя российским зрителям он известен в основном по небольшой роли одноглазого поклонника героини Мэрилин Монро в фильме «Как выйти замуж за миллионера». Он дружил со

звездами вроде Эррола Флинна и был знаком со многими крупными боссами кинобизнеса. Для любой начинающей актрисы такое знакомство было пределом мечтаний. Но не для Грейс.

О ней всегда ходило много слухов, ее обвиняли в ветрености и неразборчивости, приписывали многочисленные любовные связи, но вот в чем ее никто никогда не мог обвинить, так это в том, что она добивалась чего-либо через постель. Было ли у Грейс Келли десять или сто любовников, но с каждым из них она была по собственному желанию, а не из корысти.

Так было и с Алексом д'Арси. О том, что она тоже актриса, он узнал лишь несколько лет спустя, когда их отношения были уже давно в прошлом. «В нашем бизнесе все на девяносто процентов притворство, — рассказывал он журналистам уже после смерти Грейс Келли. — Грейс же была напрочь лишена притворства. Она была на редкость доброй и искренней девушкой. И месяц, проведенный с нею, никогда не казался мне очередным, ничего не значащим приключением. С моей стороны это было настоящей дружбой. Короткое, но прекрасное и потому ценное для меня увлечение».

Алекс был в два раза старше Грейс, но ее это нисколько не смущало, наоборот, ей всегда нравились мужчины гораздо старше нее. К тому же он был хорош — высокий, темноволосый, чрезвычайно обаятельный и с соблазнительным французским акцентом. Меркантильных интересов у нее не было, но они были и не нужны, Алекс д'Арси не один десяток красоток уложил в постель силой своего обаяния.

Грейс не выглядела доступной, и их роман развивался вполне платонически, но через несколько дней знакомства Алекс решил все же немного форсировать отношения. «Мы ехали домой на такси, — вспоминал он. — Мы были знакомы уже около десяти дней и несколько раз обедали вместе. Она была милой собеседницей, слегка застенчивой и из хорошей семьи. Она всегда проявляла робость, и это качество привлекало меня в ней. Одевалась она очень консервативно и со вкусом. Никогда не выряжалась, как те девицы, что готовы тотчас прыгнуть к вам в постель». Он положил руку Грейс на колено, и. был ошарашен ее ответной реакцией: «Она сразу кинулась мне на шею. *Я* глазам своим не поверил. Внешность оказалась очень обманчивой».

Они сразу же отправились к Алексу и провели вместе ночь. А потом еще одну, и еще — встречи продолжались около месяца, пока д'Арси не уехал на съемки в Париж. «Она была очень сексуальной девушкой, — мечтательно вспоминал он спустя почти полвека. — Достаточно было один раз к ней прикоснуться — и она взвивалась до потолка. Было ясно, что передо мной не

девственница. Опыта у нее хватало. По натуре она была очень застенчива, хотя физической робости у нее не было. Во время секса ее истинная натура выходила наружу. Похоже, она тщательно скрывала, что таится у нее внутри, поэтому казалось, что она превращается в совершенно другого человека».

А еще Алекс д'Арси рассказывал, что в начале 60-х он случайно встретил Грейс, тогда уже княгиню Монако, когда отдыхал в Монте-Карло. Он не стал напоминать ей о старом знакомстве, понимая, что это может поставить ее в неловкое положение да и просто быть ей неприятно — горделивые принцессы обычно не любят, когда им напоминают о юношеских грешках. Но Грейс его увидела, узнала и, к его огромному удивлению, не отвернулась, а улыбнулась и приветливо помахала рукой.

14. Дон Ричардсон

Я не считала, что была готова работать в Голливуде. *Я* думала, что мне нужно еще многому научиться в театре.

В октябре 1948 года Грейс перешла на второй курс Американской академии драматического искусства. Учились там всего два года, поэтому второй курс был также и выпускным. К тому времени после жесткого отсева осталось лишь около половины поступивших в прошлом году, и к ним в Академии относились уже не как к студентам, а как к начинающим актерам. Теперь их разделили на группы, каждую из которых должен был обучать профессиональный режиссер. Теория закончилась, началась сплошная практика.

Грейс попала в группу к молодому талантливому и уже довольно известному на Бродвее режиссеру Дону Ричардсону, который недавно ставил дебютный спектакль Берта Ланкастера.

Настоящее имя Дона было Мелвин Шварц, хотя далеко не все об этом знали. Он уже был довольно успешным актером, когда ему отказали в роли из-за того, что он еврей. После этого он сменил имя на Дона Ричардсона и уже под ним прославился как режиссер. В то время ему было около тридцати, он был ярким, темноволосым и темноглазым — то есть внешне полной противоположностью холодной белокурой Грейс. Впрочем, поначалу он ею не слишком заинтересовался, как и она им. Ни о какой любви с первого взгляда и речи не было.

Началось все случайно — однажды они после занятий спускались на лифте, и один из однокурсников начал над Грейс зло подшучивать, а потом решил пугнуть и бросил ей в лицо щенка. Она разрыдалась, а возмущенный Ричардсон вытолкал студента из лифта и предложил проводить Грейс до такси. Никаких далеко идущих планов у него при этом не было. «Она мне даже не показалась хорошенькой, — вспоминал он потом. — Вся какая-то худенькая, на вид лет девятнадцати.»

Такси поймать не удалось, и поскольку на улице шел снег и было довольно холодно, Ричардсон предложил зайти в русскую чайную и согреться. Грейс согласилась. «На ее ресницах блестел иней, — рассказывал он. — Затем она пошла в уборную, чтобы высушить волосы, и когда вернулась, то уже сняла платок.

Вот тогда-то я и разглядел, что на самом деле она гораздо симпатичнее, чем мне показалось в лифте».

Но тут неожиданно выяснилось, что у него нет при себе денег. Страшно неловкая ситуация для любого мужчины, и Дон Ричардсон не был исключением. Чувствуя себя очень неудобно перед замерзшей девушкой, которую он не смог даже чаем напоить, он предложил ей зайти на минуту к нему, взять денег и сходить куда-нибудь перекусить. В тот момент он точно хотел только помочь несчастной девушке, ничего больше.

«Грейс никогда не была великой актрисой, — рассказывал он через много лет, вспоминая их знакомство. — *Я* был ее учителем, поэтому кому это знать, как не мне. Однако она обладала рядом на удивление выигрышных качеств, и одно из них заключалось в ее умении вызвать у людей сочувствие и желание помочь. Подчас Грей казалась совершенно беспомощной и трогательной, и у вас создавалось впечатление, что стоит ее оставить одну, как она обязательно умрет. Ей просто не выдержать таких мук. Видя, как она чихает и шмыгает носом, я проникся к бедняжке какой то особой теплотой — вы не поверите, но в этой тяге не было ничего приземленного».

Однако у Грейс уже были на него другие планы. Она помогла Ричардсону принести топливо для камина и смирно дождалась, пока он разожжет огонь и уйдет варить кофе. Но когда он вернулся, то не поверил своим глазам: «Я увидел, что Грейс разделась и легла в постель. Никогда не видел ничего более прекрасного. Потрясающее тело! Настоящая скульптура Родена. Тонкая, пленительная фигура: маленькие груди, узкие бедра, почти прозрачная кожа. Самая красивая обнаженная девушка в моей жизни!.. Это было совершенно неожиданно, мы даже не флиртовали. *Я* глазам своим не верил! Рядом со мной лежало создание неземной красоты. *Я* чувствовал, как меня охватывает какая-то неодолимая тяга к ней. *Я* влюбился в ее запястья. *Я* влюбился в ее щиколотки. *Я* влюбился в горячую кровь, что текла под нежной, полупрозрачной кожей. *Я* ощущал, что обязан взять ее под свое крыло, защитить и оградить от невзгод. *Я* вдруг понял, что влюблен по уши, и мне казалось, что и для нее это не просто случайность, что и она влюблена до безумия. Это была ночь неописуемого экстаза».

Наутро Ричардсон горько раскаивался в своем поступке, считая его неэтичным — ведь он был преподавателем Грейс, а не просто обычным приятелем. Но прекратить эти отношения у него не хватило сил, он был безумно влюблен и не мог даже помыслить о расставании. Грейс со своей стороны не слишком хотела, чтобы о ней болтали, будто она спит с преподавателем из корыстных побуждений — ради карьеры, поэтому согласилась держать их роман в тайне. Формально она продолжала оставаться

девушкой Херби Миллера, а отношения с Доном Ричардсоном даже ее подругам стали известны только спустя несколько месяцев и очень их изумили.

Между тем они встречались с Ричардсоном каждые выходные и проводили ночь в его обшарпанной съемной квартирке. «Мы занимались любовью в обветшалом доме с поломанной мебелью, — вспоминал он. — Что-то вроде жилища Раскольникова в «Преступлении и наказании»! Место действия нашего романа можно назвать каким угодно, но только не романтичным».

Грейс любила приносить с собой пластинки, под которые она танцевала обнаженной при свете камина, приводя Ричардсона в состояние экстаза.

«Только сумасшедший не согласится, что это великолепное зрелище! — Даже через несколько десятков лет он не мог скрыть восторга, вспоминая эти дни. — Она была очень сексуальной!»

Еще он вспоминал, что Грейс в то время работала манекенщицей и по моде затягивалась в корсет «Веселая вдова». Приходя к нему, она снимала всю одежду, кроме корсета, и в таком виде ходила по квартире, занимаясь обычными бытовыми делами, которые, разумеется, приобретали при этом очень пикантный оттенок. «К ее приходу я обычно разогревал овощной суп «Кэмпбеле», — рассказывал Ричардсон. — *Я* кормил ее прямо из банки, а после этого мы ложились в постель и предавались любви. А потом она поспешно выпрыгивала из кровати, наспех одевалась и убегала сниматься».

О романе с Херби Миллером Ричардсон не знал, Грейс рассказала ему лишь о том, как она потеряла девственность в Филадельфии. Впрочем, он был слишком опытен, чтобы поверить, что он у нее лишь второй мужчина — в постели она явно хорошо ориентировалась.

«Нимфоманкой я бы ее не назвал, — отвечал он на вопросы дотошных журналистов, интересующихся пикантными подробностями. — Яза свою жизнь встретил парочку таких особ, и их обеих отличала какая-то патологическая ненасытность. Сами они от этого подчас впадали в уныние или же начинали злиться. Им требовалось еще, еще и еще. Грейс была не такая. В постели она была счастлива и всегда знала, когда с нее достаточно. Мы были молоды, и после. скажем, четырех раз она говорила, что хватит. В этом плане Грейс была абсолютно нормальной женщиной. Она испытывала оргазм и радовалась этому. Но *я* не думаю, что она занималась любовью исключительно ради секса как такового. Ей требовалось нечто большее. Грейс было нужнее тепло объятий и уверенность, что ей ничего не угрожает. Именно

к этому она и стремилась всей душой. Она была любительницей этого дела, чего там греха таить. Но по-моему, самым главным для нее оставалось то, что ее обнимают».

Ричардсон, наверное, был самым чутким из возлюбленных Грейс, никто кроме него не сумел так тонко почувствовать, чего ей на самом деле больше всего не хватало в жизни. Хотя возможно, свою роль сыграло то, что он тогда был в похожем состоянии. Незадолго до встречи с Грейс он пережил очень тяжелое расставание с женой и по уши завяз в долгом и выматывающем нервы бракоразводном процессе. Ему тоже была нужна чья-то забота, чье-то душевное тепло.

«Когда я познакомился с Грейс, мы оба, и она, и я, были совершенно одинокими людьми в этом мире — так. две неприкаянные души.» — говорил он. Ему как никому другому было видно, что она никогда не говорит о родителях, и особенно об отце, словно для нее это больное место. Ну что же, ему нужны были любовь и ласка, ей — отцовская забота. Они нашли друг друга.

15. Театр или кино?

> Каждый день я выходила из отеля рано утром и возвращалась только поздно вечером. Если у меня не было работы фотомодели, я искала работу в театре, но никто не нанимал меня из-за моего слишком высокого роста.

Пусть Грейс никогда и не пользовалась сексом для того, чтобы помочь своей карьере, но все же она не могла не думать о будущем. Она — актриса, Дон — режиссер, они любят друг друга, значит, из этого следует логичный вывод, что и работать они будут вместе. Она мечтала о том, что у них будет в Филадельфии свой театр, где Дон Ричардсон станет главным режиссером, она — примой, ну а пьесы им, конечно, напишет ее знаменитый дядя Джордж. Красивые наивные фантазии.

Дон Ричардсон относился к ее мечтам очень скептически. И дело было не только в том, что он не видел себя в качестве режиссера провинциального театра. И даже не только в том, что у него вызывало тревогу стремление Грейс непременно добиться успеха именно в Филадельфии, где это увидит ее отец.

Основная сложность была в том, что он, будучи профессионалом, хорошо видел, что замыслы Грейс не соответствуют ее способностям. «Я никогда не заблуждался насчет того, что Грейс будто бы наделена великим актерским талантом, — вспоминал он. — Потрясающая внешность и умение держаться — да. Не стану спорить. Но увы, в ее голосе не было силы, она не умела воздействовать им на зрителя. Она бы никогда не сделала карьеру в театре».

При этом Дон знал, что сама Грейс видит себя только ведущей актрисой, играющей главные роли, причем не простушек, а только героинь. Это было заметно по ее царственной манере держаться, по ее снисходительной и милостивой улыбке — словно она и в жизни исполняла роль принцессы. «Она не ходила как простые смертные, а ступала. А когда садилась, ее осанка оставалась по-королевски прямой». Нет, пытаться убедить Грейс поубавить амбиции было совершенно безнадежно.

К тому же, несмотря на то что профессиональный взгляд говорил ему, что эта девушка никогда не станет театральной примадонной, какое-то внутреннее чутье шептало, что рано ставить на ней крест. Не талантом единым становятся звездами. Есть в ней что-то такое, особенное, надо только понять, как это

использовать. Дон Ричардсон чувствовал себя рядом с Грейс кем-то вроде Пигмалиона, которому дали прекрасную статую и предложили найти способ вдохнуть в нее жизнь. «В ней было нечто колдовское, — говорил он. — Она казалась мне чем-то вроде чистого холста, на котором любой желающий мог написать какую угодно картину».

Решение пришло неожиданно, и оно было настолько простым, что Дон Ричардсон даже удивился, как он не мог раньше до этого додуматься. Однажды он рассматривал фотографии Грейс и заметил, насколько живой и прекрасной она выглядит даже на тех снимках, которые сделаны безо всякого специального освещения. Камера действительно «любила» ее, как уже не раз замечали профессиональные фотографы, снимавшие ее для рекламы. Ее можно было щелкнуть в любом ракурсе, и на снимке отпечатывался манящий и загадочный образ, пожалуй, даже более глубокий, чем Грейс была в реальной жизни.

«Когда вы смотрели на фото, — объяснял Ричардсон, — то перед вами была вовсе не Грейс. Перед вами возникал иллюзорный образ, или, как говорят в Голливуде, камера любовалась ею. *Я* совершенно потерял из-за Грейс голову — поверьте, так оно и было. Когда я смотрел на это фото, то уже знал, что ее будущее — в кино».

Через несколько дней он повел Грейс к самым известным агентам, подбиравшим актеров для киностудий, и без обиняков заявил им, что привел будущую звезду. Первая попытка оказалась неудачной — в знаменитом агентстве Уильяма Морриса Грейс не оценили. Но зато Эми ван Клив, агент киностудии «Метро-Голдвин-Майер», сочла ее очень перспективной и согласилась предложить ее кандидатуру киностудии. Первый шаг на пути к звездной карьере был сделан.

16. Воля родителей

> Ни разу в жизни никто мне не сказал: «Ты безупречна». Люди путались в определениях моего типа внешности, но в одном они были единодушны: меня отнесли к категории «слишком» — слишком высокая, слишком длинноногая, со слишком квадратным подбородком.

Дона Ричардсона не зря беспокоило похожее на манию стремление Грейс непременно стать знаменитой и признанной именно в Филадельфии. Для нее признание города означало и признание семьи: ведь ее отец и брат были филадельфийскими героями, и если бы она стала такой же, она почувствовала бы себя равной им.

Выбор им выпускного спектакля для Грейс был в какой-то степени шагом в этом направлении, уступкой ее навязчивой идее. Дон был уверен, что даже равнодушный к артистическим устремлениям дочери Джек Келли обязательно придет посмотреть, как она играет главную роль в «Филадельфийской истории» — модной и безумно популярной пьесе, ставшей в его родном городе в какой-то мере культовой. Тем более что один из персонажей был списан с самого Джека, что не могло не льстить его самолюбию.

Выпускной спектакль состоялся в небольшом театре под Карнеги-Холлом в присутствии студентов и преподавателей Академии. Джек и Маргарет Келли тоже почтили его своим присутствием и даже остались довольны тем, как их дочь изображает филадельфийскую светскую красавицу, прототип которой они, конечно, хорошо знали.

Тогда же Маргарет задала Грейс давно интересовавший ее вопрос: с кем у нее роман? Она давно поняла, что дочь в кого-то влюблена, и сочла, что сейчас самый подходящий момент, чтобы это выяснить, ведь Грейс предстояло решать, чем она займется после Академии.

Что ж, момент был и в самом деле подходящий — Грейс и сама устала скрывать свои отношения с Доном. Она честно рассказала, что у нее роман с режиссером и что они хотят пожениться и вместе делать карьеру в театре и кино. Маргарет услышанное не слишком понравилось, но она благоразумно не стала возражать, а предложила привести его к ним в дом для официального знакомства.

Со стороны Грейс было очень наивно верить, что Дон Ричардсон понравится ее семье. Во-первых, он был еврей, во-вторых, он был беден, а в-третьих, он был всего лишь простой режиссер, а не аристократ или знаменитость. И это они еще не знали, что он все никак не может официально развестись с бывшей женой.

Сам Дон, конечно, плохо знал семью Келли, но что-то такое он предполагал и ехать знакомиться совершенно не хотел: «Я предчувствовал, что эта поездка добром не кончится. Но Грейс и слышать ни о чем не хотела. Она утверждала, что ее родители — чудесные люди, что им все равно, еврей я или нет, они, мол, даже не будут иметь ничего против того, что я все еще не развелся с женой. Правда, об этом им она еще не сообщила. Но она все время твердила, что ее родители нас поймут».

Разумеется, Джек и Маргарет даже и не собирались ничего понимать. Брат Грейс, Келл, вспоминал, что по приказу матери он привел в дом троих своих самых симпатичных спортивных приятелей, чтобы те произвели впечатление на Грейс, а ее жениха подавили морально и физически. Ричардсон вспоминал, что их план вполне удался — весь вечер в разговоре то и дело проскальзывали шутки насчет евреев, да и вообще с ним все держались очень высокомерно.

При этом он не мог не отметить, как тихо, словно мышка, вела себя Грейс. Вся ее царственность куда-то пропала, и теперь она ему напоминала ту испуганную девушку, которую он когда-то встретил в лифте. Впрочем, вскоре это перестало его удивлять — когда он сказал ее родственникам, что она, несомненно, станет кинозвездой, все долго хохотали, а потом Джек снисходительно заявил: «Не волнуйся, скоро она образумится». Грейс не осмелилась сказать ни слова.

Дон Ричардсон и спустя много лет не мог вспоминать этот вечер спокойно: «Тот ужин стал одним из самых чудовищных событий в моей жизни. *Я* ведь был уже взрослым человеком. Кроме моей работы в академии я уже начал ставить в Нью-Йорке спектакли с участием Хелен Хейс. Но для них все это было пустым звуком. Когда мы наконец вернулись домой, отец задержался на лестнице, желая убедиться, что я действительно пойду к себе в комнату, а она — к себе. Последнее, что он сказал мне: «Утром мы едем в церковь. Не желаете присоединиться?» — можно подумать, ему не было известно, что я еврей».

На следующий день Джек удостоил его разговором о театре, назвав знаменитую драму Артура Миллера «Смерть коммивояжера» коммунистической пьеской. Впрочем, Джеку Келли всюду мерещились коммунисты, и он довольно скоро стал

одним из самых ярых сторонников сенатора Маккарти, развернувшего в США настоящую антикоммунистическую «охоту на ведьм». Ну а потом Грейс повела жениха показывать ему что-то вроде семейного музея — комнату, где были собраны кубки и медали, завоеванные Джеком и Келлом, а также фотографии Маргарет в качестве манекенщицы. Ни одной фотографии Грейс там, естественно, не было.

В общем, неудивительно, что единственный член семьи Грейс, с которым Дон Ричардсон поладил, был драматург Джордж Келли — человек достаточно широких взглядов, чтобы не быть антисемитом, интеллектуал и поклонник искусства, а главное — единственный родственник, серьезно относящийся к выбранной Грейс профессии.

На этом знакомство с семьей закончилось, поскольку в тот же вечер его выгнали взашей. Пока они ездили к Джорджу, Маргарет перерыла вещи потенциального зятя и нашла письмо от адвоката о бракоразводном процессе и упаковку презервативов. Ричардсон был в шоке: «Все было разбросано. Она даже и не думала скрывать своих действий».

Грейс прорыдала весь вечер и с вызовом заявила родителям: «Надеюсь, *я* уже беременна!» Но больше ее ни на что не хватило. Родители пригрозили, что не позволят ей вернуться в Нью-Йорк, если она не порвет с Ричардсоном, и прочитали мораль о ее недостойном поведении. Впрочем, о найденных презервативах они ей не сказали, предпочитая давить на то, что Дон женат да и вообще ей не пара. Впрочем, она прекрасно понимала, что на самом деле их больше всего раздражает: «Они не могут понять, как я вообще могла влюбиться в еврея», — с горечью писала она подруге.

Джек и Маргарет заперли Грейс дома и держали ее под неусыпным наблюдением, чтобы она не могла сбежать в Нью-Йорк тайком или где-то встретиться с Ричардсоном. Она смогла лишь один раз позвонить ему по телефону, сбежав ненадолго из-под надзора Пегги, и со слезами рассказать о том, как тяжело ей приходится.

На самом деле, разумеется, ей было уже девятнадцать лет, и она неплохо зарабатывала как манекенщица, а значит была вполне финансово независимой. Так что никакой реальной возможности удержать ее против воли у Джека и Маргарет не было. Но Грейс понимала, что если она сейчас уедет, это будет означать полный разрыв с семьей. Точнее, она так думала; что было бы на самом деле, никто не знает, в конце концов, у Лизанны через несколько лет хватит духу выйти замуж против воли родителей за разведенного мужчину, и ничего ей за это не

будет. А любимица отца, Пегги, разведется с двумя мужьями, что, конечно, тоже семью не слишком обрадует, но опять-таки останется без последствий.

17. Первые роли

Я читала почти все, что требовалось на кастингах. Даже читала роль инженю в «Деревенской девчонке» на Бродвее (ее нет в фильме). Режиссер сказал мне, что я явно не подхожу для роли инженю…

Но любовь любовью, однако в первую очередь сейчас надо было думать о карьере. Учиться Грейс закончила, и теперь надо было не упустить случай проявить себя.

Двое лучших выпускников ежегодно приглашались в труппу популярного театра Бакс в Нью-Хоун, в Пенсильвании, и на этот раз одним из них оказалась Грейс. Для нее это было большой удачей, поскольку Нью-Хоун был недалеко от Филадельфии и родители скрепя сердце отпускали ее туда на репетиции. К тому же роль ей предложили в пьесе «Факелоносцы», автором которой был не кто иной, как ее дядя Джордж, и не дать ей там сыграть означало бы оскорбить лично его.

Дебют прошел удачно, критика тепло отозвалась о юной актрисе, не забыв, конечно, упомянуть, какие у нее знаменитые отец и дядя. Джек Келли наконец-то согласился, что актриса — это тоже неплохо, этим даже иногда можно гордиться, — и привел на спектакль всех своих знакомых, чтобы показать, как его дочь играет в спектакле его брата.

Закрепило успех приглашение от знаменитого актера Рэймонда Мэсси, который одним из первых воплотил в кино образ Шерлока Холмса, исполнить роль его дочери в постановке трагедии Стриндберга «Отец».

Премьеру предполагалось сыграть в Бостоне, а затем перенести спектакль в Нью-Йорк, поэтому Джеку и Маргарет пришлось срочно решать, что делать со строптивой дочерью. Вечно держать ее дома не имело смысла, даик тому же теперь они тоже стали надеяться, что она станет звездой, поэтому предпочитали помогать ей, а не мешать.

В конце концов они решили, что ведет себя она смирно, о любовнике-еврее больше не упоминает, много работает — можно ее и отпустить. Грейс дала родителям слово, что не будет больше встречаться с Ричардсоном, и уехала в Нью-Йорк. где прямиком направилась к тому домой, и они радостно отпраздновали встречу в постели.

Вряд ли тут дело было в большой любви — ее чувства к тому времени уже начали остывать. Скорее, такое поведение было

вызовом родителям, символом того, что она подчиняется только формально, а на самом деле все равно делает так, как сама считает нужным.

Теперь трудно понять, чего в этом было больше — искренней уверенности, что она на самом деле бросает семье вызов, или обычного самообмана. Дон Ричардсон вспоминал, что, несмотря на возобновление отношений, он чувствовал, что из их романа уже ничего не выйдет. Грейс не желала слышать ни одного осуждающего слова о своих родителях и их поступках, да к тому же еще ужасно боялась, что те их разоблачат.

Так в итоге и случилось — несмотря на всю их конспирацию, в один прекрасный день к Ричардсону явился сам Джек Келли и предложил отступные, если он прекратит встречаться с Грейс. «Я произнес длиннющую, абсолютно идиотскую, сбивчивую речь, в которой сказал, что мне от него ровным счетом ничего не нужно, что я люблю его дочь и не приму от него никакого отступного, — вспоминал Ричардсон. — Он не стал меня слушать, а просто вышел вон». На этом, разумеется, ничего не закончилось, хотя Джек Келли больше не снисходил до того, чтобы лично вести переговоры. В дальнейшем звонил Келл, угрожал, запугивал и вновь пытался подкупить.

Ну а Грейс… делала вид, что ничего не видит и не знает, а когда Дон прямо говорил ей, что надо что-то делать, отвечала что-то невнятное, мол, когда-нибудь им удастся понять друг друга и все будет прекрасно. В любых столкновениях с семьей она предпочитала просто «прятать голову в песок» и ждать, когда все как-нибудь само рассосется.

18. Клодиус Шарль Филипп

Я прочитала такую уйму ролей, что потеряла им счет.

Запреты и угрозы семьи Келли, а также нежелание Грейс предпринимать хоть какие-то шаги, чтобы изменить ситуацию, не могли не привести к охлаждению в ее отношениях с Доном Ричардсоном. Она перестала чувствовать себя с ним комфортно, а для нее это было самое главное. Влечение еще оставалось, но планов она больше не строила, а начала оглядываться вокруг, в поисках другой кандидатуры в спутники жизни.

И такая кандидатура нашлась довольно быстро. Спектакль «Отец» шел не слишком успешно, но тем не менее Грейс становилась более известной, и следовательно все больше мужчин обращали на нее внимание. Ее новый серьезный роман начался с того, что к дверям ее квартиры доставили бутылку дорогого шампанского и сообщили, что Клодиус Шарль Филипп — распорядитель банкетов отеля «Уолдорф-Астория» — выражает ей свое восхищение.

Грейс конечно же знала, кто такой Филипп, как знали это все, кто хоть немного интересовался жизнью высшего общества. Он был ресторатором и шоуменом, королем банкетов и организатором одного из самых знаменитых светских событий Нью-Йорка — «Апрельского бала в Париже», на котором присутствовал весь цвет общества, от миллионеров и звезд кино до аристократов и политиков.

Новый поклонник мог исполнить давнюю тайную мечту Грейс — ввести ее в высшее общество, сделать своей в среде высшей элиты города. С Доном Ричардсоном, как бы ни была к нему привязана, она не могла даже поделиться этим стремлением — ему, как истинному представителю богемы, это показалось бы смешным и глупым, да и Филиппа он насмешливо называл «метрдотелем». Но для Грейс его мнение уже не было определяющим. Она устала, ей хотелось стабильности, положения в обществе, а больше всего ей хотелось просто замуж за солидного человека, рядом с которым она чувствовала бы себя уверенной и защищенной.

Клодиус Шарль Филипп прекрасно подходил под эти требования. Ему было сорок лет, он был человеком зрелым, опытным, привыкшим руководить — как раз то, что было нужно Грейс, всегда любившей, чтобы ее опекали. Скоро они уже были

практически неразлучны, причем его знакомые обращали внимание на то, что аристократичная, спокойная и сдержанная Грейс сразу выглядела именно как жена Филиппа, а отнюдь не как его богемная подружка.

Она многому у него училась — манеры у нее были идеальные, но ей не хватало лоску, а кроме того, она совсем не разбиралась ни в еде, ни в винах. В доме Келли было принято питаться простой пищей домашнего приготовления, кулинарными изысками Маргарет никогда не увлекалась. Спиртное дома было, но самое стандартное, не говоря уж о том, что Грейс его пробовать не позволялось. Клодиус Шарль Филипп познакомил ее с миром изысканных блюд и коллекционных вин, без знания которых нельзя почувствовать себя своей среди аристократов.

Дело двигалось к свадьбе, но. тут вновь вмешался Джек Келли. Забавно, но хотя они с Доном Ричардсоном находились, можно сказать, на разных жизненных полюсах, к профессии Филиппа они оба относились с одинаковым презрением. И для богемы, и для мещан он был всего лишь метрдотелем.

Формально Джек Келли придрался к тому, что Клодиус Шарль Филипп дважды разведен, а значит, не годится в мужья доброй католичке. И запретил Грейс даже думать об этом браке. А что же она? Она продолжила встречаться и с ним, и с Доном, по-прежнему надеясь, что все как-нибудь само рассосется. Впрочем, продолжалось это недолго, Филипп был не тот человек, который мог бы долго терпеть такое положение, и вскоре они окончательно расстались.

19. Мохаммед Реза Пехлеви

Я не люблю кричать и драться, поэтому *я* не могу спорить.

Расставшись с Филиппом, Грейс, как обычно бывало с ней после сильного сердечного разочарования, ударилась в развлечения, которые помогали ей избавиться от грустных мыслей. Тогда она впервые и закрутила роман с человеком, за которого сразу не собиралась замуж.

Это был не кто иной, как молодой шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, который прибыл в США для переговоров с президентом Трумэном, но не упускал случая и развлечься. Тем более, как положено восточному владыке, в развлечениях он знал толк и с легкостью сорил деньгами. Шах недавно развелся, так что был свободен и с удовольствием менял одну красавицу за другой.

Однако Грейс, представленной ему на каком-то приеме, он увлекся не на шутку. По воспоминаниям ее друзей, шах устроил для нее настоящий тур по самым модным нью-йоркским клубам и ресторанам, водил ее на балы и приемы и буквально засыпал подарками. Ходила даже байка, что охрана шаха так устала каждую ночь сопровождать его, что просила Грейс, чтобы та уговорила его хотя бы на одну ночь остаться дома.

Грейс наслаждалась успехом — ей нравилось входить под руку с шахом в огромный зал и видеть, что все взгляды направлены на них. Именно тогда она окончательно поняла, что хочет быть знаменитой. Но не как чья-то женщина, а сама по себе, чтобы неважно было, с кем под руку она идет. Поэтому когда Мохаммед Реза Пехлеви сделал ей предложение, она отказалась. Она не любила его, а корысть была ей чужда, поэтому место шахини ее не прельщало.

Кстати, родителям она об этом предложении не сказала, хотя оно несомненно могло бы повысить ее оценку в их глазах. Вероятно опасалась, что католические принципы Джека Келли не выдержат такого соблазна. Похвасталась она только Херби Миллеру, с которым они давно расстались, но сумели остаться добрыми друзьями.

О романе Грейс с шахом ее родители, как и следовало ожидать, все же узнали — из газет. Маргарет тут же приехала в Нью-Йорк и потребовала отчета: правда ли, что шах подарил ей какие-то баснословно дорогие драгоценности. Та неохотно призналась, что да, она приняла в подарок три безделушки. Но

Маргарет одного взгляда было достаточно, чтобы понять — эти «безделушки» стоят около десяти тысяч долларов (примерно двести тысяч в пересчете на современные цены). Это были: золотая сумочка-косметичка с тридцатью двумя крупными бриллиантами, золотой браслет с часами, украшенными жемчугом и бриллиантами, и золотая брошь в виде клетки, внутри которой сидела птичка с усыпанными бриллиантами крылышками и глазами из сапфиров.

Маргарет потребовала, чтобы Грейс вернула шаху подарки, но та на сей раз отказалась проявлять послушание и заявила, что это невозможно — тот все равно их не примет. В конце концов Маргарет пришлось отступить, и драгоценности остались у Грейс. В 1956 году, накануне свадьбы с князем Монако, она подарила их подружкам невесты, не желая держать у себя свидетельства своих прежних романов.

К тому времени, как она рассталась с шахом, ее отношения с Доном Ричардсоном тоже уже клонились к закату. Страсть утихла, а воспоминания они друг у друга вызывали не слишком приятные — у обоих были живы в памяти унижения, которые им пришлось пережить, когда Грейс познакомила его со своими родителями. Но их связывало слишком многое, чтобы они могли вот так просто расстаться, даже когда Ричардсон уже был уверен, что в ее жизни есть и другие мужчины.

Точку поставила сама Грейс. Она никогда не умела расставаться, но зато умела провоцировать людей на те поступки, которые ей были нужны. «Как-то она позвонила мне и пригласила на ужин, — вспоминал Дон Ричардсон. — Потом, лежа со мной в постели, спросила: «Хочешь посмотреть на красивые штучки?» Для меня не было ничего прекраснее ее наготы, но она устроила настоящий показ мод, появляясь передо мной в тряпках одна другой дороже. *Я* не мог себе представить, откуда она все это взяла. Наконец она предстала в чем мать родила, в одном золотом браслете с изумрудами».

Ричардсон хорошо знал, кто мог подарить такой браслет — это была «визитная карточка» принца Али Хана, вице-президента Генеральной Ассамблеи ООН и сына Ага-хана III, духовного лидера исмаилитов. Али Хан был женат на кинозвезде Рите Хейворт, что не мешало ему напропалую крутить романы с многочисленными красавицами. Весь Нью-Йорк сплетничал о том, что каждой своей любовнице он дарил браслет с изумрудами.

Оскорбленный и разъяренный Ричардсон сорвал с руки Грейс браслет, швырнул его в аквариум, оделся и ушел. На этом их роман закончился.

Глава V. Карьера

20. Телевидение

Я работала на телевидении в прямом эфире в начале 1950-х, и это было довольно трудно и очень волнительно. В эти дни периода становления телевидения действительно было замечательно ощущать свою причастность к нему.

Дон Ричардсон был прав в своей скептической оценке шансов Грейс на театральной сцене. Хотя спектакль Рэймонда Мэсси «Отец» не имел успеха не по ее вине, а потому, что сама постановка была не слишком удачной, это стало провалом и для нее, потому что она не сумела создать такой образ, который запомнился бы публике. Поэтому, когда «Отец» уже в начале 1950 года сошел со сцены, Грейс осталась не у дел и потом два года не могла вновь пробиться на Бродвей.

Несколько раз ее приглашали на прослушивания, но каждый раз это заканчивалось ничем. Как верно заметил Ричардсон, ей не хватало драматического таланта, она не умела заворожить публику голосом, а ярко подать себя ей мешала застенчивость. В результате ее героиням все время не хватало изюминки, которая могла бы «зацепить» публику.

Но зато целеустремленности у Грейс было хоть отбавляй и готовности работать — тоже. Когда перед ней закрывали одну дверь, она всегда была готова постучаться в другую. Так и получилось, что после нескольких неудач в театрах она оказалась на телевидении, которое в те времена еще только-только начинало набирать популярность.

Звезды Бродвея и Голливуда относились к громоздкому черно-белому ящику с презрением, и было почему — первые телевизионные передачи ставились абы как и были рассчитаны на очень непритязательные вкусы. Однако к тому времени, как на телевидение пришла Грейс, оно уже стало превращаться в отдельный вид искусства. Запись еще не использовалась, поэтому все передачи шли в прямом эфире, и соответственно спектакли игрались тоже вживую, как на сцене.

Штамповали их с большой скоростью, в частности Грейс участвовала примерно в одной новой постановке каждый месяц. Соответственно роли учили с космической скоростью, репетиций почти не было, и актеры обязаны были уметь очень быстро ориентироваться в любых непредвиденных ситуациях.

Права на ошибку не было.

Звезды там, конечно, не играли, студии набирали новичков и актеров без ангажемента. Но опыт там приобретался очень серьезный. В этих телеспектаклях начинали такие актеры, как звезда «Психо» Энтони Перкинс, знаменитый герой боевиков Чарльз Бронсон и обладатель «Оскара» Род Стайгер. Когда спустя несколько лет Грейс снималась в фильме «Поймать вора», Кэри Грант выразил восхищение ее умением вести диалог и держаться перед камерой и поинтересовался, где она, начинающая актриса, смогла такому научиться, Грейс со смешком ответила: «Вы бы поиграли с мое!»

Еще одним плюсом телепостановок было то, что из-за их массовости даже не слишком известный актер мог сыграть в каком-нибудь знаменитом спектакле главную роль, которая никогда не досталась бы ему на Бродвее. Так Грейс удалось примерить на себя многие роли, за которые бродвейские актрисы рвали друг друга на части, и это тоже не могло не повысить ее актерское мастерство.

А вот с работой манекенщицей она рассталась — совмещать это с телевидением было сложно, и пришлось делать выбор. Впрочем, Грейс не колебалась ни минуты, она видела себя актрисой, а съемки в рекламе для нее были лишь зарабатыванием денег.

Правда, и к телевидению она относилась тоже не слишком серьезно, поэтому когда вставал выбор — участвовать в очередной телепостановке или сыграть хотя бы небольшую роль на настоящей сцене, она всегда выбирала второе. Хотя речь шла не о Бродвее и даже не об ангажементе в приличном провинциальном театре, а лишь о летних спектаклях, к которым серьезные актеры относились свысока. Но зато ее отец к телевидению и даже кино относился с пренебрежением, а театр уважал, а значит и Грейс хотела добиться успеха именно там.

21. В ожидании перемен

Я была вынуждена уехать в Голливуд, поскольку не могла получить работу на Бродвее.

Работа на телевидении и в театре занимала большую часть времени Грейс, но большую — еще не значит всю. В квартире, которую они делили с подругой, едва ли не каждый день собиралась веселая компания — болтать, смеяться, флиртовать и танцевать. Творческая молодежь, как это обычно бывает, ютилась где придется, поэтому их большая удобная квартира стала своеобразным богемным клубом, где можно было весело провести время в хорошей компании.

Подруги вспоминали, что одно время Грейс серьезно увлекалась астрологией и спиритизмом, высчитывала гороскопы, крутила столы, но. это не мешало ей ловко сыграть маниакальную поклонницу спиритизма, чтобы отпугнуть надоевшего кавалера. Она много чем увлекалась, но это никогда не значило, что она к этому на самом деле серьезно относилась. По-настоящему важным для нее было то, что приносило практическую пользу. Так, например, она очень любила танцевать и упорно посещала балетный класс, хоть и понимала, что профессиональной танцовщицей ей не стать. Но она знала, что у нее есть проблемы с легкостью и раскованностью движений, и таким образом пыталась с ними справиться.

Лето 1951 года стало для нее временем нового подъема чувств, какого не было, наверное, с тех пор, как она когда-то влюбилась в Дона Ричардсона. Правда, поводом к этому эмоциональному всплеску стало очень печальное событие, можно даже сказать трагическое. Грейс узнала, что ее первая любовь, Харпер Дэвис, умирает от множественного склероза.

С тех пор как они расстались по настоянию Джека Келли, прошло уже немало лет, но по-видимому, Грейс продолжало преследовать чувство вины. И когда молодой человек тяжело заболел, оно еще более обострилось. Каждый раз, бывая в Филадельфии, она навещала парализованного бывшего возлюбленного в ветеранском госпитале, а потом уезжала в слезах.

Много позже, когда журналисты спрашивали, любила ли она кого-нибудь по-настоящему, она каждый раз называла его имя. «Мы полюбили друг друга еще детьми, — печально говорила она, — а потом он умер от множественного склероза». И скорее

всего, она была искренней, когда это рассказывала, ведь Харпер Дэвис был первым, в кого она влюбилась, и первым, кого ей пришлось отвергнуть. Поэтому все последующие разрывы были для нее в некотором роде отголосками того, что она пережила в юности. Выбирая между отцом и любовью, она выбрала отца и теперь вынуждена была делать это снова и снова.

Вероятно, этот эмоциональный всплеск и внутреннее чувство протеста поспособствовали тому, что Грейс снова влюбилась, причем в человека, которого родители точно бы не одобрили. На сей раз ее избранником стал молодой актер Джин Лайонз. Он был тоже ирландского происхождения, но его шансы быть одобренным Джеком Келли от этого не увеличивались — Лайонз происходил из бедной семьи, сам себя именовал «ирландским оборванцем», а все его помыслы были сосредоточены на актерской карьере. Ну и к тому же он, как и все прежние женихи Грейс, уже был разведен.

Впрочем, она не слишком расстроилась, услышав, что мать не одобряет ее новое увлечение. Толи это стало уже привычным, то ли она не строила на Лайонза серьезных планов, а может быть дело было в том, что сейчас у нее появились более важные заботы. Эми ван Клив наконец-то нашла для нее подходящий проект в кино. 10 августа 1951 года продюсер Стэнли Крамер прислал Грейс телеграмму с приглашением ее на пробы в фильм «Ровно в полдень».

Вообще-то она уже бывала на голливудской съемочной площадке — играла эпизодическую роль в фильме студии «Двадцатый век Фокс» «Четырнадцать часов». И хотя в окончательный вариант картины вошли лишь несколько секунд ее пребывания на экране, студия предложила Грейс заключить долгосрочный контракт. Потом такие же предложения поступали и от других кинокомпаний, но она от всех отказывалась.

Для того чтобы понять, почему она это сделала, надо хорошо представлять, что такое голливудский контракт тех времен. Киностудии предлагали актерам постоянный договор, по которому те получали некий оклад (сумма варьировалась от пятидесяти долларов в неделю до нескольких тысяч) вне зависимости от того, снимаются они или нет. За это они обязаны были принимать участие в тех картинах, которые предложит студия, и не имели права сниматься у кого-нибудь другого.

Делалось это в надежде на будущие прибыли — чтобы закабалить потенциальных звезд до того, как те станут дорого стоить. Так, например, Мэрилин Монро за фильм «Джентльмены предпочитают блондинок» получила почти в двадцать раз меньше, чем ее партнерша Джейн Рассел. Потому что Монро была

связана контрактом, а Рассел уже нет и значит могла выставлять свои условия.

Правда, к концу 50-х такая практика стала себя изживать — актеры все больше протестовали против навязанных им контрактов, по которым звезды мировой величины иногда зарабатывали меньше, чем какие-нибудь статисты. Да и студии, соревнуясь между собой в стремлении закабалить как можно больше актеров, оказались обременены десятками тысяч бесполезных контрактов и еженедельно платили кучу денег людям, не снявшимся ни в одном фильме.

Грейс себе такой судьбы не желала — заработок был для нее не слишком важен, и она хотела сама выбирать, в чем сниматься. К тому же была у контрактов и другая неприятная сторона: по ним киностудия могла вмешиваться в личную жизнь актера, заставлять его перекрашивать волосы (как было с той же Монро), вставлять зубы, делать пластические операции. Нельзя было ни выйти замуж, ни развестись без одобрения киностудии. Это было практически крепостное право.

Однако с фильмом «Ровно в полдень» дело обстояло достаточно необычно — Грейс туда приглашали без заключения постоянного контракта. К тому же она должна была играть партнершу самого Гэри Купера. Естественно, она согласилась, хоть для этого ей и пришлось расторгнуть договор с летним театром.

22. «Ровно в полдень»

> С Гэри Купером все так понятно. Смотришь на его лицо и понимаешь все, о чем он думает. Смотрю на свое лицо и ничего не вижу. *Я* знаю, о чем думала, но не смогла показать это. Внезапно я подумала, что, возможно, из меня и не получится великой звезды Голливуда. Может быть, я ни на что не способна, в конце концов.

Нужно сказать сразу — Грейс Келли пригласили в вестерн оскароносного режиссера Фреда Циннерманна «Ровно в полдень» не за какие-то особые заслуги, а лишь потому, что нужна была недорогая актриса конкретного типажа. Поэтому им просто взаимно повезло — она вписалась в роль идеально, и это стало началом ее короткой блистательной голливудской карьеры.

Картину делала блистательная творческая команда — продюсер Стенли Крамер, сценарист Карл Форман и режиссер Фред Циннерманн, которые вместе и по отдельности создали за свою жизнь немало признанных киношедевров. Но как это было всегда, на будущий шедевр получить деньги куда сложнее, чем на очередную штампованную пустышку, поэтому «Ровно в полдень» снимала не одна из крупных киностудий, а маленькая независимая команда. Кстати, Формана в то время подозревали в том, что он коммунист, поэтому его он вообще был в черных списках киностудий. Циннерманну пришлось даже убрать его имя из титров картины. что не помешало потом выдвинуть Формана на «Оскара» за лучший сценарий.

Сюжет фильма прост: шериф пытается поднять жителей городка на борьбу с бандитами, но его никто не поддерживает, тогда он выступает против них один, а в конце срывает с себя звезду и уезжает из города. Форман не скрывал, что это аллегория на современное ему американское общество, трусливо не замечающее политических репрессий против инакомыслящих. Но несмотря на то что фильм бурно критиковали и называли клеветой на Америку, «Ровно в полдень» принес огромную прибыль и до сих пор считается одним из лучших вестернов в истории кино.

Грейс пригласили на роль молодой жены шерифа — тихой, пацифистски настроенной квакерши, которая в конце концов единственная решается поддержать мужа в его борьбе. Циннерманн скептически оглядел ее, когда она приехала на

студию, но решил, что пожалуй, это то, что надо: «Занудная и анемичная, этакая невыразительная, бесцветная девственница. Квакерша с Востока, которую судьбой занесло на Запад, ко всем этим неотесанным дикарям в пыльном городишке. Какой же ей еще было быть, как не скованной и боязливой? Грейс словно была создана для этой роли. От нее требовалось сыграть самое себя. Именно ее неопытность как актрисы и делала ее игру еще более убедительной».

Гэри Купер в роли шерифа Кейна тоже в какой-то степени играл самого себя. У него был тяжелый период — проблемы со здоровьем, сложности в личной жизни, да и последние две его картины провалились в прокате, после чего многие кинобоссы поставили на нем крест. Так что роль усталого и разочарованного в жизни шерифа Кейна была как раз для него.

Грейс конечно же сразу влюбилась в Купера. Красивый, представительный, по возрасту годящийся ей в отцы — он со всех сторон был «ее типом» мужчины. Она смотрела на него с восторгом и была безумно счастлива, что играет с ним в одном фильме, да еще и его жену. Впрочем, не она одна — в него в той или иной степени были влюблены почти все женщины Америки, поэтому когда Грейс приехала домой, Пегги ее встретила завистливым вопросом, целовалась ли она с Купером, и если да, то сколько раз.

Родители тоже понимали, что в такого мужчину нельзя не влюбиться, поэтому приставили к ней в качестве компаньонки младшую сестру, Лизанну. Грейс пришлось согласиться, потому что это было условием благосклонного отношения отца и матери к началу ее карьеры в Голливуде.

Трудно сказать, была ли на самом деле необходимость в такой подстраховке — Купер, конечно, не мог остаться равнодушным к обожанию со стороны такой красивой девушки. Но ему в то время было совсем не до романов, его мучили боли в спине и язва желудка, да и съемки были очень напряженными — вся группа работала от зари до зари, чтобы закончить фильм за четыре недели. И режиссер, и продюсер, вспоминая эти дни, в один голос отрицали возможность каких бы то ни было романов на площадке — на них у актеров просто не было времени.

Как бы то ни было, Лизанна свою «работу» выполняла очень тщательно: она ночевала с Грейс в одной комнате, возила ее на съемки, а когда Купер пару раз приглашал ту в ресторан, ездила вместе с ними. Естественно, после съемок все равно возникли слухи, что у них что-то было, но ни тот, ни другой никогда этого не подтверждали, а когда Гэри Купера спросили прямо, был ли у него роман с Грейс Келли, он ответил, что, конечно, нет, ведь она

его в два раза моложе.

Фильм «Ровно в полдень» триумфально собрал в прокате в десять с лишним раз больше, чем обошлось его производство, и был выдвинут на семь «Оскаров», из которых получил четыре — за лучшую мужскую роль, монтаж, песню и музыку. Все были в восторге от результата. кроме Грейс Келли. Она сочла себя деревянной, бесцветной и безжизненной, особенно в сравнении с восхищавшей ее игрой Гэри Купера. «Стоило только взглянуть на его лицо, как вы уже читали его мысли, — с восхищением говорила она о нем. — *Я* же смотрела на себя и не видела совсем ничего. *Я* знала, что думала в каждый момент, но это никак не отражалось на моем лице».

Что ж, Грейс умела делать выводы и принимать решения (когда семья не вмешивалась). Она трезво оценила, чего ей не хватает, чтобы стать по-настоящему хорошей актрисой. Актерскую технику ей дала Академия, опыт вести диалог она приобрела на телевидении, а вот умению выражать свои эмоции никто не научил. Значит, теперь ей был нужен специалист именно в этом актерском умении, и она нашла его довольно быстро.

Вернувшись из Голливуда, Грейс записалась на курсы к одному из величайших американских педагогов по драматическому искусству, Сэнфорду Мейснеру, воспитавшему и до, и после нее немало талантливых актеров, в том числе Грегори Пека, Даяну Китон и Сандру Баллок. Грейс проучилась у него больше года, твердо решив, что не вернется в кино, пока не научится играть по-настоящему.

Глава VI. Рождение звезды

23. «Могамбо»

Когда мы заканчивали академию, то обычно любили изображать, как будем подписывать автографы. Весь вопрос сводился к одному — когда? К остальному мы были готовы. Между мной и славой стояли лишь несколько городских кварталов. Посмотрев «Ровно в полдень», я подумала: «Эта бедняжка ничего не добьется, если не изменит себя — и чем быстрее, тем лучше». *Я* была в ужасе. *Я* чувствовала себя совершенно несчастной.

В 1952 году, когда «Ровно в полдень» вышел на киноэкраны, а потом собрал урожай «Оскаров», Грейс Келли наконец-то стала известной. Студии наперебой приглашали ее к себе, но она по-прежнему не стремилась связывать себя контрактом, желая оставаться свободной. Однако у свободы тоже были недостатки — лучшая из предлагаемых ей в тот период ролей досталась другой актрисе именно потому, что студия предпочитала работать с теми, кто связан контрактом, анес вольными артистами. Но зато ее пробы увидели на киностудии «Метро-Голдвин-Майер» и. сделали ей предложение, от которого она не смогла отказаться.

Грейс пригласили на одну из главных ролей в новом фильме «короля Голливуда» Кларка Гейбла. О таком мечтали сотни актрис, ведь успех и популярность после этого ей были гарантированы. Однако для того чтобы получить роль, надо было отказаться от свободы и подписать семилетний контракт с киностудией.

И Грейс решилась — игра стоила свеч. Тем не менее она тоже выдвинула свои условия. Сумма, которую ей предлагали, была оскорбительно мала для такой уже более-менее известной актрисы, как она, всего семьсот пятьдесят долларов в неделю, но Грейс не стала к этому придираться, предпочитая выиграть в другом. В частности, она потребовала, чтобы ей позволили постоянно жить в Нью-Йорке и участвовать в театральных постановках, плюс она добавила пункт, что студия не может задействовать ее больше чем в трех картинах в год. На «Метро-Голдвин-Майер» согласились с ее условиями, и через несколько дней Грейс радостно написала одному из своих друзей: «Сядь и, затаив дыхание, выслушай главную новость. *Я* буду сниматься в Африке вместе со стариной Кларком Гейблом!»

Фильм «Могамбо», ради которого она отказалась от свободы,

был римейком популярного фильма «Красная пыль», снятого в 30-е с тем же Гейблом в главной роли. Сюжет оставался практически таким же — жаркий любовный треугольник на фоне экзотических пейзажей, только действие было перенесено из Малайзии в Африку да партнерш Гейбла играли уже другие актрисы.

Главную женскую роль играла одна из крупнейших звезд того времени, блистательная Ава Гарднер. Перед съемками ходило много слухов о ней и Гейбле, зрители с нетерпением ждали сплетен о романе двух звезд, но на деле все вышло по-другому. Ава Гарднер недавно вышла замуж за Фрэнка Синатру, и у нее было по горло хлопот с таким беспокойным мужем, к тому же переживающим серьезный кризис. К тому же она оказалась беременна и в самом начале съемок была вынуждена уехать, чтобы сделать аборт. Такв итоге и получилось, что в центре всеобщего внимания оказалась не она, а Грейс Келли, закрутившая с Гейблом бурный роман.

«Что касается их романа, — писала Ава Гарднер в мемуарах, — тос первого взгляда было ясно, что Кларк пожирал глазами Грейси, а она — его. В ту пору ни он, ни она не были обременены семьей, да и вообще, по-моему, любая нормальная женщина просто не могла не влюбиться в Кларка».

Может быть, насчет любой женщины Ава Гарднер и погорячилась, но Грейс Келли точно не могла не влюбиться в Гейбла. Он соответствовал ее идеалу мужчины даже больше, чем Гэри Купер, а главное, он еще не устал от жизни и был вполне готов закрутить роман с девушкой младше его на двадцать восемь лет.

К тому же в Африке Грейс была свободна — туда не так просто было прислать Лизанну или кого-либо другого, чтобы за ней присмотреть. И воздух свободы ударил ей в голову. дайне только ей. Другие члены съемочной группы тоже развлекались вовсю — алкоголь лился рекой, каждый вечер была музыка, теннис и новый фильм, который крутили на привезенном с собой кинопроекторе. В конце декабря им самолетом доставили шампанское, рождественских индеек и самого Фрэнка Синатру, который дал мини-концерт, а заодно отпраздновал Рождество вместе с женой. В африканскую пустыню словно перенесся кусочек Голливуда, причем не такой уж маленький: палаточный городок, в котором жили киношники и обслуживающий их персонал, состоял примерно из трехсот палаток.

Роман Грейс и Кларка Гейбла развивался у всех на виду — они и не думали его скрывать, тем более что это было бы совершенно бесполезно, слишком уж много глаз было к ним приковано. По воспоминаниям других членов съемочной группы,

Грейс звала Гейбла «Ба», что на суахили означало «отец», ездила с ним на озеро купаться голышом, каталась по саванне на его джипе, а все остальное свободное время проводила в его палатке.

Единственное, в чем Грейс не удавалось составить компанию Гейблу, так это в распитии спиртного. Тут его лучшим товарищем была Ава Гарднер, умевшая пить не хуже «короля Голливуда». Грейс пыталась за ними угнаться, но это было безнадежно. «Ее миленький носик розовел, — вспоминала Ава Гарднер, — потом ее начинало рвать, и нам приходилось ее спасать. Или же она ни с того ни с сего обижалась и убегала куда-нибудь в темноту. Вскоре Кларк очухивался и спрашивал: «Киса, куда она подевалась? Это ведь Африка! Здесь далеко не убежишь.» Ия была вынуждена отправляться на ее поиски и приводить назад, пока ее там львы не сожрали».

Пить Грейс так никогда и не научилась, что спасло ее от участи многих голливудских звезд, превратившихся к концу жизни в алкоголиков. Ее нью-йоркские друзья, веселившиеся с ней на вечеринках в пору ее работы моделью, вспоминали, что она могла выпить немного шампанского для поднятия настроения или за компанию, но не больше. Кроме того, что ей от алкоголя становилось плохо, она еще панически боялась плохо выглядеть на фотографиях. Кларк Гейбл немного избавил ее от этого страха, но к счастью, не окончательно.

Но кроме романов, спиртного и упоения свободой был, конечно, еще и фильм, который они приехали снимать. Грейс получила возможность показать все то, чему она училась последний год, и она эту возможность с блеском использовала. Ее героиня — чопорная англичанка Линда — постепенно словно сбрасывала с себя путы цивилизации и вырывалась на свободу, как делала это и сама Грейс. Может быть, ей недоставало той профессиональной легкости, с которой вели свои роли опытные Кларк Гейбл и Ава Гарднер, но с фильмом «Ровно в полдень» было уже не сравнить — теперь Грейс очень убедительно играла женщину, изо всех сил сдерживающую рвущиеся наружу страсти.

Через несколько дней после Нового года натурные съемки закончились, и группа отправилась в Лондон, где планировалось доснять сцены в павильонах и озвучить фильм. Тамих уже поджидали вездесущие репортеры, которых больше всего интересовали слухи о романе Кларка Гейбла с Грейс Келли. Те своих отношений особо не скрывали, но официально признавать вовсе не собирались. Когда Гейбла спросили напрямую, он ушел от прямого ответа и заявил, что годится Грейс в отцы. Журналистам пришлось довольствоваться тем, что рассказывали члены съемочной группы. Впрочем, тем было что порассказать.

Семья Келли, до которой доходили все эти слухи, как обычно забеспокоилась и поспешила вмешаться. Причем на этот раз сторожить и вразумлять Грейс прилетела не Лизанна, а сама Маргарет. Толи опасаясь, что с влюбленностью дочери в Гейбла так просто не справиться, то ли просто потому, что она тоже была его поклонницей и очень хотела познакомиться. Во всяком случае, она сказала Грейс, чтобы та бросила глупости, а потом составила ей и Гейблу компанию за ужином.

Тот, будучи опытным донжуаном, сразу понял, что этот роман пора заканчивать. На Маргарет он постарался произвести самое приятное впечатление, а Грейс объявил, что все кончено, надо расстаться друзьями, и даже поставил у своих дверей в отеле охранника, чтобы тот не пускал ее к нему. За его плечами были десятки романов и четыре брака, поэтому он хорошо знал — точку надо ставить сразу, а затягивание расставания приводит только к лишним сложностям.

Грейс этого не понимала, пыталась прорваться к нему в номер, плакала, жаловалась в письмах к подруге, но Гейбл был непреклонен и изо всех сил демонстрировал дружески-отеческое отношение к ней. Он даже проводил ее в аэропорт, когда она улетала, и пожелал ей доброго пути. Время показало, что он повел себя абсолютно правильно — «школьная влюбленность», как верно называла чувства Грейс Маргарет, в разлуке быстро прошла, и в дальнейшем они с Гейблом встречались действительно как друзья и не раз появлялись вместе на различных голливудских мероприятиях.

24. Восходящая звезда

> *Я* не могла думать о том, что же ему сказать. При всем ужасе ситуации казалось забавным, что мозги, словно каменея, перестают соображать.

О знакомстве с Альфредом Хичкоком

После «Могамбо» Грейс Келли стала признанной звездой, пусть и только восходящей. Журнал «Лук» назвал ее лучшей актрисой 1953 года, а Американская киноакадемия выдвинула ее на «Оскара» за лучшую женскую роль второго плана. За главную женскую роль номинировалась также Ава Гарднер. «Могамбо» действительно стал для Грейс «золотым билетом» к славе.

Правда, ходили слухи, что на «Оскара» ее выдвинули не совсем за заслуги, а просто «Метро-Голдвин-Майер» сделала на нее большую ставку и нажала на все педали, чтобы награда досталась их восходящей звезде. Скорее всего в этом есть доля истины, ведь то же самое можно сказать о большей части «Оскаров», традиционно вручавшихся не только за реальные заслуги, а и под давлением какого-нибудь мощного лобби или из политических соображений. С другой стороны — никакая даже самая мощная студия не заставила бы Киноакадемию выдвинуть на премию бездарного актера, плохо сыгравшего свою роль. А вот подтолкнуть комиссию, чтобы из претендентов выбрали именно их кандидата, — почему бы и нет?

Почему в «Метро-Голдвин-Майер» сделали такую ставку на Грейс? Пожалуй, ей прежде всего повезло. Чтобы стать звездой в Голливуде, недостаточно было обладать талантом или внешностью. Мэрилин Монро (их с Грейс Келли очень удобно сравнивать, поскольку начинали они примерно одновременно, но шли к славе совершенно разными путями) долго не могла пробиться на первые роли, потому что сексапильных блондинок в Голливуде в то время и так хватало. Ниша была занята.

А вот место главной холодной блондинки как раз освободилось — безраздельно царившая в этом амплуа Ингрид Бергман бросила мужа и уехала в Европу с любовником, итальянским режиссером Роберто Росселини. Нужно было искать новую актрису, которая смогла бы воплощать на экране такой же образ «снежной королевы», под ледяной оболочкой которой бушует пламя. Студии стали спешно подбирать ей замену, и тут как раз вовремя появилась Грейс с ее холодной северной красотой и репутацией «горячей штучки». Она прекрасно вписывалась в тот

образ истинной аристократки, который был нужен студиям.

И первым ее потенциал оценил не кто иной, как великий и ужасный Альфред Хичкок.

Сам мастер триллера не раз говорил, что самая интересная женщина — это чопорная учительница, которая, оставшись с вами наедине, вдруг стащит с вас брюки и превратится в вулкан страсти. Поэтому ледяные блондинки с бушующими в душе страстями всегда были им особенно любимы. «Англичанка, немка с севера Германии или шведка — подчас они выглядят как школьные зубрилки, — говорил он. — Но стоит их распалить, как они. Господи, они вас изумят, уверяю вас. Куда интереснее открывать секс в женщине, чем терпеть, когда его обрушивают на вас, хотите вы того или нет». У Хичкока Ингрид Бергман сыграла свои лучшие роли, он же сразу положил глаз и на наследницу «снежной королевы».

Грейс Келли он заметил еще в фильме «Ровно в полдень» ив 1953 году, когда она освободилась, предложил ей роль в своем новом фильме «В случае убийства набирайте М». «Актриса, подобная ей, дает режиссеру известные преимущества, — говорил он, объясняя, чем именно понравилась ему Грейс. — Он может позволить себе снять более откровенную любовную сцену, если в ней играет леди, а не потаскушка. С простой актрисой это будет сама вульгарность. Но если в тех же обстоятельствах занята леди, сцена может получиться волнующей и прекрасной».

Грейс же, узнав, кто желает с ней работать, неожиданно запаниковала. Она довольно легко общалась с самыми звездными актерами, но вот с великими режиссерами прежде дела не имела, поэтому Хичкок задавил ее своим авторитетом еще до того, как они встретились. Как ни странно, это даже помогло ей — мэтр любил, когда актеры его слушались, поэтому робость и благоговение Грейс пришлись ему по нраву.

Оставалась одна сложность — Грейс по контракту была собственностью «Метро-Голдвин-Майер», а Хичкок снимал фильм для «Уорнер Бразерс». Решилось это по обычной схеме — «Уорнер Бразерс» взяли актрису в аренду, причем в «Метро-Голдвин-Майер» на этом отлично заработали: Грейс даже после повышения жалованья платили всего тысячу двести долларов в неделю, а за ее шестинедельную аренду запросили двадцать тысяч долларов.

25. В шаге от скандала

> Мистер Хичкок научил меня всему, что нужно уметь в кино. Благодаря ему *я* узнала, что сцены убийств должны сниматься как любовные сцены, а любовные сцены — как сцены убийств.

Но прежде чем приступить к съемкам в фильме «В случае убийства набирайте М», Грейс должна была выполнить более раннее обязательство перед телевидением и сыграть жену художника в телепостановке «Путь орла». Партнером ее стал известный французский актер Жан-Пьер Омон, имевший репутацию неотразимого сердцееда.

Тот в свою очередь уже знал, что будет играть с молодой и очень красивой актрисой, и был настроен на приятный необременительный роман. Однако первая встреча с Грейс его несколько ошарашила. «От нее исходил какой-то космический холод, — рассказывал он. — Она была хороша, очень хороша, но при этом очень и очень строга». Даже попытку перейти на неформальный стиль общения она пресекла сразу и очень резко и первое время называла своего партнера исключительно «мистер Омон».

Все дело было в том, что он встретился с Грейс не в самый лучший период в ее жизни. Она еще переживала расставание с Кларком Гейблом и чувствовала себя униженной тем, как легко тот ее бросил. Но с другой стороны, в тот момент она как никогда нуждалась в утешении, а значит, у француза при должной настойчивости были все шансы.

Омон был человеком опытным в общении с дамами, а Грейс его особенно зацепила, в том числе и своей неприступностью. Так что через нисколько дней он все же нашел к ней подход. Помогло ему в этом объявление администрации соседнего танцзала: «Дамы, не обижайте джентльменов! В конце концов, мужчины — тоже люди». Омон с печальным видом показал это объявление Грейс, та расхохоталась, и после этого между ними все же начался тот самый необременительный и приятный для обоих роман, к которому так стремился Омон и который на самом деле был сейчас очень нужен Грейс.

Когда работа закончилась, они расстались и разъехались каждый в свою сторону, сохранив друг о друге самые приятные воспоминания. Так что на съемки к Хичкоку Грейс приехала уже веселой и спокойной как обычно.

«В случае убийства набирайте М» — это экранизация популярной пьесы Фредерика Нотта, причем отнюдь не последняя — впоследствии их было еще не менее семи. В 1981 году, например, в Советском Союзе по ней сняли фильм «Ошибка Тони Вендиса», а в 1998 году вновь экранизировали в США под названием «Идеальное убийство» с Гвинет Пэлтроу в главной роли.

Герой пьесы, бывший английский теннисист Тони Вендис, узнает, что его богатая жена Марго изменяет ему с американским писателем. Он опасается, что она его бросит, и нанимает убийцу, чтобы избавиться от нее и стать богатым вдовцом. Тот должен задушить Марго, когда она подойдет к телефону, по которому ей позвонит муж, — так Тони собирался и получить алиби, и надежно спланировать убийство. Однако Марго, защищаясь, случайно закалывает убийцу ножницами. Тогда Тони ловко меняет план и подтасовывает улики, чтобы его жену обвинили в преднамеренном убийстве и казнили.

Хичкок намеренно снимал фильм в одних декорациях — все действие происходит в одном помещении, чтобы зритель почувствовал клаустрофобию и проникся состоянием загнанной в ловушку Марго. Особенно тщательно была проработана сцена неудачного убийства, в которой одетая в ночнушку Грейс должна была извиваться и отбиваться голыми ногами и руками. Трюффо говорил, что Хичкок снимает сцены убийства как сексуальные, и он был прав — эпизод получился настолько эротическим, что кадр из него, помещенный на постере к фильму, вызвал возмущение поборников нравственности.

Грейс роль далась легко — она вновь играла саму себя и показывала перед камерой свои собственные эмоции, которые уже довольно неплохо выражала. Хичкок был от нее в восторге — она была живым воплощением его мечты: аристократичная и сдержанная снаружи, но пылкая внутри. «Все мужчины на съемках с ума сходили от нашей Грейс, — рассказывала Лизанна Келли, которую вновь приставили присматривать за сестрой. — Они роем кружились вокруг нее, а Тони Доусон (игравший убийцу) и Фредерик Нотт (автор пьесы и сценария) влюбились в нее совершенно серьезно».

Но настоящий роман у Грейс начался с актером Рэем Милландом, игравшим Тони Вендиса. Он был старше нее в два раза, являлся серьезным знаменитым актером, удостоенным «Оскара» за главную роль в драме Билли Уайлдера «Потерянный уик-энд», и утверждал, что ухаживает за ней с самыми серьезными намерениями. Ему поверила даже Лизанна, которая по ее собственному признанию связала ему носки и пообещала

помогать в его взаимоотношениях с сестрой.

Что касается самой Грейс, то она влюбилась по уши и вновь захотела чего-то серьезного — брака, детей, тихого семейного счастья. Милланд казался ей почти идеалом, и она закрывала глаза на все, что могло бы этот идеал запятнать. Что поделать, Грейс еще не привыкла к тому, что она стала звездой и теперь ее жизнь все время под прицелом самого пристального внимания. И подобная беспечность чуть было не обошлась ей очень дорого.

Увы, Милланд был женат. Собственно, в этом не было ничего удивительного, странно было бы, если бы мужчина под пятьдесят до сих пор оставался холостяком. Но проблема была в том, что он состоял в браке уже двадцать лет, их пара считалась одной из самых крепких в Голливуде, и его жена Мюриэл пользовалась всеобщей симпатией.

Надо сказать, мораль 50-х годов была достаточно своеобразной. а попросту говоря — ханжеской и двуличной. Суть ее сводилась к тому, что можно все, лишь бы это было шито-крыто. Ингрид Бергман стала парией в Голливуде, и вся Америка была готова закидать ее камнями, потому что она открыто бросила мужа и родила ребенка от любовника. Если бы она не расходилась с мужем и тихо сделала аборт, она могла бы спать с кем угодно, никого бы это не заботило.

Открыто сойдясь с женатым Милландом, Грейс оказалась в такой ситуации, что еще немного, и она разделила бы судьбу Ингрид Бергман. Принятые в киномире правила игры не позволяли журналистам распространять слухи о том, сколько у нее любовников, но открытый скандал развязывал им руки, а соответственно и языки.

Семья Келли испугалась не на шутку. Убеждать Грейс расстаться с Милландом приехала сама Маргарет, и было ясно, что если ей это не удастся, в дело может вмешаться и сам Джек Келли. Но Грейс выслушала мать и согласилась с ее доводами. Для нее разгорающийся скандал стал неожиданностью, причем очень болезненной. *«Я* действительно считала, что их брак распался, — рассказывала она спустя много лет одному из своих биографов. — Рэй сам мне об этом сказал. Откуда мне было знать, что у него много подобных увлечений и что я всего лишь одна из многих!»

Это был удар посильнее того, что нанес ей Кларк Гейбл. Настолько сильный, что сразу после окончания съемок Грейс тут же уехала в Нью-Йорк, как требовал ее отец, и постаралась обо всем забыть. Она даже подумывала о том, чтобы совсем порвать с кино, и вновь обратила взор на театральную сцену. В театре «Сити-Центр» как раз готовили к постановке «Сирано де

Бержерака», и она рискнула попробоваться на роль Роксаны.

За дело она взялась серьезно, как всегда, и неделю готовилась к прослушиванию под руководством Мэла Феррера — режиссера предыдущей постановки этой пьесы и талантливого классического актера (известного в России по роли князя Андрея Болконского в американской экранизации «Войны и мира»). По его мнению, она была вполне готова к этой серьезной роли, но. на прослушивании она не смогла сказать ни слова. Частично в этом была повинна неожиданная простуда, а частично — волнение. Как бы то ни было, пробы Грейс провалила, и это была ее последняя попытка вернуться на сцену. Все-таки она была актрисой кино и сама это прекрасно понимала, когда глаза ей не застилали эмоции и желание стать такой, какой ее хочет видеть отец.

26. «Окно во двор»

> Мне так хотелось сыграть такую замечательную роль, но я очень волновалась вначале. Киностудия «Парамаунт Пикчерс» пошла на риск, позаимствовав меня у «Метро-Голдвин-Майер», и я продолжала волноваться: что же будет, если я разочарую их?

Весной 1954 года один из номеров журнала «Лайф» вышел с фотографией Грейс на обложке и большой статьей о ней. В статье предрекалось, что 1954 год станет «годом Грейс». Видимо, в редакции кто-то пронюхал, что Хичкок нашел себе новую музу, и журнал успел одним из первых подготовить большой материал об актрисе, которой буквально через несколько недель предстояло стать суперзвездой.

И действительно, в конце 1953 года Альфред Хичкок задумал снимать следующий фильм и в главной роли пожелал снова увидеть Грейс Келли. На сей раз он работал с киностудией «Парамаунт» и в отличие от предыдущей картины, поражавшей своей камерностью, новая, наоборот, поражала масштабностью. Для нее уже строились уникальные декорации, самые большие за всю историю студии, — настоящий лабиринт из трех десятков квартир, открывающихся взгляду героя фильма, прикованного после травмы к инвалидной коляске и со скуки наблюдающего за домом напротив.

На главную роль в этой картине, незамысловато названной «Окно во двор», был приглашен один из величайших американских актеров, Джеймс Стюарт, чей фильм «Эта замечательная жизнь» до сих пор вся Америка смотрит каждое Рождество.

Грейс была предложена главная женская роль — подруги героя, с которой тот делится своими подозрениями насчет того, что, как ему кажется, он видел в одной из квартир убийство. Но так получилось, что одновременно она получила еще одно заманчивое предложение — сняться в фильме «В порту», где ее партнером должен был стать Марлон Брандо.

Оба сценария показались Грейс очень интересными, и не зря — забегая вперед, можно упомянуть, что обе картины до сих пор входят в сотню лучших фильмов в истории американского кино. Правда, драму «В порту» больше ценят кинокритики, а детективный триллер «Окно во двор» — зрители.

«Вот так я и сидела, уставясь на два эти сценария, —

рассказывала Грейс впоследствии. — Мой агент сказала мне, что к четырем часам она должна знать мое окончательное решение. «Но я не знаю, что выбрать, — отвечала я. — Мне они оба нравятся. *Я* бы, конечно, предпочла остаться в Нью-Йорке, но мне нравится работать с Хичкоком. *Я* просто не знаю, что делать». А она мне говорит: «Я позвоню тебе через час и хочу услышать твой ответ». Я сказала: «О'кей».

В итоге она выбрала все-таки «Окно во двор», вероятно, следуя простой логике, что роль в этом фильме лично ей будет играть гораздо проще, а значит, она наверняка удастся. Драма «В порту» рассказывала о портовых рабочих, и Грейс там предлагали сыграть девушку из бедного квартала, а что она знала о бедности и о работягах? Тогда как в картине «Окно во двор» ее героиня была красавицей и модницей — точь-в-точь сама Грейс времен ее учебы в Американской академии драматического искусства. Ей снова не надо было ничего особо играть, достаточно было быть на экране самой собой. Точнее, показывать одну из сторон собственной натуры, что она всегда умела делать блестяще.

Ходили слухи, что Хичкок был в Грейс влюблен. Неизвестно, насколько это правда, но основания у слухов были: например, он лично выбирал костюмы для всех ее сцен, постоянно говорил о ее сексуальности, тратил по нескольку часов, наблюдая, как дубль за дублем снимают ее туфли крупным планом или то, как она целует партнера в лоб. Сам он говорил: «Я эксплуатировал тот факт, что ей известны плотские утехи, но не открыто, а намеками. Идеальная женщина-загадка — это блондинка, утонченная, нордического типа. Мне никогда не нравились женщины, которые выставляют свои прелести всем напоказ».

У них вообще были довольно странные взаимоотношения — абсолютно сдержанные и вежливые, но с постоянными попытками подловить на чем-то, поставить в неловкое положение, при этом ни на минуту не сбиваясь с вежливого тона. Например, как-то раз Грейс случайно услышала разговор режиссера с одним актером, полный скабрезных шуточек. «Вы шокированы, мисс Келли?» — спросил Хичкок, заметив ее. «Нисколько, — спокойно ответила Грейс. — Я, мистер Хичкок, посещала монастырскую школу и наслышана о подобных вещах еще с тринадцати лет».

В любом случае сработались они прекрасно. И не только с режиссером — с партнером Грейс по фильму Джеймсом Стюартом они стали прекрасным актерским тандемом. Причем отношения у них были исключительно профессиональные — Стюарт был счастливо женат, Грейс это знала, и они по обоюдному согласию не заходили дальше легкого флирта на съемочной площадке, который позволял им лучше войти в образ влюбленных.

Позже Стюарт с удовольствием вспоминал их совместные съемки, а на чье-то заявление, что, мол, Грейс Келли холодна как лягушка, ответил: «Все что угодно, только не холодность! У нее огромные, теплые глаза. Если бы вам довелось сниматься с ней в любовных сценах, вы бы хорошо знали, какая она «холодная». А какое лукавство во взгляде!»

Фильм «Окно во двор» вышел в прокат летом 1954 года и побил все рекорды по кассовым сборам. Это был уже не просто успех, а настоящий триумф. Грейс не зря предпочла его драме «В порту» — в том фильме она стала бы лишь «второй скрипкой», оттеняющей главного героя, тогда как в «Окне во двор» именно она в центре внимания, и даже великий Джеймс Стюарт уступает ей первенство.

Среди посмотревших «Окно во двор» был и Дон Ричардсон, которому было особенно любопытно, чего она добилась, ведь это он первым понял, что ей нужно стать киноактрисой. «На экране от нее словно исходило сияние, — рассказывал он свое впечатление от картины. — Когда она склонялась над Джеймсом Стюартом, чтобы поцеловать его, это было как во сне. Куда подевалась та робкая девчонка, которую *я* когда-то знал! Хичкок воплотил фантазию в жизнь, и я сидел и смотрел как зачарованный».

27. Уильям Холден

> С четырнадцати лет я то и дело влюблялась в кого-нибудь, но родители еще ни разу не одобрили мой выбор.

Еще до того, как была закончена работа над «Окном во двор», Грейс снялась в эпизодической роли в фильме «Мосты у Токо-Ри». Неожиданно эта маленькая роль стала для нее по многим причинам очень важной и оказала серьезное влияние на ее дальнейшую жизнь.

Во-первых, продюсировали этот фильм Уильям Перлберг и Джордж Ситон, которые заметили ее и впоследствии пригласили на главную роль в свою новую картину «Деревенская девушка». Во-вторых, там она впервые снялась в купальнике и в постели с мужчиной, что помогло ей быстрее стать признанным секс-символом. Ну и наконец, в-третьих, там она познакомилась с Уильямом Холденом, ее новой любовью и отчасти виновником того, что она не вышла замуж за первого жениха, которого ее родители наконец-то одобрили.

В фильме «Мосты у Токо-Ри» Грейс играла жену морского офицера, добивающуюся свидания с мужем накануне боевой операции, в которой тот погибает. Ее мужа играл как раз Уильям Холден — талантливый тридцатипятилетний актер, уже имевший «Оскара» и снявшийся в немалом количестве знаменитых фильмов. Он был женат, но не слишком счастливо, и все знали, что брак его уже давно на грани распада.

Незадолго до встречи с Грейс он пережил бурный роман с Одри Хепберн, с которой вместе играл в «Сабрине». Но Одри порвала с ним, когда узнала, что он сделал операцию, чтобы не иметь больше детей. Холден болезненно переживал этот разрыв и утешился романом с Грейс, тоже, впрочем, совершенно серьезным — дело дошло до знакомства с ее родителями.

Началось все на съемках «постельной сцены», где они в пижамах ложились в постель и разговаривали. Современному зрителю это может показаться смешным, но в 50-е годы такая сцена была очень вызывающей, даже несмотря на то, что по строгому кодексу Хейса (свод цензурных правил для голливудского кино в 30-60-е годы) актеры друг к другу не прикасались. Лизанна, знавшая некоторые подробности этого романа, говорила: «Если симпатичная девушка и привлекательный мужчина вынуждены играть весь день мужа и

жену, у них наверняка должны возникнуть проблемы с перевоплощением обратно в посторонних людей».

Но как обычно завершилось все после знакомства очередного претендента на Грейс с Джеком Келли. По воспоминаниям Холдена, тот говорил с ним абсолютно по-хамски, в результате чего он взорвался, послал папашу Грейс к черту и уехал. Он знал себе цену и не собирался терпеть, чтобы с ним обращались как с мальчишкой. Со своей стороны Джек Келли тоже был крайне возмущен, и больше всего отпором, который дал ему Холден. Для него тот был всего лишь «актеришкой», который, несмотря на свои огромные гонорары и многочисленные награды, лишь немногим выше бедного режиссера Ричардсона или «метрдотеля» Филиппа. Впрочем, Джек и к успехам дочери относился без почтения, снисходительно радуясь тому, что она хоть куда-то устроилась, раз уж не получила приличного образования в колледже.

Ну а Грейс очередную неудачу восприняла даже философски. Она как обычно и не подумала порывать с любовником после того, как он не понравился отцу и матери. Но на этот раз она хотела все-таки довести дело до брака, и у нее родилась «гениальная» идея. Она предложила Холдену перейти в католичество — тогда формально он в глазах католической церкви будет не женат. А если его таковым признает церковь, то придется смириться и родителям.

Холден в ответ сказал: «Да провалиться мне на этом месте, если я позволю попам указывать мне, что и как я должен делать!» После чего он предпочел сам прекратить отношения с Грейс. Своему психологу он позже объяснял, что ушел, хоть и продолжал еще любить ее, поскольку понял — их отношения обречены.

Он был одним из немногих, кто сумел разглядеть такие черты ее характера, как инфантильность и желание переложить на кого-нибудь ответственность. А он не готов был слушаться вместе с ней ее отца и священника и не готов был стать для нее новым отцом и все за нее решать. Значит, надо было расставаться.

Глава VII. На вершине успеха

28. «Деревенская девушка»

> Если я не смогу сниматься в этом фильме, я сяду на поезд и никогда больше не вернусь. *Я* перестану сниматься в кино.

А тем временем Уильям Перлберг и Джордж Ситон готовились к съемкам фильма «Деревенская девушка». Пьеса, по которой был написан сценарий, была бродвейским хитом, и все были уверены, что фильм тоже будет иметь большой успех.

Сюжет пьесы с виду прост, но к концу становится все более запутанным, и герои предстают перед зрителями чуть ли не полной противоположностью тому, какими они кажутся поначалу. Театральный режиссер решает пригласить на главную роль в новом мюзикле актера Фрэнка Элджина — некогда знаменитого, но уже давно вышедшего в тираж и почти спившегося. Продюсер против, режиссер настаивает, а сам Фрэнк пассивно плывет по течению, предоставляя все решать за себя Джорджии — своей жене.

В конце концов режиссер уговаривает и продюсера, и Джорджию, но работа идет не слишком гладко, поскольку Фрэнк лишь при жене ведет себя паинькой, авее отсутствие пьет и жалуется на ее диктат. Режиссеру не нравится жесткая и сухая Джорджия, контролирующая каждый шаг мужа, он уверен, что это она погубила карьеру Фрэнка, и пытается вырвать его из-под ее диктата. Но не все так просто — выясняется, что спиваться тот стал после того, как по его вине погиб сын, а Джорджия не только смогла найти в себе силы жить после такой трагедии, но и всю жизнь положила на то, чтобы не дать мужу умереть от пьянства и угрызений совести.

На роль Фрэнка практически сразу утвердили одного из самых знаменитых американских певцов, звезду сцены и музыкального кино Бинга Кросби. Тем более что ему персонаж был очень близок — он сам страдал от запоев и мук совести, поскольку бросил больную жену умирать от рака в одиночестве.

Правда, его брак к тому времени уже практически развалился, но он понимал, что все равно поступил крайне непорядочно и трусливо.

А вот вокруг роли Джорджии развернулось настоящее сражение. Победила Дженнифер Джонс — жена одного из самых влиятельных продюсеров Голливуда, Дэвида Селзника. Но за несколько недель до съемок выяснилось, что она беременна,

поэтому пришлось срочно искать другую актрису. «Мы с Джорджем даже не подумали рвать на себе волосы, — рассказывал Уильям Перлберг, — а просто посмотрели друг на друга. Нам обоим одновременно пришло в голову одно и то же имя — Грейс Келли».

Но они работали на «Парамаунт», а Грейс была по-прежнему связана контрактом с «Метро-Голдвин-Майер». Те охотно сдавали ее напрокат, пока она была начинающей актрисой, но теперь, посмотрев черновую копию «Окна во двор», решили, что такими звездами не разбрасываются, и заявили, что будут снимать ее сами.

Но Перлберг и Ситон сдаваться не собирались и тайком передали Грейс сценарий для ознакомления. Она прочитала его, сравнила с тем, что присылали с «Метро-Голдвин-Майер», и страшно разозлилась. Студийные боссы подсовывали ей сценарии каких-то низкопробных боевичков, тогда как на «Парамаунт» ей предлагали сыграть серьезную роль, одну из тех, о которых она безуспешно мечтала, когда пыталась стать театральной актрисой. «Мне непременно нужно было заполучить роль в «Деревенской девушке», — рассказывала она потом. — Для меня это означало настоящую актерскую работу».

В конце концов руководство «Метро-Голдвин-Майер» сдалось и согласилось на компромисс: «Парамаунт» платит за аренду актрисы пятьдесят тысяч долларов, Грейс играет в «Деревенской девушке», но потом она снимается в одном из предлагавшихся ей боевиков.

Эта роль стала для Грейс вызовом, проверкой ее актерского таланта. Если прежде она всегда играла саму себя, то невзрачная, немодно одетая, неулыбчивая, унылая, но очень волевая Джорджия была фактически ее полной противоположностью. Художница по костюмам перебрала десятки свитеров, чтобы выбрать самый страшненький и немодный, парикмахер изуродовал Грейс унылой прической, и вдобавок на нее напялили тяжелые очки. Эффект был потрясающий — узнать в этой блеклой усталой женщине аристократичную красавицу и модницу Грейс Келли было очень сложно.

Но мало было измениться внешне, надо было еще и сыграть нужные эмоции. И Грейс это удалось. Уроки Мейснера прошли не зря, в глазах ее героини была такая тоскливая обреченность, что сжимались сердца не только обычных зрителей, но и профессионалов. За роль Джорджии Грейс вновь выдвинули на «Оскара», и на этот раз никто не мог бы сказать, что это недостаточно заслуженно.

При этом надо сказать, что съемки проходили для нее

достаточно сложно из-за специфической ситуации на съемочной площадке. Бинг Кросби, игравший роль Фрэнка, влюбился в нее, да и она была в общем-то не против ответить на его чувства. Тем более что он был католиком и вдовцом, поэтому в кои-то веки семья не была против ее романа. Но по иронии судьбы вторую мужскую роль там играл не кто иной, как Уильям Холден, которого Грейс все еще не могла забыть.

Холден, правда, не стремился продолжать отношения, и когда Кросби признался, что влюблен, и спросил, не соперники ли они, он благородно отошел в сторону, предоставив тому ухаживать за Грейс безо всякой конкуренции.

«Бинг был от нее без ума, — рассказывала Лизанна. — Он совершенно потерял голову». И заметила это не только младшая сестричка. Вскоре вся пресса трубила об их романе, благо оба были свободны, а значит, не нарушали требования морали. Маргарет Келли лично прилетела в Голливуд, познакомилась с Кросби и одобрила его кандидатуру, все ждали свадьбу. вот только Грейс забыли спросить, хочет ли она за него замуж.

А она не хотела. Что поделать, в Бинга Кросби она так и не влюбилась. Возможно, сказалось присутствие еще не забытого Холдена, а может быть, просто была не судьба.

Как бы то ни было, но сразу после окончания съемок «Деревенской девушки» Грейс рассталась с Бингом Кросби. Причем впоследствии она всегда отрицала, что между ними было что-либо, кроме платонического романа. Кросби же делал вид, что не особо расстроен, а на вопросы журналистов отвечал: «Будь я на пятнадцать-шестнадцать лет моложе, я с удовольствием встал бы в длинную очередь мужчин, соревнующихся за ее благосклонность». Насколько искренним он был? Трудно сказать, но когда в 1977 году он умер, его жена, на которой он женился через три года после съемок в «Деревенской девушке», обратилась к Грейс с просьбой почтить его память в посвященной ему телепрограмме, поскольку, по ее словам, Кросби так и продолжал любить только ее.

Ну а в 1954 году, закончив работу на «Парамаунт», Грейс вынуждена была выполнить свои обязательства перед «Метро-Голдвин-Майер». Из предлагавшихся ей сценариев она выбрала самый приемлемый — «Зеленое пламя» — приключения в джунглях Колумбии со звездным красавцем Стюартом Грейнджером в качестве партнера. «Кошмарное путешествие, — вспоминала она впоследствии, — мы таскались по жаре и пыли, и никто толком не знал, что и как надо делать». Не понравился ей и Грейнджер, которого она назвала самым заносчивым типом, какого она когда-либо встречала.

Последней каплей стал рекламный постер фильма, на котором ей умудрились пририсовать огромный бюст. После этого Грейс дала себе зарок, что ни за что больше не согласится на участие в таком вульгарном проекте, и решилась даже пойти на открытый конфликт с «Метро-Голдвин-Майер». Тем более что «Парамаунт» как раз предложил ей новый многообещающий проект — главную роль в следующем фильме Хичкока «Поймать вора».

Любопытно, но попасть в эту картину ей в конце концов помог Уильям Холден — «Метро-Голдвин-Майер» очень хотели заполучить его в свой следующий фильм и после долгих переговоров согласились обменять Грейс на него. Правда, «Парамаунту» пришлось еще доплатить им пятьдесят тысяч долларов.

29. Олег Кассини

> Если история моей реальной жизни будет когда-нибудь рассказана, люди поймут, что я была живым существом, а не сказочным персонажем.

Полтора года, прошедшие со съемок в «Могамбо», были для Грейс очень насыщенными как в плане работы, так и в том, что касалось личной жизни. Омон, Милланд, Холден, Кросби — пожалуй, она влюблялась слишком часто и слишком неудачно и сама уже стала от этого уставать. Возможно поэтому еще одному ее поклоннику, появившемуся в то время на горизонте, был сразу дан от ворот поворот. «Олег, у меня для вас есть два небольших сюрприза, — заявила Грейс без обиняков, — во-первых, я уже влюблена в другого, а во-вторых, завтра я вылетаю в Калифорнию».

Но поклонника это не обескуражило. Он был опытен в делах любви, умел ждать и был занят не меньше, чем Грейс, поэтому не стал настаивать, но для себя решил, что его время еще придет. И он оказался прав: фильм «Поймать вора» Хичкок собирался снимать во Франции, а значит, сама судьба была за то, чтобы

Грейс улетела подальше от своих американских любовных неудач и попала прямо в объятия терпеливого воздыхателя.

Звали его Олег Кассини-Лойевски, и был он на редкость примечательной личностью, в том числе и по происхождению. Его отец, Александр Лоевский, был русским дипломатом, бежавшим после революции в Европу и после длительных скитаний обосновавшимся во Флоренции. Что касается матери, Маргариты Кассини, то она. тоже была русской, несмотря на итальянскую фамилию. Ее прадед, граф Виктор Иванович Кассини, был итальянцем, поступившим в 1790 году на русскую службу. С тех пор род Кассини верой и правдой служил русским царям, в том числе и на дипломатическом поприще — отец Маргариты, Артур Павлович, был русским послом в США, Китае и Испании.

Олег Кассини рос в Греции и Италии, получил образование в Париже, работал в США — можно сказать, он был гражданином мира, а следовательно обладал гибкостью, широтой взглядов и умением видеть то, что другим было не под силу. К моменту знакомства с Грейс он уже был достаточно известным модельером, работал дизайнером на киностудиях «Парамаунт» и «Двадцатый век Фокс», хотя его самая громкая слава была еще впереди — в начале 60-х ему предстояло прогреметь на весь мир,

став официальным модельером самой стильной женщины Америки, Жаклин Кеннеди.

Что касается личной жизни, то он, как и большинство прежних ухажеров Грейс, был разведен, причем дважды. Его первый брак распался еще в 1940 году, а вот со второй женой, знаменитой актрисой Джин Тирни (кстати, именно она должна была играть в «Могамбо», но заболела, и роль отдали Грейс), он развелся в 1952 году после нескольких лет раздельного проживания. Джин во время беременности переболела краснухой, и родившаяся у них в 1943 году дочь Антуанетта Дарья оказалась слепой, глухой и умственно отсталой. После этого брак дал трещину, и хотя Олег и Джин еще какое-то время пытались его спасти, через несколько лет развалился окончательно. Эту трагическую историю с Антуанеттой Агата Кристи взяла за основу детективной интриги своего романа «И в трещинах зеркальный круг».

Но к 1953 году все эти события были далеко в прошлом, и Олег был готов снова влюбиться. Грейс он впервые увидел на киноэкране в Нью-Йорке, когда она еще только-только выходила в звезды. «Я влюбился в нее, увидев в «Могамбо», — вспоминал он. — В ней сочеталось все, о чем я мечтал: красота, чистота, воздушность ив то же время сексуальность». И надо же было такому случиться, что сразу после киносеанса он пошел в ресторан и увидел за одним из столиков своего старого знакомого Жана-Пьера Омона, а рядом с ним — белокурую девушку из африканской саванны, которой он только что любовался в кино.

«Я не стал говорить ей, что только что видел ее в «Могамбо», или же признаваться, что мне известно, кто она такая, — рассказывал он. — Я чувствовал, что лобовая атака здесь была бы просто неуместна. Мне хотелось очаровать ее, сделать так, чтобы у нее обо мне сложилось приятное впечатление».

Но Грейс отнеслась к нему пусть любезно, но равнодушно. Ей сейчас было не до новых воздыхателей. Однако Олег не собирался отступать. «Требовалась программа действий, романтичная, даже немного глупая, чтобы растопить ее внешнюю холодность», — вспоминал он. Ему пришлось начать планомерную осаду: он посылал цветы, подписываясь «Любящий вас Садовник», а потом, когда ее квартира уже была завалена цветами, позвонил и пригласил на ленч.

Грейс согласилась, но уже на второе свидание взяла с собой Пегги, чтобы продемонстрировать, что не собирается переводить приятельские отношения во что-то более серьезное. Олега было такими уловками не запугать. «Я любил женщин, — писал он о

себе в мемуарах. — Я любил, как они выглядят, любил их телодвижения. Я никогда не потеряю к ним интереса, я буду всегда угождать им». Он был уверен, что добьется своего.

Не обескуражило его и то, что на третьем свидании Грейс сказала, что влюблена в другого. Этим другим, видимо, был Рэй Милланд, с которым у нее тогда как раз начался роман. Но Олег был уверен, что когда кого-то любят по-настоящему, с другим на свидания не ходят. Значит, надо просто подождать, пока эта влюбленность пройдет.

Следующие несколько месяцев они общались от случая к случаю, перезванивались, а во время съемок «Деревенской девушки» периодически ходили куда-нибудь вместе. Олег помогал Грейс отвлечься от ощущения горького разочарования, оставшегося у нее после неудачных романов с Милландом и Холденом. И вот наконец его терпение увенчалось успехом: перед отъездом во Францию на съемки «Поймать вора» Грейс отправила ему открытку с надписью: «Кто любит меня, тот последует за мной».

30. «Поймать вора»

> Я закончила съемки «Зеленого пламени» в одиннадцать утра. В час я уже была в студии звукооператора, а в шесть вылетела во Францию.

На съемки картины «Поймать вора» Грейс ехала воодушевленная и готовая к работе. После тяжелой драматической «Деревенской девушки» и безвкусного «Зеленого пламени» вновь перевоплотиться в изысканную, сдержанную и пылкую девушку-фантазию Хичкока для нее было настоящим праздником.

Ее героиня, Фрэнсис Стивенс, была чем-то вроде новой, более авантюрной версии Лайзы Фремонт из «Окна во двор». Богатая, страстная, капризная, влюбленная в приключения и, конечно, в искателя приключений, Фрэнсис Стивенс была именно той женщиной, какой сейчас хотела чувствовать себя сама Грейс. Да и весь фильм с его яркими красками, головокружительными гонками по горному серпантину и карабканьем по крышам полностью отвечал ее настроению. Разочарования и депрессии были позади, Грейс Келли снова хотела любить и радоваться жизни.

Сюжет фильма прост и сложен одновременно, как это всегда бывает у Хичкока. Главный герой — бывший знаменитый вор, а потом герой Сопротивления Джон Роби, сыгранный блистательным Кэри Грантом, — мирно живет на Лазурном Берегу, как вдруг там вновь начинают происходить кражи, и он сразу становится главным подозреваемым. Богатая красавица Фрэнсис, у матери которой тоже пропали драгоценности, буквально разрывается на части: с одной стороны, ей очень нравится Джон и она хочет ему помочь, а с другой — ей интересно самой поймать его с поличным. На их романе-противостоянии и строится большая часть фильма.

Двойственность, загадочность и даже некоторая двуличность Фрэнсис были показаны Грейс абсолютно органично, причем так, что ее героиня вызывает у зрителя не неприязнь, а любопытство и желание разгадать, какова же ее истинная сущность.

Хичкок, словно чувствуя, что это его последняя работа с Грейс, выжимал из нее все, на что она была способна. В том числе и в плане льда и пламени ее сексуальности, скрытой за холодным аристократическим обликом. Фрэнсис появляется на экране как сдержанная элегантная леди, ни словом, ни жестом не выходящая

за рамки приличий. Но прощаясь с Джеком Роби, она вдруг делает шаг вперед, пылко целует его и уходит, оставляя его стоять в растерянности. Хичкок ни на шаг не вышел за рамки кодекса Хейса, но у зрителей в этот момент буквально перехватывало дыхание. Чего он, собственно, и добивался. «Впечатление было такое, — довольно рассказывал он об этом эпизоде, — словно она расстегнула Кэри ширинку на брюках».

Такой скрытой сексуальностью пропитаны все совместные сцены Грейс Келли и Кэри Гранта. Двусмысленные диалоги, огненные взгляды, прикосновения, намеки и, наконец, такие поцелуи, которые потом долго возмущали американских ханжей, — все это было тщательно продумано Хичкоком и блестяще сыграно актерами. В этом фильме очень много сцен, которые производят впечатление хождения по тонкой грани: шаг в сторону — и можно сорваться в пошлость, безвкусицу или неприкрытую эротику, но талант всех троих позволил удержаться на этой грани, и фильм получился удивительно элегантным и красивым.

Впрочем, критиковали Грейс после этого фильма не менее рьяно, чем восхищались. Роль Фрэнсис окончательно сделала ее секс-символом, что не могло не раздражать блюстителей нравственности. Но Хичкока это только радовало — он хотел создать образ, вызывающий нескромные фантазии при внешней благопристойности, и у него это получилось. Он еще и сам подогревал обсуждения, рассказывая в интервью, например, что если сложить все дубли, то в общей сложности Кэри Грант и Грейс Келли целовались на съемках более двадцати часов.

Но что касается Гранта, то он в отличие от режиссера в интервью больше внимания уделял не сексуальности Грейс, а ее актерским способностям. «Грейс играла в том же стиле, в каком Джонни Вайсмюллер плавал, а Фред Астер танцевал», — говорил он, и эта была серьезная похвала, ведь он сравнил ее с олимпийским чемпионом по плаванию и лучшим танцором Америки.

К тому же он, уже немало натерпевшийся от скандальных голливудских звездочек, был поражен профессионализмом Грейс и четкостью ее работы. «У нас был один эпизод, где я должен был с силой схватить ее за руки, а она — отбиваться, — рассказывал он. — Мы сделали уже восемь или девять дублей, но Хичкок требовал еще и еще. Грейс вернулась за дверь, откуда начинался эпизод, и я совершенно случайно заметил, как она массирует руки, морщась от боли. Но уже секунду спустя она вышла из-за двери и снова сыграла сцену без единой жалобы».

Пожалуй, никогда еще Грейс не получала такого

удовольствия от процесса работы над фильмом. Идеальным было все — роль, режиссер, партнер, место съемок, атмосфера на площадке и времяпрепровождение на отдыхе. Они с Хичкоком отлично понимали и ценили друг друга, причем не только на работе, но и вне ее. Партнер Грейс по фильму Кэри Грант, заслуженно считающийся одним из трех величайших актеров США, тоже оказался в жизни веселым и обаятельным человеком, без малейших признаков «звездной болезни».

В другой ситуации Грейс наверняка бы влюбилась в Гранта, что могло бы стать очередным разочарованием, ведь он в то время был счастливо женат на Бетси Дрейк. Но все сложилось как нельзя удачнее — у нее был Кассини, у Гранта — Бетси, сопровождавшая его на съемках, Хичкок тоже был с женой, и в итоге они все вшестером прекрасно проводили время вместе, катаясь по живописным окрестностям и обедая в шикарных ресторанах.

Пожалуй, такой свободной и веселой Грейс себя не чувствовала со времен съемок в «Могамбо». Но была и разница. Хотя с тех пор прошло всего полтора года, она уже была не юной дебютанткой, впервые вырвавшейся из-под родительского присмотра, а опытным профессионалом своего дела и взрослой женщиной. Ей уже не нужно было попробовать всего и побольше, пока мама с папой не видят, теперь она могла просто расслабиться и отдыхать.

Грейс очень нравилась южная Франция с таким синим небом, не менее синим морем, пышной природой и живописными деревушками, разбросанными на побережье и у подножий гор. Правда, во время съемок она умудрилась чуть не сорваться в машине с утеса, но поскольку все обошлось благополучно, этот эпизод был благополучно забыт. почти на тридцать лет.

Во время съемок некоторых сцен в Монако Грейс восхитилась прекрасными садами, укрытыми за высокими стенами, но хорошо видными с соседних холмов. Ей сказали, что хозяин этих садов — князь Монако, и охарактеризовали его как «зануду, каких свет не видывал».

31. Помолвка с Олегом Кассини

Я сейчас с тем человеком, который значит для меня все на свете. И нет никого, с кем бы мне сейчас хотелось бы говорить.

Олег Кассини прибыл во Францию следом за Грейс и возобновил ухаживания с новым пылом, тем более что теперь она принимала их куда благосклоннее. Правда, принимать-то принимала, но сама отвечать не спешила; вспоминая эти дни, Олег вздыхал: «Наши отношения были до обидного платоническими!»

В конце концов он решил действовать прямо, все-таки он был уже далеко не мальчик, чтобы годами обхаживать понравившуюся девушку. Он и так потратил на нее несколько месяцев, ничего не получая взамен. Собственно примерно так он ей и сказал, когда они отправились на пикник перед началом съемок. Напомнил, сколько времени уже преданно любит ее, и предложил прекратить игры и ответить либо да, либо нет.

«Она промолчала, — вспоминал он, — но посмотрела на меня так, что я понял — это победа!» С пикника они отправились в отель, где Грейс наконец-то вознаградила его за месяцы ожидания. «Казалось, мы парили, околдованные силой наших ощущений, — рассказывал Олег много позже, вспоминая этот день. — От нее пахло гортензиями — экзотический и одновременно чистейший из ароматов. В ней было нечто от нежного бледного перламутра, вся она лучилась свежестью и утонченностью: ее кожа, ее духи, ее волосы. *Я* был на седьмом небе от счастья, ощущая лишь чарующую прелесть этих мгновений».

Роман с Олегом Кассини отличался от всех прежних увлечений Грейс, и не только потому, что он не принадлежал к миру театра и кино. Несмотря на то, что он был моложе некоторых ее прежних возлюбленных, он был серьезнее и основательнее их. В нем не было того инфантилизма, которым отличаются многие люди искусства, он знал себе цену и умел завоевывать уважение. Ив то же время он сумел во многом стать для Грейс таким «отцом», какого она искала: он баловал ее, провоцировал на озорство, наряжал (как модельер он создал для нее несколько эксклюзивных нарядов), развлекал и опекал.

И однажды вечером Грейс решилась и заговорила с ним так же прямо, как несколько недель назад он с ней. «Мне бы хотелось

устроить свою жизнь с тобой, — сказала она. — *Я* хочу за тебя замуж». За плечами Олега были два не слишком счастливых брака, поэтому он не так стремился снова жениться, но он прекрасно понимал, что в такой ситуации колебаться нельзя, и сразу ответил: «Хоть сейчас».

Но одно дело решить, а другое — претворить это решение в жизнь. Грейс, конечно, строила планы, обсуждала будущее торжество и платье, но чем ближе было окончание съемок, тем меньше у нее было энтузиазма. «Я хочу сразу же написать домой, чтобы поставить всех в известность, — неуверенно говорила она. — Мама будет на моей стороне, вот увидишь. Правда, с отцом могут возникнуть трудности. Ты не совсем в его вкусе.»

Да уж, Олег Кассини был точно не во вкусе Джека Келли. Когда тот услышал о помолвке дочери, то пришел в ярость, и жене с трудом удалось его успокоить. Для него преуспевающий модельер аристократического происхождения был «жалким итальяшкой» (фамилия у него была итальянская, а глубже Джек вникать не желал), «женским портным» и проходимцем. К тому же Олег был православным, ну и наконец, дважды разведенным. Когда Грейс только заикнулась о том, чтобы привезти его познакомиться, ни отец, ни брат об этом и слышать не желали.

Правда, она оказалась права в своих надеждах на мать. Маргарет тоже не одобряла ее выбор, но если Джек Келли с возрастом становился все более узколобым и упрямым, то она, наоборот, училась гибкости и широте взглядов. Возможно, этому помогли ее поездки с целью урезонивать блудную дочь — она лучше знала, в каком мире та живет и какие люди там ценятся.

На совместном обеде Маргарет напрямик сказала ему, что в его жизни было слишком много женщин и он дважды разведен, а потом добавила: «Мистер Кассини, вы очаровательный кавалер, но, на мой взгляд, выйти за вас замуж было бы неоправданным риском. Мы полагаем, что Грейс обязана во имя себя самой, во имя ее семьи и чести нашего прихода пересмотреть свое решение». Олег Кассини за словом в карман не лез, даиобих семье уже кое-что знал, поэтому вежливо объяснил, что с бывшими женами и детьми сохранил хорошие отношения, ну а что касается женщин. «Интересные мужчины, в том числе и ваш собственный супруг, всегда пользуются популярностью у противоположного пола. За что же меня наказывать?»

Маргарет оценила его настойчивость и поняла, что так просто от этого претендента на Грейс не избавиться. Поэтому она выдвинула требование — шестимесячный испытательный срок. «Нам кажется, вам не следует видеться друг с другом на протяжении этого времени, — сказала она. — И тогда Грейс

разберется, в чем тут дело: виновата ли Европа, ваши чары или ваши настойчивые домогательства».

Олег рассчитывал, что Грейс вмешается, возразит матери, но она молчала, и ему тоже ничего не оставалось, как согласиться. Правда, через несколько дней она пригласила его сопроводить ее на конкурс «Мисс Америка», куда она была приглашена в качестве почетной гостьи. А потом он должен был переночевать у ее родителей. Кассини согласился, хотя и не ожидал от этой встречи ничего хорошего. Но Грейс убедила его, что мать помогла ей повлиять на отца и тот согласился с ним познакомиться.

Убедила Джека действительно Маргарет — поначалу тот и слышать не хотел о том, чтобы Олег Кассини переступил порог его дома. Да и когда тот явился, ни он, ни Келл не сказали ему ни слова, демонстративно игнорируя гостя, чтобы показать ему свое презрение. Но по правде говоря, сразило Олега вовсе не это. Несколько лет назад он уже проходил через подобное — семья его второй жены, Джин Тирни, тоже приняла его в штыки. Но тогда Джин встала на его защиту и отстояла свое право самой выбирать себе мужа. Грейс же сидела молча, опустив глаза, и не смела сказать ни слова.

Немного взбодрило его только то, что в Нью-Йорке она сразу же стала прежней и объяснила ему, что придется изображать, будто они не видятся, чтобы родители поверили в ее подчинение, но на деле их отношения останутся прежними. Что поделать, притворство давно уже стало частью ее натуры. Олегу оставалось лишь согласиться, и ближайшие недели они провели вместе, стараясь только не попадаться на глаза журналистам. Правда, это было довольно сложно — на экраны уже вышло «Окно во двор», и Грейс была желанной добычей для любого фоторепортера.

Через некоторое время она уехала в Голливуд, заканчивать работу над картиной «Поймать вора», и там, вдали от родителей, вновь стала посмелее, поэтому заговорила о том, чтобы все-таки пожениться без разрешения. С ее стороны это была неслыханная смелость, и Олег оценил это по достоинству. Поскольку он не был особо религиозен, он решил перейти в католичество и тем самым убрать хотя бы две причины для неприязни со стороны ее отца — религию и два развода.

От свадьбы их отделял только шаг, но. он так и не был сделан. «Мы тянули время, — вздыхал впоследствии Кассини, — ив конце концов момент был упущен». Рассказывая об этом, всегда благородно брал всю вину на себя. Ведь он один раз уже заставил любимую женщину пойти против семьи — Джин ради него бросила вызов родителям и надолго с ними рассорилась. Он хорошо помнил это тяжелое время и не решился настаивать,

чтобы то же самое сделала для него Грейс.

Но конечно, на самом деле виноваты были оба — он побоялся настаивать, а Грейс сама не была способна хоть на какие-то решительные действия. Сказать по правде, она ведь каждого из своих женихов ставила в такое положение: заставляла его пройти через унизительное знакомство с ее семьей, а потом ждала от него, что он сам за нее все решит и поведет ее под венец как-нибудь так, чтобы вся ответственность за это была на нем, а не на ней. Но никто из них, даже Олег Кассини, на это так и не решился.

32. «Оскар»

Я не хочу, чтобы из моего лица делали оформление к картине. Если кому-то придет в голову использовать меня в качестве декорации, я выскажу все, что думаю по этому поводу.

Слава Грейс росла, а вот новых ролей у нее все не было. И дело было не только в том, что она безумно устала, снявшись за два года в семи картинах. Хорошая роль сразу бы ее взбодрила, ведь Грейс всегда была трудоголиком. Но увы — на «Метро-Голдвин-Майер» ей предлагали играть лишь скучных безликих кукол в пошлых вестернах и боевичках вроде «Зеленого пламени», о котором она вспоминала с содроганием.

Определенные надежды у нее были на историко-приключенческий фильм «Квентин Дорвард» по роману Вальтера Скотта, но, прочитав сценарий, она была страшно разочарована. «Все, что от меня потребуется, это без конца переодеваться из одного костюма в другой, делать испуганный вид и оставаться хорошенькой, — рассказывала она. — Там за мной гонятся восемь человек — начиная от старика и кончая цыганским бароном. В сценарии на каждой странице можно найти одну и ту же ремарку: «Она прижимает к груди ларец и убегает».

На киностудии пытались настаивать, но Грейс как никто умела увиливать и пассивно сопротивляться тому, что ей навязывают. Она даже не приехала в Голливуд, предпочитая оставаться в Нью-Йорке и отпускать язвительные замечания по поводу предлагаемых ей ролей. Тогда боссы «Метро-Голдвин-Майер» стали на нее давить и напоминать, что это благодаря им она стала звездой. Но Грейс этим было не пронять, она хорошо помнила и то, что сразу не хотела подписывать с ними контракт, и то, сколько они заработали, сдавая ее в аренду «Парамаунту».

Тогда руководство киностудии пошло на решительный и, как показало ближайшее будущее, очень глупый шаг — они уведомили Грейс, что действие ее контракта временно приостановлено, а это значит, что ей больше не будет выплачиваться жалованье, а любая ее попытка сняться в фильме другой компании повлечет за собой судебный иск.

Грейс такого не ожидала, но по привычке заняла выжидательную позицию, а журналистам, спросившим, что она будет делать, ответила: «Видимо, мне придется повременить с обустройством моей новой квартиры».

Эта тактика была абсолютно верной. В декабре 1954 года на киноэкраны вышла «Деревенская девушка», после которой слава Грейс выросла еще больше. Влиятельный нью-йоркский «Кружок театральных критиков» назвал ее лучшей актрисой 1954 года, а главное — ее выдвинули на «Оскара» за главную женскую роль. Киностудия рисковала оказаться в глупейшем положении, расторгнув контракт со своей самой ценной актрисой.

В итоге 21 марта 1955 годаруководители «Метро-Голдвин-Майер» официально объявили о возобновлении контракта и дали большое интервью, где рассказывали, как они ценят Грейс и как хотят поддержать ее «в этот важный для нее период, когда ее выдвинули на награду Академии». Об отвергнутых ею сценариях было решено просто забыть, другие найдутся. Это была полная победа.

Тем временем она только успевала давать интервью журналистам. Правда, ничего особо интересного они от нее так и не услышали, Грейс была всегда как бы «застегнута на все пуговицы». Но публика находила в этом определенную прелесть, и пресса радостно начала раскручивать образ истинной леди — сдержанной и отстраненной.

Зато те, кто догадался обратиться за интервью к родным Грейс, получили интересный материал, услышав, что семья до сих пор не слишком одобряет ее выбор профессии. Джек резко отозвался о киношниках вообще, ну а Келл прошелся по мужчинам, которых выбирала его сестра. «Скажу честно, — заявил он, — яне одобряю тех хлюпиков, с которыми она там якшается. Уж лучше бы ей познакомиться с кем-то более спортивным. Но она совершенно не прислушивается к моему мнению».

Наконец настал великий час торжества — 30 марта 1955 Грейс получила «Оскара», обойдя таких актрис, как Одри Хепберн (за фильм «Сабрина») и Джуди Гарленд (за фильм «И родилась звезда»).

Сказать по правде, роль в «Деревенской девушке» у Грейс не самая лучшая. Но так уж получилось, что «Оскара» ей вручили именно за нее, хотя фактически это было признанием ее заслуг в целом. Это до сих пор довольно распространенная практика в Голливуде — когда актера или режиссера раз за разом «прокатывают» с наградой, а потом вручают ее за какой-нибудь не самый удачный фильм, просто потому что он эту награду давно заслужил. Так было и с Грейс — этого «Оскара» ей дали за «Окно во двор», «В случае убийства набирайте М» и даже за «Поймать вора», ведь некоторые критики уже видели черновой вариант картины.

Грейс расплакалась на церемонии, потом отправилась на банкет, потом на другой и вернулась домой только под утро. Но еще до всех празднований, сразу после торжественной церемонии, она сняла трубку и позвонила. нет, не родителям, которые все равно не нашли бы для нее доброго слова. Она позвонила Дону Ричардсону — человеку, который когда-то первый сказал, что она будет кинозвездой.

Дон как раз закончил смотреть вручение «Оскара», когда зазвонил телефон. Он снял трубку и с изумлением услышал голос Грейс: «Спасибо тебе, дорогой.»

Глава VIII. Монако

33. Передышка

> В моей жизни были счастливые моменты, но *я* не считаю, что счастье — ощущение себя счастливой — это состояние, в котором каждый может пребывать пожизненно. Жизнь устроена иначе.

После получения «Оскара» положение Грейс на голливудском Олимпе стало незыблемым, и она могла больше не опасаться, что ее заставят играть в какой-нибудь ерунде. Но увы, хороших сценариев ей на «Метро-Голдвин-Майер» по-прежнему не предлагали, а сниматься у других кинокомпаний не отпускали ни за какие деньги. Поэтому так и получилось, что на пике своей славы Грейс оказалась в годовом творческом простое.

Впрочем, особо скучать ей было некогда — как и положено настоящей звезде, она разрывалась между фотосессиями, светскими мероприятиями и фестивалями, которые обязана была посещать, даже если ей этого совсем не хотелось.

Именно в это время она познакомилась с человеком, которому предстояло сыграть важную роль в ее жизни — фотографом Хауэллом Конантом. Нет, он не был ее очередной любовью, но. возлюбленные приходили и уходили, а он оставался другом и одним из самых ценных для Грейс людей до самой ее смерти.

Началось их знакомство с того, что весной 1955 года, за несколько недель до вручения «Оскара», журнал «Фотоплей» заказал Конанту сделать портрет Грейс для обложки. Он выполнил то, что они хотели, — сделал великолепное парадное фото актрисы в традиционном стиле этого журнала. Но как художник он остался недоволен. И когда через некоторое время журнал «Коммерс» сделал ему похожий заказ, Конант решил поэкспериментировать и предложил Грейс сфотографировать ее выныривающей из воды.

Эти фотографии стали настоящей сенсацией. Пожалуй, если бы Грейс еще не была звездой, она стала бы таковой после того, как снимки появились на страницах журнала «Коммерс». Конант сумел сделать то, что до этого удавалось только Хичкоку — найти идеальный образ, в котором Грейс казалась зрителю не просто женщиной, а мечтой, богиней грез.

Карьера Конанта после этого резко пошла вверх — первые звезды Голливуда и знаменитейшие политики выстраивались в очередь, чтобы сфотографироваться у него. Но как бы он ни был

занят, его сотрудничество с Грейс продолжалось до самой ее гибели в 1982 году — все лучшие ее снимки сделаны именно им.

Вскоре после этой фотосессии Грейс отправилась во Францию на Каннский фестиваль в качестве приглашенной звезды. Ехала она туда с достаточно тяжелым чувством — еще слишком живы были воспоминания о романе с Олегом Кассини, начавшемся именно там, на юге Франции. Но в Каннах ее ждала неожиданная приятная встреча — там в это же время находился ее старый друг-возлюбленный Жан-Пьер Омон, который уже когда-то утешил ее после расставания с Кларком Гейблом и был готов снова помочь ей залечить сердечные раны.

«Я нашел ее за обедом, — вспоминал Омон. — Там было полным-полно важных особ. Но мне было все равно. Я был просто околдован. Она ужасно обрадовалась мне — так же, как и я ей. У меня было такое ощущение, будто мы встретились и влюбились друг в друга впервые в жизни». Это был спокойный и тихий роман, без бурных страстей и серьезных обязательств — именно то, что сейчас было нужно Грейс.

Она решила задержаться в Каннах, отдохнуть и подумать о будущем. Но даже там она была все равно в некотором роде на работе, поэтому не было ничего удивительного, что в один прекрасный день у нее оказалась назначена фотосессия с князем Монако для одного из крупных кинематографических журналов. Нельзя сказать, чтобы Грейс так уж рвалась на эту встречу. У нее и без того было много дел, да еще к тому же в тот день была забастовка рабочих электросетей, а она не знала, вымыла голову и только потом обнаружила, что фен не работает. Поэтому ей пришлось ехать с мокрой головой и в единственном выглаженном платье, которое нашлось в шкафу. «В конце концов, — утешила она себя, — эти фотографии больше никто не увидит».

По пути их машина умудрилась угодить в небольшую аварию, а во дворце пришлось еще целый час ждать князя Ренье, занятого с другими гостями. Впрочем, когда он наконец явился, Грей он даже понравился своей вежливостью, безупречным произношением и тем, как он, показывая ей зверинец, гладил тигра, как домашнюю кошку. Князь в свою очередь был очарован ее красотой, но и только. В тот день ни он, ни она не собирались как-то продолжать это знакомство.

Грейс возвращалась в США, занятая мыслями о возобновившемся романе с Омоном. Может быть, это судьба, раз спустя столько времени они вновь встретились, и их чувства вспыхнули снова? К тому же дома у нее были большие перемены — отец дал согласие на брак Лизанны с евреем — Дональдом Левиным, с которым та встречалась еще со времен учебы в

колледже. Значит, у него не могло быть причин для возражений против ее брака с Омоном, который тоже был евреем. «Мы с Грейс дали друг другу слово, — вспоминал эти дни Жан-Пьер Омон. — Наша помолвка была неофициальной, но мы были душой и телом преданы друг другу. Мы думали, что вскоре поженимся».

Но стоило им приехать в США, как романтический флер развеялся и они оказались перед не слишком приятной действительностью. Выбор Грейс не понравился не только родителям, но и студии, и зрителям тоже. Американцы всегда с неприязнью относились к иностранцам и были возмущены тем, что их звезда выбрала себе какого-то француза. К тому же Омон был занят на съемках, в Америку сумел приехать только через несколько месяцев, и. как в случае с Кассини, время было упущено. Грейс уже растеряла всю решительность и вновь предпочитала плыть по течению.

34. Принц и принцесса

> *Я* любила играть. Любила работать в театре и сниматься в кино. Мне не нравилось быть только кинозвездой. Это большая разница.

Как это ни удивительно, но короткая встреча Грейс с князем Монако не стала лишь мимолетным эпизодом в жизни обоих, а имела последствия, причем достаточно неожиданные для них обоих.

Дело в том, что Грейс спустя несколько дней написала князю письмо, где благодарила за приятную встречу. Ренье вежливо и доброжелательно ответил, поскольку на него произвели впечатление и ослепительная красота Грейс, и ее хорошие манеры, и эта неожиданная вежливость. Он был наслышан о капризах и безобразном поведении голливудских звезд, готовился к худшему, и контраст между ожидаемым и увиденным его приятно поразил. *«Я* был приятно удивлен, — рассказывал он впоследствии, — поскольку находился под впечатлением увиденного в кино или прочитанного, а все оказалось совершенно не так, как я ожидал».

Грейс вежливо ответила на его письмо, он ответил на ее, так они сами и не заметили, как между ними завязалась довольно оживленная дружеская переписка. И если Грейс очаровала князя еще при встрече, то он произвел на нее впечатление именно пока они переписывались. В личном общении он казался слишком сухим и сдержанным из-за некоторой застенчивости, усиленной оковами этикета. А вот в письмах раскрывался как остроумный, эрудированный и дружелюбный собеседник. Неудивительно, что через несколько месяцев они были уже почти друзьями, хоть и виделись всего один раз в жизни.

А тем временем в «Метро-Голдвин-Майер» наконец-то нашли для Грейс роль, на которую та согласилась. Причем вполне вероятно, что ее к этому подтолкнула именно переписка с князем, потому что ничего особо примечательного ни в самом фильме «Лебедь», ни в ее героине Александре не было, если не считать того, что Грейс предстояло сыграть невесту принца, выбирающую между любовью и долгом. Сценарий страдал многословностью и был довольно скучным, но он очень перекликался с ее собственными мыслями.

Возможно, она уже что-то знала о том, что князю Ренье подыскивают невесту, и мысленно примеряла на себя эту роль.

Стать настоящей принцессой? Почему бы и нет? Она не слишком держалась за актерскую карьеру. Да, когда-то она приложила много сил, чтобы стать актрисой, но это было давно, с тех пор она уже достигла всего, что только можно в своей профессии — стала звездой, сыграла у великого режиссера, получила «Оскара». Грейс чувствовала, что достигла потолка как актриса, дальше будет только путь вниз. К тому же она давно хотела замуж, а в последнее время стала с завистью поглядывать на подруг, за последние два-три года обзаведшихся детьми.

Впрочем, даже если она об этом и думала, то уж точно никому не говорила.

Даже наоборот, когда ее монакскую фотосессию увидели в США и пошли слухи о ее романе с князем, Грейс это рьяно отрицала и клялась, что перекинулась с ним лишь несколькими словами и больше ни разу не виделась. Что в общем-то было чистой правдой. О переписке она не сказала ни слова, и Ренье по достоинству оценил ее сдержанность.

После окончания съемок в «Лебеде» Грейс узнала, что князь собирается посетить США, среди других городов заедет и в Филадельфию, а там непременно заглянет к ней с неофициальным дружеским визитом.

Ренье действительно подыскивал себе супругу. Ему же исполнилось тридцать два года, и он был обязан произвести на свет наследника, иначе династия бы прервалась и статус Монако сильно пошатнулся бы. Конечно, в Европе как всегда хватало незамужних принцесс и прочих девиц аристократических кровей. Но ситуация была такова, что сейчас Монако требовалась отнюдь не принцесса, а звезда.

К середине XX века популярность Монако у туристов, желающих проиграть там свои состояния, значительно упала, и княжество испытывало серьезные финансовые трудности. Известный продюсер и любовник Греты Грабо Джордж Шлее (кстати, бывший белый офицер) рассказывал, что миллионеру Аристотелю Онассису, который активно вкладывал деньги в монакские казино и фактически владел половиной княжества, пришла в голову мысль, что Ренье надо жениться на какой-нибудь мировой знаменитости, желательно кинозвезде. Такая «звездная» княгиня могла бы вновь привлечь в Монако разбежавшуюся по другим курортам публику.

Шлее посоветовался с Гарднером Каулесом, издателем журнала «Лук», и тот предложил кандидатуру Мэрилин Монро. «Когда я сказал об этом Мэрилин, — рассказывал Каулес, — она ответила, что идея ей нравится, но загвоздка в том, что она даже не знает, где находится Монако. Еще она добавила, что была бы

рада познакомиться с принцем».

Сам князь оставался в полном неведении о ведущихся за его спиной поисках, но, как оказалось, двигался в том же направлении. Конечно, будучи царствующим принцем и к тому же достаточно привлекательным мужчиной, он никогда не имел недостатка в женщинах, желающих скрасить его одиночество. Но в отличие от Онассиса он руководствовался не только сиюминутными интересами, потому что понимал — ему как князю и доброму католику придется жить с выбранной женой всю жизнь.

«Величайшая трудность заключается для меня в том, — сказал он однажды в порыве искренности, — что не всегда удается завязать с девушкой долгую и близкую дружбу, чтобы выяснить для себя, кто мы — просто любовники или же родственные души». Возможно, будь у них с Грейс обычный роман, из него тоже ничего бы не вышло, но переписка помогла им стать друзьями прежде, чем они задумались о любви и тем более браке.

35. Невеста для принца

> Мне ужасно нравятся его глаза. *Я* могу смотреть в них бесконечно. А какой у него прекрасный голос! Он все то, что я люблю. Я ни за что бы не осмелилась прийти в ресторан, чтобы услышать, как метрдотель обращается к моему мужу: «Мистер Келли».

В качестве катализатора отношений принца Монако и Грейс Келли выступил княжеский капеллан и исповедник отец Такер, с которым Ренье поделился

своими мыслями насчет прекрасной девушки, с которой так легко и приятно переписываться. Тот очень заинтересовался этим знакомством, и поэтому когда летом 1955 года во дворец неожиданно позвонил какой-то американец и сослался на Грейс, отец Такер лично занялся его делом.

Этим нахальным американцем был старый друг семьи Келли, Расс Остин, который вместе с женой отдыхал в Каннах и очень хотел попасть на благотворительный бал, проводимый в Монако Обществом Красного Креста. Оказалось, что все билеты проданы, но Остин вспомнил, что Грейс знакома с самим князем, и безо всякого смущения решил попросить билет прямо у него.

Отец Такер лично привез Остинам два приглашения и подробно расспросил их о Грейс и ее семье. Услышанное ему понравилось и он даже пригласил Расса с супругой на чаепитие к самому князю. А Грейс отправил письмо, в котором писал: «Я хочу поблагодарить Вас за то, что Вы показали князю, что представляет собой американская девушка-католичка, и за то глубочайшее впечатление, какое Вы произвели на него». Он же стал инициатором посещения Филадельфии, чтобы Ренье смог вновь встретиться с Грейс.

Известно, что в США князь ехал уже с намерением присмотреться к ней и, если решит, что не ошибся в своем выборе, сразу сделать предложение. Во всяком случае, он перед отъездом уведомил Францию, под протекторатом которой находилось Монако, что намерен найти себе в Америке невесту. А учитывая, что список кандидаток был невелик и в нем была всего одна голливудская звезда (требования Онассиса со счетов сбрасывать было нельзя), можно быть практически уверенным, что выбор он сделал заранее.

Пресса сделала из этой поездки романтическую историю, напомнив всем, что в случае отсутствия у Ренье наследника

Монако потеряет независимость и станет частью Франции. Это было не совсем так, но зато как красиво звучало! Публика с восторгом следила за принцем, отправляющимся в путешествие, чтобы найти свое счастье и спасти свою страну.

И вот 25 декабря 1955 года князь Ренье в сопровождении духовника, личного врача и супругов Остин нанес визит семье Келли. Встреча прошла, как говорится, в непринужденной дружеской обстановке, чему немало способствовал отец Такер, сразу понравившийся Джеку Келли. «Мой отец с первого взгляда мог распознать священника-ирландца, — рассказывала об этом знакомстве Пегги. — «Отец Такер, — сказал он, — присаживайтесь, и я угощу вас сигарой».

Грейс держалась напряженно и заметно нервничала — она знала о том, что князь приехал в Америку за невестой, и понимала, что это не просто визит, а знакомство с ее семьей. К тому же она и сама в тот момент еще не знала, что ответит на предложение Ренье, если тот все же его сделает. Тот в свою очередь вел себя по-светски непринужденно и совершенно открыто оказывал ей знаки внимания. Было ясно, что он для себя уже все решил.

На следующее утро Грейс и Ренье поехали на загородную прогулку, а когда вернулись, по словам Маргарет Келли, было видно, что когда князь сделает предложение, Грейс его примет — она заметно успокоилась, выглядела радостно, уверенно и явно больше не мучилась сомнениями.

Супруги Келли к тому моменту уже тоже знали о намерениях гостя, причем совершенно точно — отец Такер все им рассказал еще накануне вечером. И хотя Джек продолжал относиться к иностранцам, пусть и титулованным, с подозрением, на всякий случай считая их всех проходимцами (к тому же он слабо представлял себе, что такое Монако и где это находится), но поводов для возражений у него не было — Ренье был католиком, в браке прежде не состоял и занимал высокое положение.

Что же, все формальности были соблюдены, и когда 28 декабря Грейс приехала в Нью-Йорк на урок вокала (она уже подписала договор на участие в еще одном фильме), она сразу позвонила подругам и сообщила им, что выходит замуж. Потом они еще целый день гадали, кто же этот счастливый избранник, а когда Грейс уже при личной встрече назвала имя князя Монако, долго не хотели верить. Впрочем, это вполне объяснимо — они же не знали об их переписке, а представить себе, что за пять дней можно познакомиться, влюбиться и решить пожениться, довольно сложно.

36. Роман века

Я действовала, повинуясь инстинкту. Но с другой стороны, я всегда так поступала. Просто нас свел случай как раз в то время, когда мы оба созрели для брака. В жизни каждого из нас наступает момент, когда надо выбирать.

Новость о том, что князь Монако женится на голливудской звезде Грейс Келли, распространилась по Америке со скоростью света. Уже на следующий день все газеты запестрели статьями и фотографиями, строя самые фантастические предположения о том, как развивался их роман. Всю эту шумиху радостно поддерживали на «Метро-Голдвин-Майер», где сразу поняли, что такая реклама бывает раз в сто лет.

Ренье это не слишком понравилось, он считал, что его личная жизнь — его личное дело, и не собирался пускать репортеров дальше гостиной. Но Джек Келли, лучше представлявший, что такое американская пресса, а главное всегда любивший быть в центре внимания, быстро объяснил ему, что от журналистов все равно не скрыться, а значит надо самим срежиссировать «спектакль» для репортеров и фотографов.

Было устроено два вечера с участием прессы — в Филадельфии в кругу семьи и на благотворительном балу в Нью-Йорке. Ренье это сильно раздражало, и он даже обронил несколько фраз насчет того, что он не собственность «Метро-Голдвин-Майер» и не обязан улыбаться перед их камерами. Впрочем, дальше небольшого ворчания дело не зашло.

А Грейс среди всей этой шумихи нужно было еще уладить кое-какие личные дела, чтобы начать новую жизнь с чистой совестью. Она написала о своей помолвке Джину Лайонзу и Жан-Пьеру Омону, а с Олегом Кассини попрощалась лично.

Встретилась она и с Доном Ричардсоном, с которым даже поделилась своими страхами. «Она сказала, что к ней приходил священник, чтобы обсудить религиозную сторону дела, и что при этом присутствовал врач, который должен был сделать заключение, что Грейс не страдает бесплодием, — рассказывал он много лет спустя. — Она сказала, что ей не избежать гинекологического кресла и связанных с ним разглядываний и ощупываний. Ее беспокоило не столько бесплодие, сколько девственность. Неизвестно, что там хотел разглядеть врач, однако она ужасно волновалась».

Ричардсон посоветовал ей не паниковать и сказать врачу, что случайно «порвалась», занимаясь спортом в школьные годы. Грейс так и сделала, и врач ей поверил. Ну или сделал вид, что поверил, потому что князь, судя по всему, вовсе не питал иллюзий насчет девственности своей избранницы и хотел только соблюдения внешней благопристойности. Он был уверен в серьезности намерений Грейс стать образцовой женой и княгиней. «Я знал с самого начала, что могу доверять княгине, — сказал он в одном из интервью вскоре после свадьбы. — Это было одной из причин, почему я сразу проникся уверенностью, что она — женщина, которую я ищу».

Но если прежние возлюбленные Грейс все поняли и не стали доставлять ей неприятностей, то о родителях того же самого сказать было нельзя. Причем на этот раз источником проблем стал не Джек Келли, который к тому времени уже понял, как сильно вырастет его статус в глазах филадельфийских снобов, когда его дочь станет принцессой. Правда, у него были серьезные столкновения по финансовым вопросам с отцом Такером, представлявшим интересы князя. Но в конце концов это дело уладили — по брачному договору имущество супругов оставалось раздельным, а Джек выплатил еще и хорошее приданое, сумма которого официально не разглашалась, но ходили слухи о двух миллионах долларов.

Возможно, на его сговорчивость повлияла появившаяся 15 января 1956 года в одной из крупнейших лос-анджелесских газет статья под названием «Моя дочь Грейс Келли. Ее жизнь и любовные увлечения». Этот неожиданный «подарок» преподнесла дочери не кто иная, как Маргарет Келли. Она поведала репортерам о детстве и юности Грейс, а главное — обо всех ее любовниках, правда, выведя большинство из них, за исключением самых знаменитых вроде Кларка Гейбла или Олега Кассини, под вымышленными именами: «В действительности его зовут иначе, — пояснила она, рассказывая о Лайонзе, — однако *я* не вижу причин, зачем ему каждый раз морщиться, встречая в статье свое настоящее имя».

«Для Грейс это был настоящий удар, — вспоминал потом Ренье. — Она отказывалась понять, зачем ее собственная мать решилась на такой шаг». Она позвонила матери и впервые в жизни высказала все, что о ней думала. Растерявшаяся Маргарет после этого даже стала оправдываться, что, мол, журналисты ее обманули, вырвали у нее признания хитростью и т. д. Но учитывая, что статей был целый цикл, и подробности, содержавшиеся в них, журналисты точно не могли бы сами додумать, верится в это слабо.

В чем же было дело? Точно не в корысти — под каждой статьей было подписано: «Гонорар Миссис Джон Б. Келли за серию этих статей целиком и полностью передается Женскому медицинскому колледжу в Филадельфии, единственному в Соединенных Штатах медицинскому колледжу, где обучаются исключительно женщины». Грейс это, пожалуй, бесило больше всего — мало того, что все детство они вечно были обязаны помогать собирать деньги на этот колледж, который для Маргарет был дороже собственных детей, так теперь та готова вообще разрушить ее жизнь!

Впрочем, насчет разрушенной жизни Грейс зря паниковала: тон статей, несмотря на перечисление всех ее увлечений, выставлял ее не развратной потаскушкой, а влюбчивой дурочкой, поэтому сильно ее репутация не пострадала. А вот гордость — да. По статьям выходило, что она то и дело влюблялась в кого попало, поэтому своим счастьем полностью обязана мудрости родителей, которые удержали ее от необдуманных поступков, а потом нашли ей самого лучшего жениха.

Последним ударом по ее гордости стала шутка Джона Келли на пресс-конференции, посвященной помолвке. «Кажется, мы наконец распродали весь товар», — сказал он, имея в виду, что Грейс — последняя из его дочерей, кто выходит замуж. Узнав про это, она с горечью сказала подруге: «Сначала я должна была сражаться с киностудией, чтобы меня не считали товаром. И вот теперь родная семья торгует мною, словно на базаре. Неужто это никогда не кончится? Когда же я, наконец, стану просто человеком?»

37. Американская Золушка

Я любила свою работу, свое ремесло. *Я* не любила необходимость появляться на публике, когда была кинозвездой, хотя даже в Голливуде моя личная жизнь во многих отношениях оставалась моей собственной жизнью. Когда я вышла замуж, моя личная жизнь стала достоянием общества. У меня фактически не осталось ничего личного, с чем и пришлось смириться.

В ожидании свадьбы, назначенной на апрель, Грейс еще успела сняться в своей последней картине с очень подходящим названием — «Высшее общество». Это была музыкальная адаптация «Филадельфийской истории», когда-то ставшей ее актерским дебютом на театральной сцене.

Для этой роли она с присущей ей старательностью даже научилась петь, поскольку очень не хотела, чтобы ее переозвучивала другая актриса. Режиссер был против, но Грейс настояла и победила — их дуэт с партнером по фильму, которого играл ее несостоявшийся жених Бинг Кросби, вошел в золотую коллекцию романтических хитов Голливуда.

Кстати, на съемках произошел забавный случай: героиня, которую играла Грейс, по сюжету в нескольких сериях хвасталась обручальным кольцом, и она в шутку предложила использовать не бутафорское, а настоящее, которое подарил ей Ренье.

«И вот на следующий день, — вспоминала одна из участниц съемок, — она является к нам со своим бриллиантом размером с колесо. Какая это была красотища! Обычно я равнодушна к бриллиантам, потому что это белые безжизненные камни. Однако у этого был цвет! И какой! Мне тотчас вспомнилась стеклянная призмочка, которую я маленькой девочкой видела в детском саду. Казалось, она была наполнена жизнью и светом». А Грейс, наслаждаясь всеобщим изумлением, невинно сказала: «Ведь правда же миленькое?»

Все то время, пока шла подготовка к свадьбе, *а* Грейс заканчивала работу над фильмом «Высшее общество», прессу интересовал один вопрос, на который и жених, и невеста отвечали уклончиво — продолжит ли она сниматься в кино? На самом деле Ренье сразу решил, что карьеру актрисы его жене придется закончить — невозможно «сидеть на двух стульях» и совмещать работу в кино и многочисленные заботы княгини Монако. Помалкивал он в основном чтобы не злить американскую

прессу, и без того считающую, что их голливудская богиня делает старушке-Европе большое одолжение, выходя за одного из ее принцев. К тому же он знал, что у Грейс еще не истек контракт с «Метро-Голдвин-Майер», и не хотел настраивать против себя могущественную киностудию.

Ну а сама Грейс предпочитала не отвечать, потому что не умела так далеко планировать и привычно рассчитывала, что все как-нибудь уладится само собой. С одной стороны, она не хотела бросать кино, а с другой — была уже готова к этому шагу. Она давно мечтала о семейном очаге и к тому же практично понимала, что в качестве княгини Монако будет на виду, а значит свой кусочек популярности у нее всегда останется, причем безо всяких усилий. Не зря Альфред Хичкок, услышав о ее помолвке, с некоторой насмешкой сказал: «Я ужасно счастлив, что Грейс нашла себе такую отличную роль».

Закончилась игра в молчанку в конце января 1956 года, когда Ренье, выяснив, что «Метро-Голдвин-Майер» не будет судиться из-за расторжения контракта, открыто объявил, что его невеста заканчивает карьеру актрисы. Грейс оставалось только подтвердить его слова. В конце концов, она всегда хотела найти мужчину, который снимет с нее бремя ответственности за принятие решений.

В чем была причина такой щедрости «Метро-Голдвин-Майер»? Они ведь не только не стали удерживать свою звезду, но еще и подарили ей свадебное платье стоимостью более семи тысяч долларов, дали ей в сопровождение на свадьбу ее любимую парикмахершу, подарили все наряды, в которых она снималась в «Высшем обществе», и даже выплатили премию.

Дело было прежде всего в том, что на студии достаточно быстро поняли, что их никто не поддержит, если они станут судиться с Грейс. В глазах американцев она была Золушкой, выходящей замуж за принца, и они не простили бы тех, кто захотел бы отнять у них эту сказку. Не зря Маргарет Келли закончила цикл своих скандальных статей о дочери заявлением, от которого была в восторге вся Америка: «В некотором роде ее история — еще одно подтверждение американской мечты. И если Грейси сумела найти себе принца, то это по силам каждой американской девушке».

Поэтому руководство «Метро-Голдвин-Майер» предпочло пойти другим путем и извлечь выгоду из дружбы с Грейс, а не из войны с ней. По соглашению с ней и Ренье они получили эксклюзивное право на съемки их свадьбы и собирались сделать из этого самый прибыльный в истории рекламный ролик ее последнего фильма «Высшее общество», которому скоро

предстояло выйти на экраны.

И вот наконец 4 апреля 1956 года десятки тысяч людей собрались в Нью-Йоркском порту провожать Грейс, отплывающую на лайнере «Конституция» в далекое сказочное Монако.

38. Свадьба века

Со мной творится нечто странное, я чувствую, что становлюсь счастливее с каждой минутой.

12 апреля 1956 года лайнер «Конституция» бросил якорь в порту Монако. Грейс встречали тысячи людей, море у побережья было заполнено легкими яхтами и лодками — словно вся страна собралась посмотреть на свою будущую княгиню. Когда она вышла на палубу, с самолета посыпался дождь красных и белых гвоздик — подарок от Аристотеля Онассиса. Такого пышного торжества в Монако не видели давно.

Свадьба была назначена через неделю, а пока Грейс и Ренье каждый день давали приемы, на которых приветствовали прибывающих высоких гостей. Правда, среди них почти не было членов королевских семей — они ограничились поздравлениями и свадебными подарками. Что поделать, предыдущие принцы Монако не раз шокировали всю Европу, поэтому от них предпочитали держаться подальше, чтобы не оказаться замешанными в скандале.

Будущая свекровь, княгиня Шарлотта, встретила Грейс очень холодно. К счастью, она не имела большого влияния на сына, поскольку еще в 1933 году развелась с мужем и пустилась во все тяжкие, а сейчас жила со своим шофером — бывшим знаменити вором драгоценностей. Она изо всех сил демонстрировала презрение к будущей невестке-плебейке, но ее бывший муж, отец князя Ренье, в свою очередь не забывал напомнить ей, что она всего-навсего незаконнорожденная дочь бывшего князя (предыдущего правителя Монако), которую тот удочерил, чтобы не передавать престол немецким родственникам.

Сестра Ренье, недавно разошедшаяся с первым мужем, тоже не особо радовалась будущей невестке, поскольку вынашивала планы сместить брата и занять престол. Единственным членом княжеской семьи, кто отнесся к Грейс доброжелательно, был отец Ренье, князь Пьер де Полиньяк.

Вдобавок ко всему во время подготовки к свадьбе нескольких гостей ограбили — украли драгоценности. Пресса с радостью ухватилась за это событие, напомнившее недавний фильм Грейс «Поймать вора». Вдобавок ко всему скандальности добавляло то, что в воровстве подозревали любовника княгини Шарлотты. Уставших от постоянных преследований журналистов Ренье и Грейс этот скандал довел до того, что им уже хотелось только

побыстрее со всем покончить и сбежать подальше от всей этой толпы.

18 апреля 1956 года в тронном зале монакского дворца состоялось наконец долгожданное бракосочетание. Точнее, первое из трех — сначала они заключили брак по гражданскому обряду, потом повторили эту церемонию для операторов «Метро-Голдвин-Майер», и наконец на следующий день состоялось торжественное венчание.

В качестве подружек невесты Грейс выбрала шестерых своих старых подруг: одну еще по школе, а остальных — тех, с кем она вместе снимала комнаты и квартиры. Ее выбор несколько озадачил французскую прессу, поскольку по традиции подружки невесты должны были быть девушками-католичками, а из них две были разведены, две — еврейки, и уж точно ни одна не была девственницей. Но Грейс ценила дружбу выше традиций и пожелала, чтобы под венец ее сопровождали те девушки, которые делили с ней радости и горести юности, выслушивали ее жалобы и поддерживали во время очередных личных драм.

19 апреля в ясный солнечный день в соборе стали собираться гости. Королей не было, если не считать пару восточных царьков, но и без них было на кого посмотреть — аристократы, миллионеры, звезды кино, среди которых были Аристотель Онассис, Ава Гарднер и герцогиня Вестминстерская.

Венчание транслировалось на девять европейских стран — для тех времен это было невиданным размахом. Свадебную церемонию посмотрело около тридцати миллионов человек. И кажется, никогда еще Грейс не была так знаменита и популярна, как в этот день. А ее платье — подарок киностудии — было необыкновенно прекрасно, как и положено наряду сказочной принцессы. Пожалуй, до сих пор, сколько бы королевских свадеб за эти годы ни произошло, свадебный наряд Грейс Келли так и остается непревзойденным образцом элегантности.

После венчания и поздравлений молодожены удалились и вернулись уже в дорожной одежде. В гавани их ждала яхта, на которой они отправились в свадебное путешествие. Наконец-то вдвоем, вдали и от журналистов, и от родственников.

39. Княгиня Монако

Я конечно же уважаю людей, которые должны делать свою работу. Но у некоторых газет своеобразное представление о том, что мы — литературные герои, и это дает им право сочинять про нас любые истории, какие им только вздумается. Невозможно защитить себя от «литературного творчества» такого рода.

Грейс попала в сложную семью, что она, впрочем, поняла безо всяких подсказок еще перед свадьбой. К тому же дворец был опутан традициями и правилами, которые нельзя было нарушать и с которыми она долго боролась, видя их глупость и архаичность. «Грейс призналась мне, какой несчастной она чувствовала себя в первые месяцы, — рассказывала ее подруга, писательница Гвен Робинс. — Она отвратительно чувствовала себя по утрам, и словно пытаясь еще сильнее досадить ей, по мрачному дворцу разгуливал мистраль, отчего у бедняжки обострялся насморк. Грейс изо всех сил старалась привнести в этот мрак и пыль хоть чуточку солнечного света, хотя и не сомневалась, что за спиной слуги насмешливо передразнивают ее американские затеи и ужасный французский выговор». Но на ее стороне было, во-первых, общественное мнение, во-вторых, надежды монакского народа, ожидавшего, что с ее появлением княжество вернет себе прежнее процветание, и в-третьих, что самое главное — муж. К тому же она сразу же выполнила первую и главную обязанность княгини: из свадебного путешествия она вернулась уже беременной.

Приданое для ребенка она отправилась покупать. в Нью-Йорк, ведь она все равно оставалась американкой и была уверена, что в США все самое лучшее. Там ее быстро подкараулили вездесущие репортеры, и в сентябре 1956 года в газетах появилась ее фотография, на которой она смущенно прикрывала уже заметный живот большой квадратной сумкой. Такие сумки сразу же вошли в моду и стали называться «сумками Келли», хотя изначально предназначались для перевозки снаряжения для верховой езды.

Газеты вновь запестрели фотографиями Грейс и статьями о ней, а их с Ренье визит в Белый дом освещался подробнее, чем визиты президентов крупных держав. Вся Америка интересовалась «своей принцессой» и радовалась будущему наследнику Монако.

Но американские «каникулы» скоро закончились, и князь с

княгиней вернулись в Монако. Согласно багажной квитанции, общий вес привезенных ими вещей составлял около двух тонн. Правда, там были не только детские вещи, но и разные современные бытовые приборы, и старинная французская мебель из квартиры Грейс.

К рождению ребенка она готовилась со всей тщательностью — прочитала гору современной литературы и твердо решила, что будет рожать его без обезболивающего и вскармливать материнским молоком. И вот в январе 1957 года, через девять месяцев и четыре дня после свадьбы на свет появилась наследница монакского трона, нареченная Каролиной Луизой Маргаритой. В честь этого был объявлен общенациональный праздник и амнистия — из тюрьмы выпустили единственного сидевшего там заключенного.

Маргарет Келли поддерживала Грейс в эти дни — она специально приехала из США к январю на тот случай, если ребенок родится раньше срока. Джек, разумеется, оставался дома, *а* когда ему сообщили о рождении внучки, сказал: «О черт, а я надеялся, что будет мальчик». Впрочем, Грейс знала свой долг, и его надежды сбылись уже через год и два месяца, когда 14 марта 1958 года на свет появился принц Альбер Александр Луи Пьер, ныне правящий князь Монако.

Но конечно, ее вклад в современное процветание Монако не ограничился тем, что она подарила стране наследников. Аристотель Онассис был прав — голливудская звезда в княжеской короне привлекла к себе взоры всего мира. Начиная с ее свадьбы, Монако больше не знало недостатка в туристах, и доходы как правящего дома, так и простых граждан неуклонно росли.

К тому же кампания в прессе привлекла к княжеству внимание многих бизнесменов. В Монако была очень льготная система налогообложения, а подоходного налога не было вообще. Но прежде об этом знали лишь избранные, которые сами перевели туда свой бизнес, но не стремились делиться секретом с конкурентами. Теперь же туда устремились многие толстосумы, не желавшие платить налоги на родине. К 1961 году оборот монакского бизнеса достиг 128 миллионов долларов, то есть за десятилетие вырос на 400 %.

Правда, такая политика вызвала сильное недовольство Франции, поскольку основной отток денег был именно оттуда. Президент де Голль уже готов был пойти на репрессивные меры, и Ренье срочно послал к нему Грейс. Та и не думала вникать в политику, она была воспитана как американская домохозяйка в уверенности, что политика — не женское дело, ее дело — мужа поддерживать. Она легко очаровала де Голля и французов, и

переговоры вновь вернулись в мирное русло. Безусловно, Грейс была очень ценным приобретением для Монако.

Но за это княжеской семье пришлось расплатиться личной жизнью. Теперь они всегда находились под постоянным наблюдением прессы. Любой их шаг становился достоянием общественности, наблюдавшей за их жизнью как за увлекательной мыльной оперой.

Тем более что журналисты старались вовсю, создавая сенсации на пустом месте — например, когда вся семья отдыхала в Швейцарии, кто-то пустил слух, что принцессу Каролину похитили, и уже на следующий день эта новость облетела все газеты мира. Опровержения князя никто не слушал. А он был в настоящей ярости: «Похищение — чистейшей воды выдумки! Это просто преступно, ведь для кого-то это могло бы оказаться хорошей подсказкой!»

Увы, он еще долго надеялся, что ему удастся взять прессу под контроль и выдавать журналистам информацию строго дозированно. На деле это только подстегивало интерес публики к тому, что оставалось скрыто от их глаз. В конце концов Ренье пришла в голову хорошая идея нанять специальных людей, которые были бы ответственны за создание их имиджа для прессы — писали статьи, отбирали фотографии и передавали их журналам, инструктировали «прикормленных» репортеров и отвечали на письма за Грейс и Ренье. На время такая тактика позволила им хотя бы частично сохранить свою личную жизнь неприкосновенной. Но только на время.

Свои обязанности княгини Грейс выполняла безукоризненно и в то же время каждым своим шагом формировала положительный имидж Монако и правящей там семьи. Она много занималась благотворительностью, организовала в княжеском дворце ежегодную рождественскую елку для всех детей Монако в возрасте от трех до двенадцати лет, открыла больницу и детский сад, покровительствовала сиротскому приюту. А в начале 60-х Грейс стала одной из основательниц и почетным президентом Всемирной ассоциации друзей детства, помогавшей детям третьего мира.

Ренье поддерживал ее деятельность и даже назначил ее руководителем главной благотворительной организации Монако — Общества Красного Креста. Поддержал он ее и в одном из первых начинаний, вызвавшем большой восторг в прессе — отмене стрельбы по голубям. Была в Монако такая старая забава, заведенная еще толстосумами XIX века, приезжавшими прожигать жизнь в местных казино, — для них выпускали голубей и они по ним стреляли. Теперь по настоянию Грейс это было запрещено.

Ежегодный монакский благотворительный бал Красного Креста под ее руководством стал гвоздем светского сезона всей Ривьеры. Она приглашала на него своих голливудских друзей, в том числе Кэри Гранта и Фрэнка Синатру, и разумеется, билетов на бал было просто не достать.

Что касается дел семейных, то они шли с переменным успехом. Несмотря на то, что у Ренье оказался очень тяжелый и вспыльчивый характер, первые годы их брак был достаточно счастливым. Они оба души не чаяли в детях: Грейс читала им сказки, воспитывала по новейшим методикам, а Ренье устраивал для них представления, наряжаясь в «тетушку Леонору», которую те просто обожали.

Но к сожалению, излишняя любовь и постоянное внимание, которыми были окружены дети, сказались на них не лучшим образом — они выросли страшно избалованными и со временем превратились в притчу во языцех во всей Европе. Но тучи начали сгущаться задолго до того, как они повзрослели.

В 1961 году Кэри Грант, заехавший к Грейс в гости, заметил, что она не слишком-то счастлива. Тому было несколько причин: умер ее отец, у нее было два выкидыша, отношения с Ренье начали ухудшаться, да еще к тому же ее подруга, актриса Рита Гам, получила награду за недавнюю роль в кино, и это вызвало у Грейс приступ ностальгии по тем временам, когда она сама была кинозвездой.

Все это привело к тому, что Грейс задумалась о возвращении к актерской профессии. Не навсегда, разумеется, а только на одну роль, и обязательно у великого режиссера. Благо такой был и даже горел желанием ее снимать: Альфред Хичкок, некогда очень расстроенный уходом Грейс из кино, был бы рад взять ее на главную роль в свой новый фильм «Марни».

И даже Ренье, обеспокоенный депрессией супруги, не был против, он даже запланировал поездку в США, чтобы самому присутствовать на съемках. «Я полагал что, для всех нас это станет настоящим развлечением, — вспоминал он об этом двадцать пять лет спустя, — особенно для детей. *Я* ведь знал, что ей хочется сниматься. И к тому же это означало работу с Альфредом Хичкоком, которого она просто обожала».

Но увы, вмешалась пресса. Поднялась шумиха, газеты стали писать, что брак князя Монако разваливается, раз его жена решила вернуться в кино. Боссы «Метро-Голдвин-Майер» сочли себя оскорбленными — вот как она отплатила за их благородное согласие расторгнуть контракт. В итоге Грейс пришлось отказаться от возвращения в кино. И даже обидчивый Хичкок понял причины ее решения. «Дорогая Грейс, — написал он ей. —

Разумеется, это печально. *Я* ничуть не сомневаюсь, что ты не только приняла лучшее решение, но и единственно возможное, отказавшись от нашего проекта. В конце концов, это всего лишь кино.»

40. Последние годы

> Хотелось бы, чтобы меня запомнили как титулованную особу, которая сделала много полезных дел и которая была добросердечной и любящей женщиной.

Мне хотелось бы оставить память о себе как о личности с активной жизненной позицией, которая делала все возможное, чтобы помогать другим.

Возвращение в кино было для Грейс теперь закрыто. Что же, она пережила это и вернулась к обязанностям княгини. В 1965 году у нее родился третий ребенок, дочь Стефания Мария Елизавета, что несколько взбодрило ее, но в целом жизнь вовсе не была такой радужной, как можно было подумать, глядя на фотографии княжеской семьи.

С Ренье они все больше отдалялись, дети росли балованными, сестра Пегги превратилась в пьяницу, брат Келл после смерти отца начал прожигать жизнь в клубах, а когда его пытались укорять, отвечал: «Я всегда был или сыном Джона Б. Келли, или же братом Грейс Келли. Но ни разу — собой». И наконец в 1967 году у Грейс случился очередной выкидыш, после которого врачи сообщили ей, что больше детей у нее не будет.

Тем не менее жизнь, конечно, продолжалась — Грейс вернулась к благотворительности и обязанностям княгини, приняла участие в редактировании своей первой биографии, вышедшей из-под пера Евен Робинс, которую так очаровала, что та изъяла из книги все скандальные эпизоды.

Но друзья, как старые, так и новые, все больше замечали, что она превращается лишь в тень прежней Грейс или даже хуже — в пародию на нее. Она всегда была слишком доброй, но теперь стала практически безотказной. Ею помыкали и муж, и избалованные до безобразия дети. Она страдала от равнодушия мужа и все больше смотрела в прошлое, вспоминая дни счастья и славы.

Дональд Спото, писавший книгу о Хичкоке, беседовал с Грейс и поразился, насколько несчастливой выглядит эта женщина, у которой вроде бы есть все. «Было видно, что ей очень нравилось, когда ее расспрашивали обо всем этом и серьезно воспринимали все ее ответы, — писал он. — Однако мне показалось, что было в ее ответах нечто печальное: женщина, которой нет пятидесяти и у которой все в прошлом».

Впрочем, окончательно потеряв иллюзии насчет возвращения прежних чувств в браке, Грейс даже немного оживилась. В последние годы она много путешествовала, и вокруг нее даже кружились скандальные слухи о романах с мужчинами намного моложе нее. К тому же, несмотря ни на что, она продолжала интересовать прессу и ее не забывали в киномире. В 1976 году она даже приняла приглашение стать первой женщиной в числе совета директоров компании «Двадцатый век Фокс». Конечно, это была просто почетная должность, но Грейс она искренне обрадовала.

Много хлопот доставляли ей и повзрослевшие дети, чьи скандальные сексуальные связи, браки с кем попало и громкие разводы до сих пор развлекают публику по обе стороны Атлантики. В свой последний день, 13 сентября 1982 года, Грейс как раз собиралась поговорить по душам с младшей дочерью Стефанией, поэтому оставила шофера и сама села за руль.

Не прошло и часа, как на глазах водителя грузовика, ехавшего по горному серпантину в сторону Монако, ее автомобиль на большой скорости не вписался в поворот и рухнул в пропасть. Это было на той самой дороге, по которой она гоняла в фильме «Поймать вора» и один раз уже чуть было не погибла. Прибывшая через несколько минут полиция нашла раненую Стефанию и умирающую Грейс.

Что случилось? Никто толком не знает. То ли Грейс не справилась с управлением — водитель из нее всегда был неважный. Толией стало плохо, как утверждали потом официальные источники. Версии были разные — и диверсия, и убийсво, и предположение, что за рулем была не сама Грейс, а Стефания.

Врачи сделали все, что могли, но это было бесполезно. 14 сентября 1982 года по решению семьи аппарат искусственного жизнеобеспечения был отключен.

Грейс Келли умерла.